

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 2/2019

Главный редактор
П.А. Ореховский

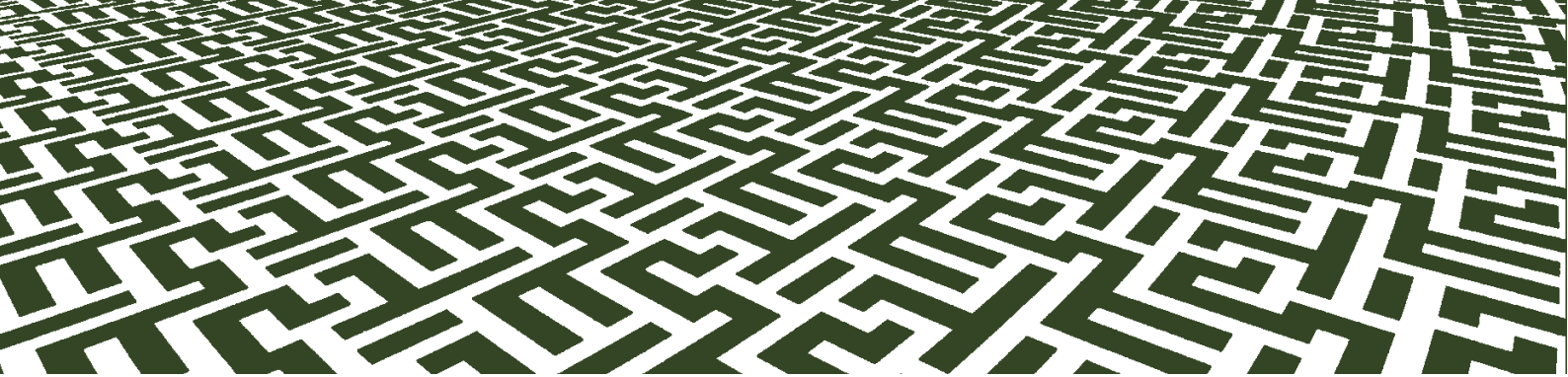
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	В.И. Маевский
О.И. Ананьин	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
А.М. Либман	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº2
2019

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 2/2019

Chief Editor
P.A. Orekhovsky

Editorial board

V.S. Avtonomov	V.I. Mayevskiy
O.I. Anan'in	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
A.M. Libman	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д.Ш. Гогохия Деньги как ликвидный актив: теория и история	7
В.В. Матвеев Идеология как стратегический фактор становления и развития институтов	21

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С.Г. Кирдина-Чэндлер О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова)	32
---	----

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

И.Л. Кириллюк, А.П. Свиридов Рынок страхования в России: текущее состояние и перспективы	43
--	----

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели, А.А. Спадерова Перипетии «воспитательного протекционизма»	62
А.А. Мальцев, В.В. Сухих Истоки отставания российской экономической науки: случай одного региона	82

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Ковалёв Язык как спонтанный порядок: частный случай	92
Е.Е. Шестакова Современное социальное государство: патрон или помощник?	104

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.А. Безнин, Т.М. Димони Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева ..	118
Г.Г. Попов Кризис инновационного развития советской экономики периода «застоя» в понимании руководства СССР и ученых-современников того периода	136
А.С. Сенявский Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты	147
В.Л. Степанов Идеи немецкой исторической школы в России (вторая половина XIX в.)	162

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский «Научные трансакции» и слепые пятна в анализе институтов общественных наук (О книге профессора А.Н. Олейника «Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках»)	174
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

D. Gogohia

Money as a liquid asset: theory and history 7

V. Matveev

Ideology as a strategic formation factor and development institutions 21

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

S. Kirdina-Chandler

About money and social orders (Reflections on the article of V.M. Efimov) 32

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

I. Kirilyuk, A. Sviridov

Insurance market in Russia: Current state and prospects 43

HISTORY OF THOUGHT

G. Gloveli, A. Spaderova

Peripetics of «Tutelary protectionism» 62

A. Maltsev, V. Sukhikh

The origins of the russian economics backwardness: The case of one region 82

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Kavaliou

Language as a spontaneous order: Private case 92

E. Shestakova

Modern welfare state: Patron or assistant? 104

ECONOMIC HISTORY

M. Beznin, T. Dimoni

The institutional features of Russian capitalism: from Stalin to Brezhnev 118

G. Popov

The crisis of innovative development of the soviet economy during the «zastoy»
in the understanding of the Soviet leadership and scientists-contemporaries of this period 137

A. Senyavskiy

Urbanization process in USSR in the economic measurements: Structural and institutional
aspects 147

V. Stepanov

The ideas of German historical school in Russia (Second half of the XIX century) 162

SURVEYS & REVIEWS

P. Orekhovsky

«Scientific transactions» and blind spots in analysis of institutes of social sciences
(About the book by professor A.N. Oleynik «Scientific Transaction: networks and hierarchies
in the social sciences ») 174

Д.Ш. Гогохия

д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН, Москва

ДЕНЬГИ КАК ЛИКВИДНЫЙ АКТИВ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы происхождения денег, их роли как ликвидного актива в становлении и развитии рыночной экономики. На основе критического анализа известных в экономической литературе подходов, в частности учения о деньгах К. Менгера и теории предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, выдвинуто ряд положений о необходимости обеспечивать стабильность стоимости денег. Показано, что деньги как средство сохранения стоимости являются предпочтительной (общепринятой) для накопления формой богатства, устраняющей влияние различий в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ на процессы рыночного ценообразования. Именно спрос на деньги как ликвидный актив и средство сохранения стоимости обеспечивает обратную зависимость между ценой товара и совокупным спросом на него и таким образом достижение динамического равновесия на товарных рынках.

Ключевые слова: *теория денег, цены, норма процента, закон спроса, ликвидность, издержки содержания, уравнение обмена.*

JEL: F02, F34, F43.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10201

Соединить теорию с историей, когда речь идет о деньгах, совсем не просто. Экономоантропологи, например, на основе анализа первоисточников пришли к выводу, что по происхождению своему деньги скорее средство накопления, а не средство обмена [Малахов, 1992]. Не случайно, желание людей накапливать богатство в денежной форме или предпочтение ликвидности отмечалось практически во все исторические эпохи. Но, отчасти поэтому экономисты, начиная с классиков, склонны пренебрегать денежной формой богатства. Ведь получается, что деньги существовали задолго до таких привычных для нас вещей, как свобода выбора профессии и места работы, а также целого ряда других, экономически значимых, прав и свобод, которые характеризуют товарно-рыночную организацию общественного производства как явление исторически уникальное. Тем не менее отсюда вовсе не следует, что истоки товарно-рыночной организации общественного производства и движущие силы товарного производства никак не связаны с феноменом денег. Во всяком человеческом обществе так или иначе решается вопрос о том, сколько работать и какую часть результатов производства потратить, а какую – сохранить с целью накопления богатства. Но во всяком человеческом обществе свобода выбора людей по этому фундаментальному вопросу существенно ограничивается натуральной формой продуктов человеческого труда, далеко не в равной степени пригодных к накоплению. Именно в данной связи деньги должны вступать в экономический анализ, ибо деньги и только деньги дают возможность раздвигать границы накопления, независимо от натуральной формы производимых продуктов. И именно поэтому, как мы намерены показать, *спрос на деньги как средство накопления играет ключевую роль в становлении и развитии товарного (специализированного) производства во всяком человеческом обществе.*

Задача, которая стоит перед нами, требует экскурсов не только в историю товарного производства, но и в историю экономической мысли. Ведь нужно показать, почему учение

классиков, согласно которому деньги лишь облегчают обмен товарами посредством их продажи и покупки, вытеснило учение меркантилистов, которые видели в деньгах предпочтительную для накопления форму богатства. Нужно разъяснить также, почему учение классиков о деньгах господствует по сей день, несмотря на, казалось бы, глубокую перестройку фундаментальной экономической теории, предпринятую неоклассиками¹. Иначе говоря, нужно разъяснить, почему классическое учение о деньгах как простом посреднике при товарном обмене, являясь поверхностным, глубоко укоренилось в экономической науке. Или почему высказывания некоторых классиков о наличии рационального зерна в учении меркантилистов оказались не востребованными.

К. Маркс, который, несомненно, принадлежит к числу классиков политической экономии, неоднократно указывал, что распадение акта обмена на продажу и покупку не устраняет полностью те трудности или издержки, которые свойственны товарному обмену. Согласно его учению о форме стоимости [Маркс, 1960], продажа и покупка товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения, тем не менее не сводимы к обмену одних товаров на другие даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистическом. Общая причина для всякого товарного производства сводится по Марксу к противоречию между общественным характером производства и частным присвоением, т.е. коренится в товарно-рыночной организации общественного производства.

Нетрудно показать, однако, что именно переход от простого (стационарного) товарного производства к производству товарно-капиталистическому, казалось бы, подтверждает исключительно посредническую роль денег. Ведь продажа и покупка товаров за деньги не сводима к обмену одних товаров на другие только в том случае, если не вся денежная выручка от продажи товаров расходуется на покупку других товаров. Учитывая, что в капиталистическом обществе деньги расходуются не только на потребительские товары, но все больше и больше на капитальные активы, доказать это совсем не просто. Не случайно, что до Дж.М. Кейнса мало кто из экономистов сомневался в том, что в капиталистическом обществе все свободные от расходования на потребительские нужды деньги либо непосредственно, либо посредством тех или иных форм кредита находят дорогу на рынки капитальных активов. Никто не отрицал, что при товарно-рыночной организации общественного производства, когда хозяйствующие субъекты принимают решения самостоятельно и независимо друг от друга, суммарная стоимость планируемых денежных сбережений может не совпадать с суммарной стоимостью планируемых инвестиций, т.е. денег, расходуемых на покупку капитальных активов. Но приводились, казалось бы, убедительные доводы в пользу того, что само это несоответствие должно воздействовать на рыночную норму процента, которая, достигнув определенного уровня, непременно сбалансирует инвестиции и сбережения, ибо изменение нормы процента в равной мере воздействует как на сбережения, так и на инвестиции. Одной из несомненных заслуг Кейнса является внесение большой доли сомнения в возможность такого решения проблемы инвестиций и сбережений.

Теория предпочтения ликвидности Дж. М. Кейнса

Учение Дж. М. Кейнса трактуется и оценивается экономистами по-разному. Одни акцентируют внимание на одних аспектах его учения, другие выделяют другие. Поэтому имеет смысл с самого начала указать на то новое и, на наш взгляд, принципиально важное

¹ Сегодня принято говорить, что деньги удешевляют акты обмена, поскольку сокращают транзакционные издержки. Но вряд ли такое уточнение само по себе способно обновить классический взгляд на происхождение и назначение денег.

(хотя недостаточно строго обоснованное самим Кейнсом), что делает его систему источником непреходящих истин.

Кейнс совершенно правильно указывал, что спрос на деньги не исчерпывается спросом на товары, поскольку во всяком обществе люди воспринимают и используют деньги как *форму богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенного будущего*. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т.е. возможность использования их для достижения различных (неопределенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но, как справедливо подчеркивает Кейнс (в гл. 17 «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги – это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействие со стороны растущих издержек содержания. Хотя, как считал Кейнс, все блага длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, расходование денег на капитальные активы (по определению менее ликвидных, чем деньги) чревато риском убытков. Отсюда следует, что норма процента неотделима от денег как ликвидного актива, ибо процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу.

Достаточно очевидно, однако, что деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на данное обстоятельство. Между тем логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Для чего хранить деньги, если в качестве средства сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть, без дополнительных издержек, превращены в деньги. Ведь транзакционные издержки остаются одними и теми же, независимо от того, что именно хозяйствующие субъекты предпочитают хранить. Единственное требование к хранимым товарам – низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что деньги как средство сохранения стоимости не имеют никаких преимуществ по сравнению с товарами, свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но с достаточно обоснованной претензией более глубокого анализа товарно-рыночной организации общественного производства.

Нетрудно заметить, однако, что в этом пункте намечается угроза разрыва между теорией и историей. Если есть основания для переноса свойства ликвидности на товары, теория лишается возможности объяснить для чего нужны деньги как универсальное (обще принимаемое) средство платежа за товары. Тем самым теория лишается возможности объяснить, для чего нужны или отчего происходят финансовые кризисы, во время которых именно избыточный спрос на деньги (ликвидность), толкая норму процента вверх, а товарные цены вниз, обрушивается на рыночную экономику подобно стихийному бедствию. Поскольку финансовые кризисы случаются все же в истории, а не в природе, выяснение порождающих их причин позволило бы их предотвращать. Но, судя по всему, крайне сложно противодействовать трендам, нарушающим равновесие между спросом и предложением на денежном рынке, оставаясь в кругу представлений, согласно которым деньги приобретают свойство ликвидности постольку, поскольку облегчают (удешевляют) обмен товарами. При этом подразумевается, что сами по себе деньги никак не участвуют

в процессах ценообразования. Неслучайно в базовой модели общего рыночного равновесия Л. Вальраса цены назначаются аукционистом в произвольно выбранных единицах на том основании, что для обладателей товарных запасов важное значение имеет не денежная форма выражения цен, а исключительно их соотношение, показывающее, в каких пропорциях одни товары могут быть замещены другими. Подразумевается, что поскольку планируемый спрос на товары со стороны каждого товаровладельца ограничивается наличным их запасом (предложением), избыточный спрос на одних товарных рынках при любом наборе товарных цен уравнивается по стоимости избыточным предложением на других, что, как предполагается, гарантирует нахождение путем проб и ошибок набора равновесных цен [Вальрас, 2000].

Вместе с тем модель Вальраса вполне способна учесть тот факт, что в действительности товары оцениваются в денежных единицах, поскольку отчуждаются за деньги. Ведь, если спрос на деньги не исчерпывается спросом на товары (как это пытался доказать Дж.М. Кейнс), равновесные цены не могут быть определены без учета денежных запасов (накоплений).

В системе Кейнса теория денег, как это видно из вышеизложенного, тесно связана с теорией процента. Но чтобы придать этой связи большую определенность, следует признать, что нормальная (равновесная) величина процента есть та *цена, которая обеспечивает, во всяком случае должна обеспечивать неизменность стоимости денег*. Как мы видели, такое предположение вполне согласуется с теорией предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, более того придает ей логическую строгость.

Ортодоксальная теория денег тесно связана с представлением, согласно которому товарное производство якобы способно развиваться без поступления новых денег на товарные рынки. Ведь в качестве средства обмена деньги никак не влияют на процессы ценообразования, а стало быть, на стоимостные результаты и затраты производства. Отсюда следует, что для выявления движущих сил товарного производства, условий его становления и развития никакие деньги не нужны. Достаточно указать на такие вещи, как разделение труда, различия в издержках производства (концепцию сравнительных преимуществ Д. Рикардо) и/или на различия в предпочтениях товаропроизводителей. На капиталистической стадии развития товарное производство характеризуется расширением инвестиционного сектора, ускорением процессов, связанных с внедрением новых технологий и т.п. Но все это, казалось бы, вполне вписывается в вышеизложенные представления о природе или характере движущих сил товарного производства.

Отчасти поэтому отказаться от подобных представлений совсем не просто. Важный шаг на этом пути состоит в том, чтобы показать, что принцип неизменности стоимости денег (поскольку он согласуется с теорией предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса) можно и должно рассматривать в качестве *универсальной характеристики или предпосылки анализа товарного производства*.

Нам могут указать, что принцип неизменности стоимости денег не согласуется с историей. Но, как известно, исторические факты выглядят несколько по-иному при более широком и/или глубоком теоретическом охвате привычного, установленного ранее, порядка вещей.

Принцип неизменности стоимости денег в контексте уравнения обмена

Хорошо известно, что впервые внимание к проблеме стоимости (ценности) денег и к теории стоимости (ценности) вообще было привлечено революцией цен в XVI–XVII вв., когда на западноевропейские рынки хлынул огромный поток сравнительно дешевого

золота и серебра из Нового света. Рост цен, означающий падение стоимости денег, положил начало формулировкам количественной теории денег и, как следствие, изоляции теории денег от теории стоимости (относительных цен). Дело в том, что рост товарных цен увязывался не только и не столько с низкой стоимостью (по издержкам или редкости – полезности) американского золота и серебра, сколько с представлением об избыточных запасах денег по сравнению со спросом на деньги как средством обращения. Количественная теория денег утверждает, что рано или поздно увеличение количества денег (M) ведет к пропорциональному росту товарных цен (P). Отсюда следует, что увеличение количества денег не увеличивает стоимости совокупного денежного запаса и таким образом не прибавляет ничего к общей величине накопленного обществом богатства, поскольку стоимость денежной единицы падает пропорционально увеличению количества денег. Сторонники количественной теории пытались и пытаются опереться на уравнение обмена ($MV = PQ$), которое если не по форме, то по сути хорошо было известно экономистам классической школы, поскольку основывается на равноценности израсходованных на покупки денег, с одной стороны (MV), и того, что на них куплено, – с другой (PQ). Вместе с тем фактическое соотношение между увеличением количества денег и повышением цен в эпоху революции цен разошлось с предсказаниями количественной теории. За два века цены выросли примерно в 2–3 раза, тогда как масса денег увеличилась в 15–17 раз². Такой итог (согласно уравнению обмена) объясняется, во-первых, тем, что товаропроизводители не только с готовностью отчуждали свои продукты в обмен на деньги, но и не упускали возможности расширить объемы производства и продаж (Q). Во-вторых, не вся выручка от продажи товаров расходовалась на покупку других товаров. Часть денег сберегалась и накапливалась. В мотивационном отношении обе эти причины были тесно взаимосвязаны. Стимулом к расширению производства были именно деньги, желание увеличить их запас. Это хорошо понимали меркантилисты, взгляды которых вряд ли могут быть полностью отброшены.

Считается, что меркантилисты преувеличивали значение притока денег в страну, поскольку они отождествляли деньги с богатством или капиталом. Но разве государство, как и индивид, не должно расходовать меньше, чем приобретает, если намерено увеличивать свое богатство? Вопрос в том, какую экономическую форму принимает или должен принимать этот излишек сверх потребляемого? Для своего времени (когда еще не открылись широкие инвестиционные возможности, связанные с промышленной революцией) учение меркантилистов, в рамках которого излишек отождествлялся с денежной формой богатства, выглядело естественным, а, учитывая некоторые обстоятельства, вполне разумным именно с экономической точки зрения.

Дело в том, что по мере затухания революции цен все больше фактов свидетельствовало о том, что ценность тогдашних металлических денег отличалась от ценности товаров большей устойчивостью. Поэтому среди мотивов, побуждающих расширять производство товаров, центральное место занимал мотив приобретения денег, которые воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами как предпочтительная для накопления форма богатства, позволяющая сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности без риска потери их ценности.

Этот весьма действенный мотив увеличения объемов товарного производства трудно согласовать с представлением, согласно которому нормальное (беспрепятственное) развитие товарного производства предполагает использование денег исключительно как средство обмена или (что, то же самое при многостороннем обмене), как средство обращения. Иначе, дескать, не вся произведенная товарная продукция найдет на рынке своего покупателя.

² Разные авторы по-разному оценивают приток денег и рост цен, но что приток денег многократно превысил повышение цен, отмечается всеми и не подлежит сомнению.

Между тем нетрудно показать, что далеко не все деньги, которые расходуются на одних товарных рынках, приобретаются на каких-то других товарных рынках, оставляя даже за скобками анализа тот факт, что во всяком обществе деньги отчасти приобретаются в обмен на долговые обязательства, т.е. в кредит. Как справедливо указывал К. Маркс, критикуя учение о деньгах Маклеода, кредитные отношения не объясняют нам в какой связи (почему и как) деньги становятся универсальным (общепринятым) средством платежа за товары. Следовательно, они должны быть выведены из товарно-денежных отношений, а не наоборот [Маркс, 1959. С. 125].

Концепция кредитной природы денег в последние десятилетия приобрела многочисленных сторонников, особенно среди экономистов институционального направления. Но, наверное, нужно согласиться, что никакие ссылки на историю и/или на устройство современной денежно-кредитной системы не меняют существа дела, отмеченного Марксом.

Вместе с тем во втором томе «Капитала» К. Маркс находит нужным специально указать, что далеко не все находящиеся в обращении деньги приобретаются на товарных рынках. Исследуя процесс обращения авансированного денежного капитала [Маркс, 1961, С. 534–542], он подчеркивает, что золотопромышленники (при золотом стандарте) продают добытое золото не на рынке, а на монетном дворе, получая плату за него не по рыночной, а по твердой (фиксированной) цене. Выходя на рынок, золотопромышленники только покупают товары, ничего не продавая. Следовательно, учитывая, что покупка товара означает для кого-то его продажу, владельцы обычных товаров покупают на рынке товаров на меньшую сумму денег, чем продают [Там же].

Нетрудно заметить, однако, что рассуждение Маркса распространяется на любое (как простое, так и капиталистическое) товарное производство. Сказать об этом тем более необходимо, что рассуждение Маркса фактически основывается на том предположении, что деньги пользуются спросом как средство накопления. Ведь если бы деньги не пользовались спросом как средство накопления, никто не пожелал бы покупать товаров на меньшую сумму денег, чем продавать. Вследствие этого даже относительно незначительное увеличение общего количества денег вызвало бы избыточный спрос на товарных рынках и, как следствие, повышение товарных цен или, что то же самое, падение меновой стоимости денежной единицы. Маркс, однако, исключил из своего анализа такой сценарий. Анализируя процесс обращения авансированного денежного капитала, он использовал принцип неизменности стоимости денег, что позволило ему разъяснить, каким образом капиталисты в качестве покупателей рабочей силы извлекают из товарно-денежного обращения большую стоимость, выраженную в деньгах, чем та, которую они расходуют (авансируют) на покупку производственных ресурсов [Маркс, 1961, С. 540].

Казалось бы, использование принципа неизменности стоимости денег лишь прием анализа, который позволил Марксу более отчетливо показать, как формируются стоимостные результаты и затраты капиталистического производства. Ведь если стоимость денег (золота), как полагал Маркс, подчиняется тому же закону стоимости, что и стоимость обычных товаров, для понимания источника капиталистической прибыли (превышения стоимостных результатов производства над затратами) более важен не второй, а первый том «Капитала». Однако это не совсем так. Между стоимостью денег (из чего бы они не изготавливались) и стоимостью обычных товаров существует связь, но она не столь проста и универсальна, как это полагал К. Маркс. Между тем принцип неизменности стоимости денег в качестве предпосылки анализа товарного производства имеет универсальное значение, поскольку он противостоит доктрине постоянного количества или, что то же самое, фиксированного предложения денег, которая в явном [Хайек, 2007; Ротбард, 2002] или не в явном виде разделяется большинством экономистов. К этому

принуждает господствующий в экономической науке взгляд на деньги. Раз деньги служат средством обращения, естественно предположить и настаивать на том, что экономика может развиваться при любом (фиксированном) количестве денег. Но именно поэтому принцип неизменности стоимости денег несовместим с доктриной фиксированного предложения денег. Ведь из этого принципа и уравнения обмена ($MV = PQ$) необходимо следует, что при постоянстве скорости обращения денег (V) объем производства товаров (Q) можно и должно рассматривать как функцию от количества денег (M). Поскольку уравнение обмена основывается на равноценности (MV) и (PQ), строгость данного вывода не подлежит сомнению.

Разумеется, объем производства товаров зависит от объема используемых производственных ресурсов и их производительности, которая определяется применяемыми технологиями производства и т.п. Но если на товарные рынки не поступают новые деньги, все эти производственные параметры останутся неизменными, ибо всякий стимул к развитию товарного (специализированного) производства будет подорван не распроданной товарной продукцией³.

Характерно, что английские экономисты, жившие в эпоху золотого стандарта, исследуя закономерности денежного обращения, исходили из того, что стоимость денег устойчива. Вместе с тем они нисколько не сомневались в том, что деньги служат лишь средством обращения. Поэтому им важно было показать, что как бы первоначально не распределялись деньги между участниками товарного производства и на что бы преимущественно не расходовались (на производственные ресурсы или потребительские блага), отношение общей стоимости товарной массы к стоимости наличного запаса денег останется стабильным. Но при узком понимании предложения денег как наличного запаса золотых монет данное отношение, представляющее собой, как нетрудно догадаться, скорость обращения (V) из уравнения обмена, сохраняется стабильным только тогда, когда государство и банки выпускают платежные средства (банкноты, казначейские билеты, чековые депозиты и т.п.) в строгой пропорции к запасу золотых монет. Хотя при золотом стандарте все платежные средства подлежали размену на золотые монеты по первому требованию и фиксированному курсу, такой строгой пропорциональности никогда и нигде (ни в какой стране) не соблюдалось. Неудивительно поэтому, что в конце концов экономисты посчитали правильным корректировать не скорость обращения, а массу денег, противостоящую PQ [Харрис, 1990].

Тем не менее идея о том, что развитие экономики сдерживается из-за нехватки денег, играла заметную роль во всех дискуссиях вокруг золота как стандарта стоимости⁴. С другой стороны, тот факт, что современные деньги утратили связь с золотом, казалось бы, подтверждает традиционный взгляд на деньги как на средство, облегчающее (удешевляющее) обмен товарами. Ведь, казалось бы, иначе невозможно объяснить в какой связи (почему и как) деньги приобретают свойство ликвидности или, по выражению экономистов-классиков, способность непосредственно обмениваться на любые товары. Версия К. Маркса, согласно которой деньги приобретают свойство ликвидности в качестве свойственной товарам меры стоимости, рассматривается сегодня в основном критически. И дело здесь не только в том, что, вопреки Марксу, деньги утратили внутреннюю

³ На данное обстоятельство указывал Ф. Хайек, критикуя К. Викселя за то, что он совершенно правильно использовал принцип неизменности стоимости денег для определения равновесной нормы процента. К сожалению, Виксель не придал должного значения тому обстоятельству, что для того, чтобы уровень товарных цен оставался неизменным, количество денег в обращении должно увеличиваться с увеличением объемов производства. Иначе говоря, равновесная ставка процента должна быть совместимой с увеличением предложения денег банковской системой. Если же общее количество денег фиксировано, равновесный уровень цен с увеличением объемов производства должен меняться в сторону понижения. Только при этом условии вся произведенная товарная продукция будет распродана. [Хайек, 2007. С. 31–33].

⁴ О характере дискуссий можно судить по статьям, опубликованным в [Золотой стандарт, 2011].

стоимость. Дело в том, что деньги как всеобщий эквивалент или свойственная товарам мера стоимости не поддаются осмыслению в терминах спроса и предложения, без увязки с какими-то другими функциями денег. Хотя все денежные функции тесно взаимосвязаны, немаловажное значение приобретает как раз поэтому, вопрос о том, как возникают деньги. Не случайно, многие экономисты и, в частности, Дж. Хикс в своей «Теории экономической истории» [Хикс, 2003] выделяют учение о деньгах родоначальника австрийской школы К. Менгера [Менгер, 2005]. Оно высоко ценится (не только сторонниками австрийской школы) за то, что Менгеру, казалось бы, удалось разъяснить, как деньги становятся общепринятым средством платежа за товары в результате спонтанного эволюционного процесса, в котором вместе с тем немаловажную роль играет осмысленный (рациональный) выбор хозяйствующих субъектов.

Учение Менгера действительно выделяется среди других учений о деньгах. Но нетрудно показать, что в действительности из учения Менгера можно вывести лишь одно: общепринятым средством платежа за товары становятся блага, наиболее пригодные к накоплению. И это имеет место во все исторические эпохи у всех народов.

Учение о деньгах К. Менгера

В основе учения К. Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по своей непосредственной полезности, но и по своей способности к обмену (сбыту), т.е. степенью ликвидности. Если бы это было не так, несоответствие предпочтений товаровладельцев (владелец товара А желает обменять свой товар на товар В, в то время как владелец товара В предпочитает товар С, и т.д.) оказалось бы непреодолимым и создавало бы тяжелые, постоянно возникающие препятствия для разделения труда и производства благ для неизвестного покупателя. Но поскольку товары отличаются способностью к сбыту, перед каждым хозяйствующим субъектом встает альтернатива: либо отказаться от обмена, учитывая трудности бартера, либо постараться обменять свой товар на такой, который обладает большей способностью к сбыту, чем собственный. Во втором случае вероятность достижения хозяйствующим субъектом своей конечной цели – приобретение путем обмена необходимых ему потребительских благ – значительно увеличивается. Вместе с тем Менгер особо подчеркивал, что хотя обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту, на товары с большей способностью к сбыту отвечает экономическому интересу всякого хозяйствующего индивида, но фактическое проведение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, которые никогда сразу не приходят в одно и то же время к такому пониманию. Напротив, сначала только отдельные, наиболее предусмотрительные и деятельные хозяйствующие субъекты начинают понимать преимущество обмена на товары с большей способностью к сбыту и практиковать такой обмен. Но чем больше людей следует их примеру, тем очевиднее и весомее выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). «Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами» [Менгер, 2005. С.4].

Но почему, собственно, товары различаются способностью к сбыту? Пытаясь ответить на этот вопрос и рассматривая в данной связи эволюцию товарных форм денег, К.Менгер выделяет свойства, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления.

Возьмем такую известную, многовековую форму товарных денег, как домашний скот, которая отличалась, как отмечает Менгер, большой притягательной силой, но не только

потому, что домашний скот полезен во многих отношениях, доставляя молочные и мясные продукты питания, материал (шерсть и шкуры) для одежды, жилья и т.п. «Скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много лугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы» [Там же. С. 7]. Кроме того, рыночная стоимость скота отличалась устойчивостью, так как в условиях, «когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка» [Там же. С. 7].

Вместе с тем в связи с разделением занятий, образованием городов с населением, занимающимся по преимуществу ремеслом, стимулы к накоплению скота ослабевают, в частности, из-за растущих издержек, связанных с его содержанием. «Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать животных на воле» [Там же. С. 9]. Вследствие этого происходит снижение интереса к скоту как объекту накопления в пользу других благ, которые по издержкам содержания становятся более привлекательными и вместе с тем достаточно широко используются людьми в производстве различных благ. Так на смену скоту пришли металлы, а, в конечном счете, золото и серебро, которые по издержкам содержания далеко превосходили и превосходят все известные блага [Там же. С. 9–10].

Вопреки намерению проследить происхождение денег как посредника при обмене, Менгер фактически учит тому, что обычно люди предпочитают накапливать такое благо, которое может иметь различное употребление, служить разным целям, т.е. обладает естественной ликвидностью⁵. Но принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействие со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом, если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (L) и (с)⁶, выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Отсюда, обобщая, нетрудно сделать главный вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене. Чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку важнейшие из этих свойств (L и с), определяющих пригодность к накоплению, с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поскольку по происхождению своему деньги не являются продуктом какого-то соглашения, более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *принимаемое всеми средство платежа*⁷.

⁵ В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

⁶ Обозначение «ликвидности» как (L), а «издержек содержания» как (с) введено Дж.М.Кейнсом в 17 главе «Общей теории занятости, процента и денег». Поскольку эти обозначения широко используются в нашей работе, не лишним будет уточнить, что по Кейнсу, «ликвидность» и «издержки содержания» важны в некотором сочетании. Иначе говоря, значение имеют не (L) и (с) по отдельности, а (L–с). При этом не существует, очевидно, никакой абсолютной (количественной) нормы ликвидности, а только шкала ликвидности, которая учитывается при оценке сравнительных преимуществ владения различными формами богатства. Формула (L–с) просто показывает, что именно сочетание относительно высокой ликвидности и абсолютно низких издержек содержания характеризует хозяйственное благо с точки зрения пригодности к накоплению по сравнению с другими благами [Кейнс, 1993. С. 323].

⁷ Такое уточнение будет не лишним, учитывая, что учение Менгера противостоит «договорной» концепции, известной со времен Аристотеля.

Деньги, закон спроса и закон Вальраса

Сказанное о происхождении и назначении денег нисколько не противоречит тому, что по мере развития товарного (специализированного) производства все большая часть денежной выручки от продажи товара расходуется на приобретение других товаров. Но если бы деньги воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами только как средство платежа за товары, решения относительно объемов покупок и продаж различных товаров оставались бы несогласованными, порождая, с одной стороны, избыточный спрос, а, с другой – избыточное предложение на различных товарных рынках. Возьмем в качестве примера ситуацию, описанную А. Смитом. Хотя А. Смит много сделал для развенчания денег как средства накопления (в связи с критикой меркантилистских учений), он хорошо понимал, что развитие товарного (специализированного) производства в известной степени смягчает противоречие, связанное с несопадением предпочтений товаровладельцев. Ведь всякое расширение товарного (специализированного) производства означает расширение круга потенциальных торговых партнеров для каждого отдельного товаровладельца. Поэтому рассуждение о трудностях или издержках безденежной бартерной торговли (владелец товара А желает обменять свой товар на товар Б, в то время как владелец товара Б предпочитает товар С и т.п.) никогда не использовалось Смитом. Обсуждая обстоятельства возникновения денег, А. Смит отмечал, что безденежную торговлю (обмен) ограничивают (затрудняют) не издержки, связанные с поиском торговых партнеров, а уже накопленные товарные запасы. Если, например, мясник уже запасен тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время, между ним, пивоваром и булочником не может состояться обмен [Смит, 2007. С. 83]. Нетрудно заметить, однако, что пивовару и булочнику намного легче было бы договориться с мясником, если допустить, что хлеб и пиво были бы столь же долговечны, не подвержены порче и занимали столь же мало места как деньги. Мясник наверняка пошел бы навстречу булочнику и пивовару в их желании приобрести дополнительное количество мяса, если бы прирост запасов хлеба и пива, как платы за мясо, был бы столь же необременителен с точки зрения издержек содержания, сколь необременителен прирост запаса денег. С другой стороны, если бы деньги воспринимались и использовались мясником (равно булочником и пивоваром) только как средство приобретения товаров, способ оплаты (замена товара деньгами) не мог бы ничего изменить в ситуации, когда отдельный товаровладелец, ориентируясь исключительно на собственные предпочтения и издержки, не идет на встречу пожеланиям других товаровладельцев в плане расширения продаж своего товара, будь то мясо, хлеб или пиво.

Казалось бы, затруднение исчезает, если принять во внимание зависимость спроса и предложения от соотношения цен товаров и, соответственно, возможность при необходимости пересматривать меновые пропорции, как это имеет место в неоклассической модели общего рыночного равновесия Л.Вальраса. Но у Вальраса процесс согласования решений, принимаемых хозяйствующими субъектами относительно продаж (покупок) своих (чужих) товаров, находится под бдительным контролем всевидящего аукциониста, который назначает цены и тут же, если они не уравнивают спрос и предложение на всех товарных рынках, аннулирует контракты на покупку и продажу товаров по этим ценам и назначает новые. [Вальрас, 2000]. Работа Вальраса сыграла важную роль в прояснении условий общего рыночного равновесия, поскольку очевидно, что на той стадии развития товарного производства, когда товары производятся посредством товаров и их объем и разнообразие многократно увеличиваются, каждый товаровладелец, планируя свои продажи и покупки, стоит перед выбором, суть которого в том, чтобы отобрать из огромного множества торгуемых товаров оптимальную для себя корзину. При этом планы (намерения) всех товаровладельцев должны быть учтены и согласо-

ваны таким образом, чтобы все товары были распроданы. Но было бы большим преувеличением сказать, что Вальрас или кто-либо другой из экономистов до конца разъяснил механизм оптимального отбора и рыночного согласования посредством корректировки цен. И дело тут не в том, что на подавляющем большинстве товарных рынков нет фигуры вальрасовского всевидящего аукциониста, аннулирующего контракты по неравновесным ценам и назначающего набор новых цен. Дело в том, что никакой новый набор цен не приближает к общему рыночному равновесию, если изменения в меновых пропорциях (при переходе к новым ценам) по-разному влияют на стоимостную величину товарного запаса (бюджетного ограничения), с которым хозяйствующие субъекты выходят на рынок.

Не случайно, моделируя условия общего рыночного равновесия, Вальрас вообще обошелся без денег, поскольку, как он считал, для оценки товаров в принципе подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. И действительно, ведь только соотношения цен показывают, в каких пропорциях товаровладельцы могут замещать посредством обмена свои товары на чужие в целях оптимизации потребительской корзины. А раз так, нельзя не согласиться с тем, что при моделировании условий общего рыночного равновесия для оценки товаров вполне подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. Тем не менее именно эти упрощения делают анализ Вальраса, а главное, выводы из него недостаточно строгими.

Из уравнений общего рыночного равновесия Вальраса, строго говоря, можно вывести лишь одно: при любом наборе цен избыточный спрос на одних товарных рынках уравновешивается по стоимости избыточным предложением на других⁸. Допуская, что цены назначаются, скажем, в рублях (но ни у кого из торгующих агентов нет запаса рублей, т.е. рубль – условная счетная единица), можно и должно ожидать (опираясь на уравнения Вальраса), что повышение цен на одних рынках будет непременно сопровождаться их снижением на других. Но отсюда вовсе не следует, что повышение цен на одних рынках и снижение на других побудит владельцев дефицитных товаров и владельцев избыточных товаров увеличивать спрос на избыточные товары, сокращая тем самым спрос на дефицитные. Ведь разнонаправленное изменение цен будет разнонаправлено воздействовать на покупательную способность (реальную величину богатств) экономических агентов. Одни станут богаче, другие – беднее. Ожидать в этих условиях согласованного поведения рыночных агентов по расчистке товарных рынков нет достаточных оснований. Эффект реального богатства, или, как его чаще называют, эффект дохода, будет эффективно противодействовать такому согласованному поведению [Хикс, 1993].

Только денежная форма богатства раскрывает нам механизм рыночных сил спроса и предложения, обеспечивающих согласованное поведение людей в ответ на изменение рыночных цен, независимо от набора полезных вещей и услуг, находящихся в их распоряжении. Проблема в том и состоит, что всякое изменение цен по-разному влияет на финансовое положение рыночных агентов (в зависимости от величины и состава бюджетного ограничения). Согласованность в поведении достигается в той мере, в какой изменение денежной цены воспринимается как изменение меновой стоимости товара, но не денег, меновая стоимость которых должна восприниматься как нечто данное и неиз-

⁸ Если, например, имеется в наличии 100 пудов хлеба и 100 кг мяса в руках разных владельцев, которые при цене равной, скажем, 2 кг мяса за один пуд хлеба, желают сохранить (приобрести) в совокупности меньше хлеба, чем 100 пудов, то планируемый совокупный спрос на мясо, напротив, превысит 100 кг. Причем, согласно уравнениям (закону) Вальраса, избыточный спрос на мясо в стоимостном измерении в точности совпадет с избыточным предложением хлеба. Так, если совокупный спрос на хлеб (при цене 2 кг мяса за пуд хлеба) составил, скажем, 80 пудов (т.е. избыточное предложение хлеба равно 20 пудам), избыточный спрос на мясо составит 40 кг, ибо при цене 2 кг мяса за пуд хлеба стоимость 20 пудов хлеба равна стоимости 40 кг мяса.

менное. Только в этом случае эффект дохода будет действовать в том же направлении, что и эффект замещения, ибо деньги будут восприниматься как «лучший товар» для накопления [Гогохия, 2006].

Модель бартерного обмена проливает свет на то обстоятельство, что повышение цены товара, вопреки закону спроса, способно увеличить совокупный спрос на товар, если владельцы данного товара сочтут выгодным оставлять для собственного употребления существенно большую часть запаса данного товара, чем та, которую они оставили бы до изменения цены. Ведь за счет повышения цены товаровладелец способен приобрести больше чужих товаров, в которых он нуждается, сохраняя для собственного потребления столько же или даже больше собственного товара. Сам Вальрас отмечает возможность подобной ситуации при том условии, что специализация производителей зашла не слишком далеко. Но положение вещей, ограничивающих специализацию производителей, характеризует всю человеческую историю вплоть до промышленной революции и даже позже, когда речь идет о расчетах (сопоставлении) выгоды и издержек, определяющих спрос и предложение крестьян или фермеров. Универсальность закона спроса, устанавливающего обратную зависимость между изменением цены товара и совокупным спросом на него, предполагает, что существуют худшие и лучшие товары с точки зрения их пригодности к накоплению, но товаровладельцы не учитывают данное обстоятельство в своих расчетах, поскольку все товары являются худшими по сравнению с деньгами. Тем самым становится понятным, почему купля и продажа товаров за деньги (предпочтительное средство накопления), способствуя развитию специализации производства тем не менее не сводима к многостороннему бартеру.

Вместе с тем никакие деньги не устраняют существенных различий между товарами по степени пригодности к накоплению. Поэтому, когда возникают сомнения в стабильности меновой стоимости денег, нарушается единство и взаимосвязь процессов ценообразования на товарных рынках, что совершенно исключается в рамках модели общего рыночного равновесия. Тем не менее единство и взаимосвязь процессов рыночного ценообразования нарушится из-за естественных различий в степени ликвидности и издержках содержания товаров, которые при наличии сомнений в стабильности меновой стоимости денег начнут конкурировать с деньгами и друг с другом как средство накопления (хранилище богатства). Иначе говоря, различия товаров по пригодности к накоплению приобретут значение фактора, стимулирующего спрос на одни товары в ущерб другим. На языке неоклассической теории сказанное означает, что произойдут дифференцированные (не одинаковые) сдвиги кривых спроса на всех товарных рынках.

Закон спроса, упорядочивая процессы рыночного ценообразования, играет ключевую роль в формировании стоимостей товаров как устойчивых цен, при которых достигается равенство спроса и предложения на взаимосвязанных законом Вальраса рынках. При этом совершенно безразлично, определяется стоимость через затраты труда или предельную полезность. Чтобы закон спроса действовал на всех рынках, включая высоколиквидные, т.е. с высоким (L-c), критически важно, чтобы находящиеся в обращении деньги воспринимались преимущественно как надежное средство сохранения стоимости и поэтому как предпочтительная для накопления форма богатства. Ведь привлекательность денег с точки зрения ликвидности и издержек содержания (L-c) заведомо выше привлекательности любого товара. Но как раз поэтому рост денежных цен, означающий падение меновой стоимости денег, создает условия для быстрого обогащения посредством накопления товаров, т.е. отсрочки их превращения в деньги. При этом именно те товары, которые отличаются высоким (L-c), становятся особенно привлекательными для накопления. Поэтому при падении меновой стоимости денег существенные преимущества в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ (L-c) учитываются хозяйствующими субъек-

тами при плановых расчетах об объемах покупок и продаж различных товаров, что ведет к деформации структуры рыночных цен.

Таким образом получается, что проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, это не просто проблема осмысления практически наилучшей (идеальной) меры стоимости (ценности). Вопрос о поддержании неизменного стандарта стоимости, это вопрос создания условий, при которых обеспечивается способность рыночной экономики формировать стоимости товаров в виде устойчивых равновесных цен и тем самым ее способность к саморегулированию и устойчивому долгосрочному развитию.

Даже при золотом стандарте, когда деньги имели внутреннюю стоимость, мало кто из экономистов признавал, что эта внутренняя стоимость сама по себе способна исполнять роль меры и регулятора стоимости товаров, ибо ее величина сама нуждается в выяснении. Проблема, однако, снимается, если есть основания рассматривать стоимость денег как нечто данное и неизменное. Поиску таких оснований препятствует ложное, глубоко укоренное представление о природе денег как ликвидного актива. Даже Кейнс несколько не сомневался в том, что свойство ликвидности присуще деньгам как средству обращения. Поэтому в системе Кейнса деньги, благодаря свойству ликвидности, весьма привлекательны для накопления, но желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме или предпочтение ликвидности сдерживает развитие любого, в том числе товарно-капиталистического производства и выступает ближайшей причиной экономических кризисов и депрессий.

Между тем желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме сдерживает развитие товарного производства только в том случае, если предложение денег не реагирует на спрос на деньги. Это условие никогда и нигде не соблюдалось в прошлом. Тем более это неверно для современной денежно-кредитной системы. Вопрос состоит в том, как в рамках существующей денежно-кредитной системы обеспечить, с одной стороны, дешевизну кредита, а с другой безусловную сохранность стоимости денежных накоплений? Но эта тема – выходит за ограниченные рамки настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства. М.: Изограф.
- Гогохия Д. (2006). Деньги, закон спроса и закон Вальраса // Мировая экономика и международные отношения. №1. С. 68–75.
- Золотой стандарт. Теория, история, политика (2011). Сб. статей / Пер. Куряев А.В. Челябинск: Социум.
- Кейнс Дж. М. (1993). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика.
- Малахов С. (1992). Основы экономической психологии / Институт экономической политики. М.: Би.
- Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т.1 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1961). Капитал. Т. 2 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Менгер К. (2005). Основания политической экономии / Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Ротбард М. (2002). Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. М.: Социум.
- Смит А. (2007). Исследование о природе причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Харрис Л. (1990). Денежная теория. М.: Прогресс.
- Хайек Ф. (2007). Цены и производство. М.: Социум.
- Хикс Дж. (2003). Теория экономической истории // Изд-во Журнал Вопросы экономики.
- Хикс Дж. (1993). Стоимость и капитал. М.: Прогресс.

Гогохия Доримендон Шотаевич

gogohia.dorik@yandex.ru

Dorimendon Gogohia

doctor habilitatus in economics, Lead, Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

gogohia.dorik@yandex.ru

MONEY AS A LIQUID ASSET: THEORY AND HISTORY

Abstract. The article deals with the origin of money, its role as a liquid asset in the formation and development of the market economy. On the basis of the critical analysis of the approaches known in the economic literature, in particular the doctrine of money of K. Menger and the theory of liquidity preference of J.M. Keynes, put forward a number of provisions on the need to ensure the stability of the value of money. It is shown that money as a means of preserving value is the preferred (generally accepted) form of wealth accumulation, eliminating the influence of differences in the degree of liquidity and the cost of maintaining economic benefits on the processes of market pricing. It is the demand for money as a liquid asset and a means of preserving value that provides an inverse relationship between the price of the goods and the total demand for it and, thus, achieving a dynamic balance in the commodity markets.

Keywords: *theory of money, prices, rate of interest, the law of demand, liquidity, maintenance costs, the equation of exchange.*

JEL Classification: F02, F34, F43.

REFERENCES

- Valras L.* (2000). *Elementy chistoy politicheskoy ekonomii ili teoriya obshchestvennogo bogatstva*. M.: Izograf.
- Gogokhiya D.Sh.* (2006). Den'gi, zakon sprosa i zakon Val'rasa [Money, the law of demand and the law of Valras.] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. №1. S. 68–75.
- Zolotoy standart. Teoriya, istoriya, politika [Gold standard. Theory, history, politics] (2011) *Sbornik statey* [Collection of articles] / Per. Kuryayev A.V. Chelyabinsk: Sotsium.
- Keynes J.M.* (1993) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General theory of employment, interest and money]. M.: Ekonomika.
- Malakhov S.* (1992). *Osnovy ekonomicheskoy psikhologii* [Fundamentals of Economic Psychology / Institute for Economic Policy] / Institut ekonomicheskoy politiki. M.: B.i.
- Marx C.* (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii* [Critique of political economy] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 13. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx C.* (1960). *Kapital. T.1* [Capital. Vol. 1] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 23. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx C.* (1961). *Kapital. T. 2* [Capital. Vol. 1] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 24. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Menger C.* (2005). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Foundations of Political Economy]. / Menger C. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. M.: Territoriya budushchego.
- Rotbard M.* (2002). *Gosudarstvo i den'gi: Kak gosudarstvo zavladelo denezhnoy sistemoy obshchestva* [State and money: How the state took possession of the monetary system of society]. M.: Sotsium.
- Smith A.* (2007). *Issledovaniye o prirode prichinakh bogatstva narodov* [A study on the nature of the causes of the wealth of nations]. M.: Eksmo.
- Harris L.* (1990). *Denezhnaya teoriya* [Monetary Theory]. M.: Progress.
- Hayek F.* (2007). *Tseny i proizvodstvo* [Prices and Production]. M.: Sotsium.
- Hicks J.* (2003). *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [The Theory of Economic History]. M.: Izd-vo Zhurnal Voprosy ekonomiki.
- Hicks J.* (1993). *Stoimost' i capital* [Cost and Capital]. M.: Progress.

В.В. Матвеев

д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск

ИДЕОЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема становления и развития институтов в зависимости от господствующей в данном обществе идеологии. Отмечается актуальность данной проблемы в современных условиях. Выбор акторов определяется не только их экономическими интересами. Во многих случаях окончательный выбор – это реакция на систему принятых в данном обществе идеологических предпочтений. Это объясняется тем, что любое решение приходится принимать в условиях неопределенности и непрерывно изменяющейся ситуации. Предложено авторское видение роли идеологии на процесс принятия решений.

Ключевые слова: институты, институциональные изменения, экономика, идеология, экономический рост.

Классификация JEL: B14, B 25, D72.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10202

Современная российская экономика переживает нелегкие времена. Темпы экономического роста никоим образом не могут быть признаны удовлетворительными, что крайне негативно влияет на социально-политическую ситуацию. Так, согласно прогнозам Центра развития НИУ ВШЭ, темпы роста ВВП не превысят 1,6–1,9% в ближайшие три года, что значительно ниже предполагаемого базового прогноза Минэкономразвития России. Рост российского ВВП замедлится до 1,3% в 2019 г. и незначительно ускорится до 1,6% в 2020 г. и до 1,9% в 2021 г. Особо авторы данного прогноза отмечают неутешительную динамику цен на нефть Urals. Согласно прогнозу она подешевеет с 71 долл./барр. в 2018 г. до 63 долл. к 2021 г. [Экономисты назвали главные риски..., 2019].

В апреле 2019 г. Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ предоставил «Обзор Российской экономики». По оценке НИФИ, темп роста российской экономики составил 0,6% г/г в марте 2019 г. и 1,0% г/г по итогам I квартала 2019 г.. К замедлению темпов экономического роста в I квартале текущего года привело ухудшение динамики в большинстве секторов, в том числе добыче полезных ископаемых, строительстве, сельском хозяйстве и розничной торговле. Кроме того, темпы роста инвестиций в основной капитал в I квартале 2019 г. снизились до 1,2% после 2,9% в IV квартале 2018 г. [Обзор Российской экономики..., 2019].

Данная информация позволяет утверждать, что поиск путей выхода из системного кризиса уже давно является стратегической задачей для России. В этих условиях никоим образом нельзя игнорировать результаты теоретических исследований ученых-экономистов, которые нашли свое практическое подтверждение в форме разработки и практической реализации результативной экономической политики, что, в свою очередь, привело к улучшению социально-политической ситуации в стране.

Следует согласиться с лауреатом Нобелевской премии по экономике Дугласом Нортом, что, хотя научное сообщество в течение многих лет было занято поиском ответа

на вопрос о причинах и следствиях эффективного развития национальной экономики, до сих пор нет удовлетворительного объяснения этого процесса. Различные экономические теории не смогли выявить и внятно объяснить принципиальные различия в функционировании различных форм организации человеческого общества и отдельных национальных экономик. Это утверждение справедливо как по отношению к краткосрочному, так и долгосрочному периоду времени. Д. Норт жестко и недвусмысленно утверждает: «Экономическая парадигма – неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (при том, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» [Норт, 2010. С. 7].

По мнению Д. Норты, неоклассической теории присущи три принципиальных недостатка: во-первых, эта теория исходит из нулевых трансакционных издержек («беспрепятственности»), во-вторых, статична (не задействует фактор времени) и, в-третьих, не зависит от человеческой интенциональности. В то время как «действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» [Там же. С. 103].

А. Заостровцев весьма образно пишет по этому поводу: «В результате математическое моделирование социальных изменений, основанное на абстрактных неоклассических постулатах, равносильно по своей эффективности использованию рельсоукладчика в качестве заменителя газонокосилки. Неадекватность реальности статичной картины мира из неоклассического учения обнаруживает себя всякий раз, когда опирающийся на него экономист выступает в роли “советника князей”: дает рекомендации для практической политики» [Заостровцев, 2013. С. 18].

Теория Норты представляет собой образец критического восприятия устоявшейся системы взглядов, способности ученого отказаться от устоявшейся системы взглядов, критика которых невозможна в принципе.

Здесь уместно вспомнить когда-то знаменитую фразу Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [Ленин, 1913. С. 43]. Адепты коммунистической идеи в Советском Союзе использовали данную фразу для недопущения любой, даже минимальной критики теории коммунизма. Во многом это напоминает современную ситуацию, когда идет речь о критике неоклассической теории.

В 1960-х гг. Норт отдает предпочтение стандартным моделям экономического роста, которые базировались на оценке трех факторов: труд, капитал и технологии.

В своей первой, в настоящее время достаточно хорошо известной работе Норт [North, 1961] рассматривает экономическую историю США. Он пытается дать ответ на вопрос о причинах, предопределивших становление современной и эффективной экономики США, первоисточником которой были весьма отсталые поселения первых колонистов. Норт отметил расширение экспортной торговли и развитие внутренних рынков, которые, по его мнению, выступали в качестве определяющих факторов, запустивших процесс эффективного экономического роста в США. Никакой речи о понятиях «институт» и «собственность» в данной работе не идет.

Итогом посещения музея морской истории в Нидерландах было написание статьи [North, 1968] «Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850», которая для 60-х гг. прошлого столетия стала настоящим прорывом в оценке причин и последствий экономического развития. Норт отметил, что сама конструкция морских судов не претерпела каких-то существенных технологических изменений. Однако суда несли намного меньше артиллерийского вооружения. Это стало следствием существенного снижения пиратства.

Итогом этого было уменьшение численности экипажа, отпала необходимость в большом количестве хорошо подготовленных артиллеристов. Значительно сократились расходы на страхование грузов, уменьшились затраты времени на пребывание в порту загрузки-разгрузки. В конечном итоге это привело к существенному расширению товарных рынков.

В этой статье Норт озвучивает по-настоящему революционную для того времени идею о том, что не только технология может быть драйвером экономического развития. Огромную роль играют институциональные факторы, которые позволяют существенным образом сокращать трансакционные издержки.

Однако Норту предстояло дать ответ на достаточно сложный вопрос о причинах институциональных изменений. Для этого Норт переходит к исследованию экономических процессов, которые происходят за пределами США. Итогом этих исследований были две совместные публикации [North, Davis, 1971; North, Thomas, 1973].

В книге, написанной в соавторстве с Дэвисом, «Institutional Change and American Economic Growth» появление и развитие институциональных инноваций объясняется тем, что ожидаемая чистая прибыль от инноваций должна превышать ожидаемые затраты. Аналогичная точка зрения высказывается и в совместной с Томасом книге «The Rise of the Western World: A New Economic History», где снова была отмечена определяющая роль организационных и институциональных изменений в экономическом развитии: «Эффективная организация является источником создания новых институтов и прав собственности, которые создают стимулы для осуществления экономической деятельности, которая приносит высокую норму прибыли» [North, Thomas, 1973. P. 1].

Обе эти работы можно признать новаторскими по той причине, что здесь применительно к экономической истории широко используется институциональный анализ, особое внимание уделяется институциональным изменениям. Однако в то же время они не свободны от парадигмы неоклассической экономики.

Норта начинает интересовать вопрос о причинах того, почему принципиальные различия в темпах развития разных стран и уровня благосостояния их населения сохраняются в течение длительного периода времени. Как справедливо отмечает А. Заостровцев: для этого Норту было необходимо отказаться от мысли о ходе истории как прогрессе институтов: от менее эффективных – к более эффективным. И попытаться дать ответ на очень сложный вопрос, почему неэффективные институты очень часто являются долгожителями [Заостровцев, 2013. С. 7].

Итогом этих исследований выступила принципиально новая по своим идеям для конца 70-гг. XX в. монография «Structure and Change in Economic History», в которой Норт особо выделяет роль идеологии как стратегического фактора в продвижении или сдерживании изменений в институциональных правилах. Особенно значима роль идеологии, когда речь идет о поведении больших групп, где действия участников контролируются общепринятыми системами идеологических предпочтений [North, 1981. P. 12].

Норт отмечает, что достаточно часто идеологические правила оказываются для участников каких-то действий более важными по сравнению с затратами и возможными выгодами. Таким образом, понимание причин как институциональной стабильности, так и институциональных изменений требует обязательного учета идеологических факторов. Действительно, индивидуальное или коллективное поведение во многих случаях невозможно объяснить только стремлением к выгоде. Хотя данное утверждение является определяющим для неоклассической теории [Ibid. P. 58].

Норт не обошел своим вниманием и теорию Маркса, который попытался соединить технологические и институциональные изменения. Норт весьма положительно отзывается о попытке Маркса увязать в единое целое развитие производительных сил с изменениями в системе производственных отношений. Маркс рассматривал эту проблему с точки зрения существующих технологических пределов и ограничений с пределами и ограничениями

человеческой организации. В то же время отмечается утопизм теории Маркса, т.к. для достижения необходимых результатов «потребовалось бы внести фундаментальные изменения в человеческое поведение» [Ibid. P. 169]. Однако это невозможно именно по идеологическим причинам. Кстати, крах коммунистического эксперимента в СССР и странах так называемой «народной демократии» служит яркой иллюстрацией справедливости данного утверждения.

В следующей своей монографии Норт [North, 1990] прямо указывает на то, что «... до сих пор не разработаны аналитические принципы, которые позволили бы включить институциональный анализ в теорию экономики и экономическую историю» [Ibid. P. 18].

Дальнейшим шагом в анализе взаимосвязи между идеологией и институтами была статья «Economic Performance through Time», опубликованная в 1994 г., в которой Норт прямо указывает на то, что убеждения (идеология) напрямую влияют на формирование социальных и экономических институтов: формальные правила и неформальные нормы поведения [North, 1994. P. 363]. Таким образом, формируется двусторонняя положительная обратная связь между институтами и убеждениями. Это может существенным образом препятствовать процессу замены одних институтов на другие: «Большинство обществ на протяжении всей истории «застревали» в определенной институциональной матрице, которая становится существенным препятствием для получения выгоды от специализации и разделения труда. Общества, которые «замирают» в процессе своего развития представляют собой воплощение консервативных верований и институтов. Эти общества не в состоянии решать новые, все более и более, сложные проблемы» [Ibid. P. 364].

В своей работе «Понимание процесса экономических изменений» [Норт, 2010], опубликованной на Западе в 2005 г., полемика Норты со сторонниками неоклассической теории становится еще более жесткой. Выше мы уже приводили цитату из этой работы: «... неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений...» [Норт, 2010. С. 7]. Затем следует вывод о том, что «эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков; выбор совершается в свете этих представлений с намерением добиться результатов, снижающих неопределенность, с которой сталкиваются организации – политические, экономические и социальные. Поэтому экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представлениями участников о последствиях их действий [Там же. С. 8–9].

Особо отмечается стратегическая роль обучения и знаний. Процесс обучения никоим образом нельзя трактовать только как накопление человеком опыта в течение своей жизни. В качестве обязательного элемента обучение включает в себя совокупный опыт прошлых поколений, т.е. все то, что составляет идеологию общества, которая, в свою очередь, не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но во многом предопределяет его будущее развитие. Таким образом, идеология напрямую влияет на формирование системы сдержек и стимулов для противников и сторонников процесса любых общественных изменений.

Постановка проблемы обучения в любом обществе представляет собой ответы на следующие вопросы:

- ▶ как и чему учатся люди;
- ▶ каким образом полученные знания распространяются в обществе;
- ▶ какова специфика процесса постепенного изменения представлений и предпочтений людей в зависимости от полученных знаний;
- ▶ каким образом изменения в знаниях оказывают влияние на экономическую эффективность.

Действительно, принципиальные различия в эффективности различных стран однозначно свидетельствуют о том, что идеология является стратегическим фактором, непосредственно влияющих на эффективность известных в истории экономик и государств.

Идеологические убеждения, которые разделяют большинство политических и экономических акторов, определяют выбор конкретного варианта экономической и иной политики, проводимой в данной стране. Тем самым формируется система институтов, определяющих экономическое и политическое поведение. Итогом этого становится институциональная матрица, накладывающая серьезные ограничения на возможности выбора для политических лидеров страны, которые с целью улучшения своих политических и/или экономических позиций предпринимают попытки модернизации существующих институтов, либо приступают к созданию новых.

В результате возникает ситуация, получившая название «эффект колеи» (*path dependence*), итогом которой является то, что изменения институтов в подавляющем большинстве случаев становятся медленными и постепенными, хотя редкие радикальные и неожиданные институциональные изменения наводят на мысль о том, результатом подобных изменений может стать изменение институциональной матрицы, а следовательно, идеологические изменения. Решающая роль в понимании процесса институциональных изменений принадлежит интенциональности акторов, заинтересованных в институциональных изменениях. Однако здесь снова следует отметить, что идеология тех, кто выступает за изменения, всегда отличается от общепринятой в данном обществе системы взглядов.

Мизес утверждает, что люди в своей деятельности руководствуются определенными ценностными суждениями, и здесь не может быть никакой почвы для разногласий. Отсюда следует вывод о невозможности использовать методы точных наук для оценки экономических процессов: «Здесь мы сталкиваемся с одним из основных различий между физикой и химией, с одной стороны, и науками о человеческой деятельности – с другой». И далее – в мире физики и химии «существуют постоянные зависимости между величинами, и человек способен открыть эти постоянные с разумной степенью точности... Аналогичные постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности» [Мизес, 2005. С. 55]. В этом произведении Мизес достаточно подробно аргументирует свое мнение по данному вопросу [Мизес, 2005. С. 112, 329–335, 354–355, 657–658, 665–669].

Хайек отмечает широко распространенное ошибочное представление о том, что «есть какие-то чисто экономические задачи, изолированные от других жизненных задач. Но за исключением, быть может, случаев патологической скупости и стяжательства, таких задач просто не бывает. Конечные цели деятельности разумных существ всегда лежат вне экономической сферы. Строго говоря, нет никаких «экономических мотивов», ибо экономика – это только совокупность факторов, влияющих на наше продвижение к иным целям» [Хайек, 2005. С. 104].

Таким образом, Мизес и Хайек высказывают солидарную точку зрения о стратегической роли идеологии.

В то же время основатели неоклассической школы (Джевонс, Вальрас, Эджуорт, Парето, Фишер), как отмечает Заостровцев, не скрывали, что произведенная ими революция в экономической теории осуществлена в результате стремления выстроить ее по образцу физики XIX в. [Заостровцев, 2013. С. 15]. Это позволяло рассматривать экономические проблемы точно так же, как рассматриваются проблемы в точных науках: физике и математике.

По мнению Ф. Майровски, «экономисты-неоклассики воспринимали друг друга в первую очередь как математиков-теоретиков; и когда они начинали отстаивать свои работы, это принимало форму защиты «математического метода» в контексте экономической теории» [Майровски, 2012. С. 101].

В настоящее время идею о возможности трактовать экономику как физику и математику отстаивает Р. Солоу (R. Solow): «У меня складывается ощущение, что лучшее и наиболее яркое в нашей профессии работает так, как если бы экономика была бы физикой

общества. Существует лишь одна общезначимая модель мира. Все, что нужно сделать, это применить ее» [Solow, 1985. P. 330].

Однако, как свидетельствует опыт развития цивилизации, в принципе невозможно объяснить развитие той или иной страны, основываясь на концепции о рациональности мира, согласно которой, если акторы по какой-то причине принимают неверные решения, то через механизм рыночной конкуренции рано или поздно происходит изменение выбора в пользу выгодного варианта. Естественно, что в данной модели институты однозначно играют второстепенную роль. Норт отмечает ошибочность модели, согласно которой «в экономическом анализе допустимо игнорировать институты, поскольку они не играют самостоятельной роли в определении экономического поведения» [Норт, 1997. С. 33].

По мнению Норта, взлет и крушение Советского Союза представляет собой наглядную иллюстрацию того, когда идеология, которая уже не соответствует экономическим реалиям, продолжает играть определяющую роль. Норт отмечает, что пример СССР позволяет увидеть:

- 1) механизм взаимоотношений между представлениями – тем, как они формируются, и тем, как опыт видоизменяет данную структуру представлений;
- 2) роль структуры принятия политических решений при определении того, чьи именно представления воплощаются в жизнь;
- 3) «институционализацию» представлений и убеждений через формальную структуру принятия правил;
- 4) обратную связь с последствиями конкретной институциональной политики;
- 5) те факторы, которые определяют эффективность этой обратной связи в смысле корректировки той политики, которая принесла непредвиденные или нежелательные последствия» [Норт, 2010. С. 210].

Как известно, Маркс и Энгельс предложили принципиально новую для середины XIX в. идеологию, суть которой сводится к утверждению о неизбежности коммунистической революции, итогом которой будет экспроприация частной собственности, создание единого национального банка, централизация транспорта в руках государства, создание государственных заводов и фабрик и промышленных армий. Переход от капиталистической общественной формации к коммунистической будет совершаться насильственным путем в форме господства диктатуры пролетариата. В будущем, после ликвидации капиталистических отношений, на место диктатуры пролетариата постепенно придет «ассоциация индивидов» [Маркс, Энгельс. 1955].

При этом Маркс не оставил сколь-нибудь подробного сценария создания нового коммунистического общества. Однако его базовые идеологические модели, особенно в отношении ликвидации частной собственности, денег и предпринимательской деятельности, не подлежали никакой критике.

Ленин свято верил в то, что сразу после революции достаточно легко удастся отказаться от рыночных инструментов экономического регулирования: товар, деньги, цена, прибыль, заработная плата. Проблемы нового общества предполагалось решить при помощи политики «военного коммунизма». Конечный итог хорошо известен: под сомнение была поставлена сама возможность существования государства «рабочих и крестьян». Ситуация вынудила Ленина к отказу от политики «военного коммунизма» и НЭПу.

Ленин был вынужден признать: «...мы сделали ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение... Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась

основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года» [Ленин, 1921. С. 157, 159].

Фактически это означало признание того печального для Ленина факта, что негативные стимулы по отношению к рабочим и крестьянам привели к неожиданным для партии большевиков, но вполне закономерным результатам. Идеологическая верность постулатам марксизма не могла закончиться каким-то иным образом.

Аналогичная ситуация имела место и в сфере образования. Как известно, новые знания составляют основу любых институциональных изменений. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения»: Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы [Законы о вузах..., 1918–1922]. На практике это означало, что в вуз мог поступить человек, который не умел ни читать, ни писать. В июне 1921 г. утверждаются новые Правила приема в высшие учебные заведения, в которых провозглашался классовый принцип приема студентов в вузы [Купайгородская, 1984. С. 127]. Молодые люди с «плохой» анкетой уже не могли поступить в вуз. На льготных условиях принимались лица, закончившие рабфак, лица физического труда, члены партии и комсомольцы, а так же поступающие с направлениями от различных государственных и общественных организаций.

Ленин писал по этому поводу следующее: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. Но мы ... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [Ленин, 1917. С. 315].

В книге Л.Л. Кербера, специалиста в области авиационного оборудования, сотрудника ОКБ Туполева можно найти весьма интересный факт. В 1927 г. он не прошел мандатную комиссию для поступления в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского по формальной причине: его отец и родной брат матери были вице-адмиралами Императорского военно-морского флота России. Впоследствии Керберу было сказано: «Приказано не пускать классово чуждых юношей в вузы. А как это повлияло на качество будущих военных специалистов – на это есть высшее руководство» [Кербер, 1999. С. 116].

Необходимо отметить, что здесь речь идет о производстве военной продукции. Тем не менее качество образования было принесено в жертву идеологическим догмам.

После смерти Сталина достаточно быстро руководство Советского Союза признало сам факт необходимости осуществления экономических реформ. Однако принципиальные реформы, конечная цель которых – уменьшение роли государства в экономике, не были осуществлены. Главная причина – верность классовой идеологии. Попытки мелких реформ, которые не затрагивали самой сути советской экономики, не могли привести к достижению желаемого результата: обеспечение нового качества экономического роста. В итоге в СССР сохранялись в неприкосновенности существующие институты, которые уже абсолютно не соответствовали требованиям второй половины XX в.

Одним из итогов гибели Советского Союза стала уверенность в том, что переход к рыночной экономике позволит в относительно краткие с исторической точки зрения сроки создать эффективную экономику и новую систему институтов. Однако этого не случилось.

Как верно пишет по этому поводу А.Заостровцев: в России в очередной раз победила архаика, адаптировавшаяся к индустриальному обществу. «Новая архаика оказалась в состоянии не только ассимилировать продукты материального прогресса, но и развивать их в тех областях, которые обеспечивали эффективное военное противостояние модернизированным обществам. Осуществлялось же все это научно-техническое развитие в рамках новых общественных отношений, провозглашавшихся посткапиталистическими, но на деле являвшихся взрывной мутацией докапиталистических социальных связей» [Заостровцев, 2015. С. 11].

Правление императора Александра III – это попытка затормозить ход исторического развития. Это пример восстановления архаических, в данном случае феодальных, методов управления в стране, в которой быстрыми темпами развивались капиталистические рыночные отношения. Одним из идеологов восстановления архаичных институтов был предводитель дворян Алатырского уезда Симбирской губернии А.Д. Пазухин. Его идеал – это порядок управления, который имел место при царе Алексее Михайловиче. Свою программу А.Д. Пазухин изложил в статье «Современное состояние России и сословный вопрос». Он утверждал, что великое зло реформ Александра II – это урезание сословных прав дворянства: Россия может выбраться на прямую историческую дорогу, только избрав вариант удовлетворения потребностей сословных корпораций: «Реформа земских и городских учреждений должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении представительства от сословий вместо представительства от случайных групп разного рода имущественников. Такая реформа, безусловно, необходима в интересах государственной политики. Русские сословия суть исторические союзы, политическая нравственность которых выработана продолжительной дисциплиной и никакому сомнению не подлежит» [Пазухин, 1886. С. 59]. В результате вместо движение вперед, стране было навязано движение назад, что было одной из причин событий 1917 г.

Именно об этом пишет Д. Норт: «Устойчивость институциональной системы ни в коей мере не гарантирует эффективность институтов. Хотя стабильность может быть необходимым условием для сложного человеческого взаимодействия, она, конечно, не является достаточным условием эффективности» [Норт, 1997. С. 109].

Не следует воспринимать ход истории с излишним оптимизмом: «Число неудач намного превосходит число успехов. Экономический рост был исключением, а правилом – стагнация и упадок, отражавшие хроническую тенденцию к организационным провалам. И успехи, и неудачи отражают не только институционально-организационные характеристики общества, но и представления, идеи, идеологии – все то, чем руководствуются люди, действуя и совершая выбор» [Норт, 2010. С. 193].

Подведем некоторые итоги: цивилизация в целом и отдельно взятые страны никогда не развивались и не будут развиваться точно в соответствии с экономическими, философскими и политическими теориями. Реальная жизнь намного сложнее любой теории. Однако обсуждение проблемы соотношения экономических и идеологических институтов однозначно свидетельствуют о том, что данная проблема имеет место. Более того, во многих случаях именно идеология становится стратегическим фактором общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Законы о вузах. 1918–1922 гг. Декрет СНК о правилах приема в высшие учебные заведения. 02.08.1918 г. xn--e1aaejmenosq.xn--p1ai/node/13755 (дата обращения: июль 2019 г.)
- Заостровцев А.П. (2013). Дуглас Норт: постижение истории. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев А.П. (2015). Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Кербер Л.Л. (1999). Туполев. СПб.: Политехника.
- Купайгородская А.П. (1984) Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984.
- Ленин В.И. (1913). Три источника и три составных части марксизма. ПСС. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат. С. 42–48.
- Ленин В.И. (1917). Удержат ли большевики государственную власть? ПСС. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат. С. 289–339.
- Ленин В.И. (1921). Новая экономическая политика и задачи политпросветов. ПСС. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economicus. Т. 10. № 1. С. 100–116. institutional.narod.ru/papers/mirowski2012.pdf (дата обращения: июль 2019 г.)
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат. С. 419–459.
- Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики.
- Обзор Российской экономики. Апрель 2019 года (2019). Сайт НИФИ Министерства финансов РФ. nifi.ru/images/FILES/Overviewoftherussianeconomy/overviewoftherussianeconomy.pdf (дата обращения: июль 2019 г.)
- Пазухин А.Д. (1886). Современное состояние России и сословный вопрос. dlib.rsl.ru/01003550454 (дата обращения: июль 2019 г.).
- Хайек Ф. А. фон. (2005). Дорога к рабству. М.: Новое издательство.
- Экономисты назвали главные риски для экономики России в 2019 году (2018). Сайт информационного агентства РБК. www.rbc.ru/economics/24/11/2018/5bf7e7449a7947baac456f6f (дата обращения: июль 2019 г.)
- North D.C. (1961). The Economic Growth of the United States, 1790–1860, New York: Prentice Hall.
- North D.C. (1968). «Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 //Journal of Political Economy, 76(5). Pp. 953–970.
- North D.C., Davis L.E. (1971). Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C., Thomas R.P. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.; L.: W.W. Norton & Comp.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press.
- North D. C. (1994). Economic Performance through Time // American Economic Review, 84(3). Pp. 359–367.
- Solow R.M. Economic History and Economics//American Economic Review. 1985. No. 75 (2) (May). Pp. 328–331. www.wiwi.hu-berlin.de/de/professuren/vwl/wg/economic-history-research/think-links/solow1985economic-history-and-economics.pdf (дата обращения: июль 2019 г.).

Матвеев Владимир Валентинович

mtv956@yandex.ru

Vladimir Matveev

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

mtv956@yandex.ru

IDEOLOGY AS A STRATEGIC FORMATION FACTOR AND DEVELOPMENT INSTITUTIONS

Abstract. The article deals with the problem of the formation and development of institutions, depending on the state ideology in a given society. The urgency of this problem in modern conditions is noted. The choice of actors is determined not only by their economic interests. In many cases, the final choice is a reaction to the system of ideological preferences adopted in a given society. This is explained by the fact that any decision has to be taken in the face of uncertainty and a continuously changing situation. The author's vision of the role of ideology in the decision-making process is proposed.

Keywords: *institutions, institutional changes, economics, ideology, economic growth.*

JEL Classification: B14, B 25, D72.

REFERENCES

- Ekonomisty nazvali glavnye riski dlya ekonomiki Rossii v 2019 godu [Economists have identified the main risks to the Russian economy in 2019] (2018). Sajt informacionnogo agentstva RBK. www.rbc.ru/economics/24/11/2018/5bf7e7449a7947baac456f6f (Access date: 15.07.2019).
- Hayek F. A. fon. (2005). Doroga k rabstvu [The road to slavery]. M.: Novoe izdatel'stvo.
- Kerber L.L. (1999). Tupolev. SPb.: Politekhnik.
- Kupajgorodskaya A.P. (1984) Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925 gg.) [The Higher School of Leningrad in the early years of Soviet power (1917–1925)]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984.
- Lenin V.I. (1913). Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma. P.S.S. 5-e izd. [Three sources and three components of Marxism]. T. 23. M.: Politizdat. S. 42–48.
- Lenin V.I. (1917). Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennuyu vlast'? P.S.S. 5-e izd.. T. 34 [Will the Bolsheviks hold state power?]. M.: Politizdat, S. 289–339.
- Lenin V.I. (1921). Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov. P.S.S. 5-e izd. T.m 44 [New economic policy and the tasks of political enlightenment]. M.: Politizdat. S. 155–175.
- Majrovski F. (2012) Fizika i «marzhinalistskaya revolyuciya» [Physics and the “Marginalist Revolution”] // Terra Economicus. T. 10. № 1. S. 100–116. institutional.narod.ru/papers/mirowski2012.pdf (Access date: 15.07.2019).
- Marx K., Engels F. (1955) Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Sochineniya. 2-e izd. M.: Politizdat. S. 419–459.
- Mizes L. fon (2005). Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoy teorii [Human activity: a treatise on economic theory]. Chelyabinsk: Socium.
- North D. (1997). Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».
- North D. (2010). Ponimanie processa ekonomicheskikh izmenenij [Understanding the Process of Economic Changes]. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly ekonomiki.
- North D. (1961). The Economic Growth of the United States, 1790–1860. New York: Prentice Hall.
- North, D. (1968). Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // Journal of Political Economy, 76(5). Pp. 953–970.
- North D., Davis L. (1971). Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Thomas R. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.; L.: W.W. Norton & Comp.
- North D. (1990). Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press.
- North, D. (1994). Economic Performance through Time // American Economic Review, 84(3). Pp. 359–367.
- Obzor Rossijskoj ekonomiki. Aprel' 2019 goda [Overview of the Russian economy. April 2019] (2019). Sajt NIFI Ministerstva finansov RF. nifi.ru/images/FILES/Overviewoftherussianeconomy/overviewoftherussianeconomy.pdf (Access date: 15.07.2019).

- Pazuhin A.D.* (1886). *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnij vopros* [The current state of Russia and the estate issue]. dlib.rsl.ru/01003550454 (Access date: 15.07.2019).
- Solow R.M.* *Economic History and Economics* // *American Economic Review*. 1985. No. 75 (2) (May). Pp. 328–331. www.wiwi.hu-berlin.de/de/professuren/vwl/wg/economic-history-research/think-links/solow1985-economic-history-and-economics.pdf (Access date: 15.07.2019).
- Zakony o vuzah. 1918–1922 gg.* [Laws on universities. 1918–1922] *Dekret SNK o pravilah priema v vysshie uchebnye zavedeniya. 2.8.1918 g.* xn--e1aaejmenocq.xn--p1ai/node/13755 (Access date: 15.07.2019).
- Zaostrovcev A.P.* (2013). *Duglas Nort: postizhenie istorii* [Douglas North: Understanding History]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zaostrovcev A.P.* (2015). *Konceptual'nye al'ternativy teorii modernizacii: rossijskie koncepcii* [Conceptual alternatives to the theory of modernization: Russian concepts]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

С.Г. Кирдина-Чэндлер

*д.с.н., гл.н.с., зав. сектором эволюции социально-экономических систем,
Институт экономики, Москва*

О ДЕНЬГАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ (размышления над статьей В.М. Ефимова)

Аннотация: Работа посвящена анализу концепции В.Е. Ефимова, представленной им в статье «О двух типах социальных порядков» в трех частях, опубликованных в журнале «Вопросы теоретической экономики» в 2018–2019 гг. Основное внимание обращено, во-первых, на определение социальных порядков и, во-вторых, на взаимосвязь социальных порядков и механизмов денежного обращения. Исходным пунктом концепции Ефимова является критика им концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста о социальных порядках открытого и ограниченного доступа. Критикуя ее, Ефимов представляет собственную альтернативную концепцию монетарного и патронального социальных порядков, которая и стала объектом разбора в настоящей статье. Показано, что классификация социальных порядков Ефимова построена на неочевидных основаниях и не является, вопреки утверждению автора, институционалистской концепцией. Также отмечается отсутствие теоретического обоснования предложенной им классификации, которое не искупается обилием представленного документального материала. Основной упор критики Ефимова в отношении концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста заключается в игнорировании ими роли денег. По мнению Ефимова, именно деньги оказывают значительное влияние на специфику социальных порядков, поэтому он предлагает им уделить особое внимание. В своей концепции монетарного и патронального социальных порядков Ефимов исследует природу денег и анализирует их роль в распределении власти в обществе. Поддерживая тезис Ефимова о значимости связи между особенностями денежного обращения и спецификой социальных порядков, приходится, тем не менее, констатировать, что в полной мере реализовать этот тезис Ефимову не удалось. Основным недостатком анализа денег при разных социальных порядках является отрыв от роли денег в воспроизводственном процессе. Это также делает его классификацию монетарного и патронального социальных порядков недостаточно убедительной.

Ключевые слова: социальные порядки, критика экономических теорий, теория институциональных X-Y матриц, мезоэкономические механизмы денежного обращения.

Классификация JEL: B40, B52, E0, P0.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10203

Введение

Объяснять, почему мир развивается так, а не иначе – одна из увлекательнейших историй, которую любят рассказывать наши коллеги из социальных наук. Когда-то, на заре становления научного мировоззрения, этим занимались философы, потом историки и географы, затем подключились экономисты и социологи. К концу XX в. свои версии социальной истории стали рассказывать и представители институциональной экономики. Одна из наиболее популярных институционалистских концепций нынешнего десятилетия на эту тему – концепция Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста, объясняющая становление социальных порядков «открытого доступа» и «ограниченного доступа» в разных странах [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Предложенная ими объяснительная схема, как и сама класси-

фикация социальных порядков, активно дискутируется в научной литературе и на конференциях, у нее есть как горячие сторонники, так и суровые критики.

Одной из таких резко критических публикаций стала статья (в трех частях) «О двух типах социальных порядков» независимого исследователя из Франции, в прошлом нашего соотечественника Владимира Максовича Ефимова, опубликованная в предыдущих номерах журнала «Вопросы теоретической теории» [Ефимов, 2018а; Ефимов, 2018b; Ефимов, 2019]. Не ограничиваясь, однако, критикой концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, он представил собственное видение социальных порядков.

Наше отношение к концепции американских ученых представлено в [Кирдина-Чэндлер, 2019а]. Данная же статья посвящается преимущественно разбору концепции самого Ефимова. Дополнительным стимулом для написания статьи послужила дискуссия на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ (рук. В.В. Радаев) 21 мая 2019 г., где Ефимов лично представил свою концепцию о монетарном и патрональном социальных порядках. Не ставя задачу представить всю концепцию Ефимова, выделим две основные темы, которые представляется интересным обсудить. Это, во-первых, само понимание социальных порядков, и, во-вторых, связь между спецификой социальных порядков и характерными для них механизмами денежного обращения, отражающими природу денег.

Социальные порядки – что это?

Вообще говоря, вопрос о социальных порядках поднимается уже не одно столетие, а для социологии они стали основным предметом изучения. Сегодня проблема социальных порядков даже объявляется «конститутивным вопросом современной теории общества» [Кильдюшов, 2016]. Впервые еще Т. Гоббс ставил вопрос о том, как возможно человеческое сосуществование, когда «человек человеку – волк», т.е. человек следует преимущественно своим индивидуальным интересам. Как же из хаоса человеческой жизни возникают устойчивые социальные структуры, которые принимаются и поддерживаются членами общества? Гоббс предложил понятие Государства-Левиафана, обеспечивающего социальный порядок. Свои понимания социального порядка и механизмов его поддержания предлагали К. Маркс в теории общественно-экономических формаций, Ф. Теннис в концепции *Gemeinschaft & Gesellschaft*, Э. Дюркгейм в социологической теории механической и органической солидарности, Т. Парсонс в теории нормативного порядка социальных систем, М. Вебер в теории социального действия и т.д. (подробнее см. [Кильдюшов, 2016]). Каждая концепция имеет свои особенности, но можно выделить и общие положения: понимание социального порядка предполагает определенный набор или систему связанных социальных структур, институтов, отношений и обычаев, которые обеспечивают соблюдение определенных моделей отношений и поведения. Распространенная в советских учебниках классификация – рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический общественный строй, – один из широко известных примеров социальных порядков.

В. Ефимов в своих определениях социального порядка, как следует из его работ, не опирался на существующие философские и социологические традиции. Он решил оттолкнуться от понимания социальных порядков в работе вышеназванных американских институционалистов и построить свои определения на противопоставлении им. Напомним, что в своей работе Норт, Уоллис и Вайнгаст определяют социальный порядок как систему институтов, которые, в свою очередь, поддерживают существование определенных форм человеческих организаций, а также способы доступа (или ограничения доступа) к этим организациям и создаваемым ими стимулам. Тем самым социальный порядок через систему институтов организует человеческие взаимодействия.

Критикуя американских авторов, Ефимов пишет, однако, что он поддерживает «институциональность» их подхода и декларирует, что в своем исследовании социальных порядков он также будет придерживаться традиций институционализма. Так, он пишет, в частности, что его анализ существующего в настоящее время в России социального порядка опирается на методологию исходного (original) американского институционализма [Ефимов, 2018a]. «Исходный институционализм с самого начала был нацелен на изучение социально-экономических порядков. Важнейшей чертой его методологии является исследование социальных порядков путем выявления опривыченных правил, которым следуют акторы в рамках изучаемого порядка. Эти правила носят достаточно устойчивый характер и передаются из поколения к поколению (так в тексте Ефимова. – С. К-Ч.). Именно поэтому немецкая историко-этическая школа, продолжением которой и является американский исходный институционализм, уделяла особое внимание историческим фактам. Глубоко понять действующие в настоящее время опривыченные правила можно, только распознав их генезис на протяжении длительного времени. Причем, так как за этими правилами всегда стоят определенные верования-убеждения, то для понимания определенного социального порядка необходимо знать существо этих верований-убеждений» [Ефимов, 2018b. С. 28].

Реализует ли Ефимов в своей классификации заявленный им институциональный подход? Очевидно, что в своем анализе Ефимов рассматривает множество явлений за довольно длительные периоды времени, следуя характерным для оригинального институционализма эволюционным идеям и пониманию роли *path dependence* (зависимость от предшествующего пути развития) в историческом развитии. Об этом свидетельствует, в частности, такое его замечание: «Современный российский социальный порядок возник и закрепился благодаря инерции поздне-советского институционального наследия...» [Ефимов, 2019. С. 7]. Но действительно ли при отборе множества представленных в работе документальных свидетельств для анализа социальных порядков Ефимов в полной мере следует принятым практикам институциональных исследований? На наш взгляд, это не совсем так.

Декларированная Ефимовым сугубая приверженность историческим фактам находит весьма неожиданное воплощение в способе его исследовательской работы, чем Ефимов честно делится с читателем. Он прямо заявляет, что известное многим исследователям положение о том, что «(Т)еория – это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) “факт”, и мы не можем воспринимать (*perceive*) “факты” без теории» [Фридмен, 1994. С. 44] – это устаревшая догма [Ефимов, 2018b. С. 28]. Использование теоретических схем, по его мнению, делает исследователей «слепыми к тому, что не вмещается в их схему» и отрезает им путь к пониманию [Ефимов, 2018b. С. 29]. Ефимов полагает, что лично он способен представить нам объективное и независимое изложение фактов и получить научное знание без всяких теоретических предпосылок и прочих методологических «изысков», поскольку опирается, как он пишет, на «зафиксированные документально характеристики событий разными не связанными друг с другом их участниками и/или наблюдателями. Документы эти могут быть самого разного типа, от текстов интервью и публичных выступлений до писем и других свидетельств, хранящихся в архивах... Все излагаемые мною факты имеют именно такое происхождение» [Ефимов, 2018b. С. 29].

Но как, отказавшись от использования теоретических и методологических аналитических схем, преодолеть субъективизм и человеческие пристрастия при получении научного знания? Как отделить сведения и свидетельства от фактов? И разве можно исследователю, даже самому выдающемуся, «объять необъятное», не пропустив ни одного имеющегося в природе документа по поводу описываемых им событий? Разве просто перечисление сведений о чем-либо и есть научное знание, которым Ефимов таким образом делится со своими читателями, являя нам это знание напрямую и непосредственно (как это иногда делает, говорят, Господь Бог)? Но если в результате нам лишь предлагается ознакомиться с набором добытых автором документальных свидетельств (а многие из них действительно

малоизвестные и весьма интересные, поэтому чтение статей Ефимова – порой захватывающее занятие!), при чем тут оригинальный институционализм с его церемониальными и инструментальными институтами, *trained incapacity*, корыстным интересом, демонстративным потреблением и прочими теоретическими новеллами? Как Ефимов опирается на методологию оригинального институционализма, о чем заявил в первой из трех опубликованных в нашем журнале статей по рассматриваемой проблеме?

Поэтому, на наш взгляд, Ефимова вряд ли можно считать приверженцем институционального подхода. Анализ кейсов (как можно было бы определить стиль работы Ефимова) – распространенный метод институционального анализа. Однако изложение кейсов обычно следует логике предъявляемой исследователем теоретико-аналитической схемы, от чего Ефимов отказывается в своей работе. Поэтому, несмотря на утверждение Ефимова о том, что он разделяет (и реализует) институциональный подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста к анализу социальных порядков, это не представляется очевидным.

Зато очевидны его разногласия с их концепцией, и, прежде всего, по сути выделяемых ими в истории социальных порядков. Как известно, Норт с коллегами различают социальные порядки открытого и ограниченного доступа. Ефимов, признавая наличие дихотомии, критикует, однако, ее содержательное наполнение американскими авторами. Он предлагает свою классификацию социальных порядков: *монетарный* (характерный для тех стран, в которых американские ученые обнаружили порядки открытого доступа) и *патрональный*. Характеристики последнего Ефимов описывает на примере России, которая в классификации Норта, Уоллиса и Вайнгаста была отнесена к странам с социальным порядком преимущественно ограниченного доступа.

На упомянутой выше дискуссии в НИУ-ВШЭ логика выделения социальных порядков в концепции Ефимова вызвала, пожалуй, наибольшее непонимание аудитории, несмотря на попытки автора ее (логику) объяснить. Представляется, что Ефимов выделяет свои социальные порядки по неочевидным и разным критериям. Сказать, что это выглядит, как «в огороде бузина, а в Киеве – дядька», будет, возможно, некоторым преувеличением, но отражает суть претензий к предложенной им классификации. Действительно, можно критиковать Норта и его коллег, но они, по крайней мере, опираются на понятное основание в своей работе, разделяя социальные порядки по общему критерию, а именно – уровню открытости доступа населения к участию в деятельности существующих организаций. Но классификация социальных порядков Ефимова выделяет их по различным основаниям, что и отражено в их названиях, хотя сами эти основания Ефимов явно не декларирует. Возможно, мы сможем реконструировать их из его текстов?

Итак, что такое монетарный социальный порядок? Вот какое определение дает ему Ефимов: «Монетарный социальный порядок я определяю как *социальный порядок с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты), и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)* [Ефимов, 2018а. С. 9]. В монетарном социальном порядке «формальным и иерархическим фигурам власти и руководства рынок противопоставляет власть тех, у кого есть деньги» [Ефимов, 2018а. С. 12]. При этом, как полагает Ефимов, данные механизмы власти производителей и распорядителей денег при монетарном социальном порядке всячески скрываются: «Мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией¹ влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете» [Ефимов, 2018а. С. 13].

¹ «...делиберации ...представляют собой коллективное обсуждение с целью понимания предмета и принятия решения по его поводу» [Ефимов, 2018а. С. 12].

А что такое патрональный порядок? Его определения ни в одной из частей анализируемой статьи Ефимова обнаружить не удалось. Он просто констатирует, что такой порядок действует в России, и затем приводит свою версию истории нашей страны, которая, как он полагает, должна раскрыть нам сущность такого порядка.

Однако задача читателя посложнее, чем у самого Ефимова. Можно предположить, что он, несмотря на отрицание им роли теоретических схем, имел все-таки какие-то фильтры, которые позволили ему отобрать излагаемые им «факты» для иллюстрации этого самого патронального порядка [Ефимов, 2018b, 2019]. Мы же, «продираясь через лес» множества самых разных свидетельств и историй, приводимых автором в тексте, можем увидеть, что патрональный порядок характеризует наличие взаимосвязанного множества социальных ячеек (как правило, организаций), в которые включены все члены общества [Ефимов, 2018b. С. 40-43], главы ячеек автоматически являются патронами для членов ячеек [Ефимов, 2019. С. 14], т.е. «вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам» [Ефимов, 2018b. С. 41], а сами эти ячейки организованы в вертикальные сети, имеющие системообразующий характер; лидер страны (в настоящее время это президент) является патроном этой вертикальной сети [Ефимов, 2019. С. 15].

Что касается делибераций (одного из необходимых условий социального развития по Ефимову), то в патрональном порядке их также недостает, как и в монетарном порядке. Вот как он пишет об этом применительно, например, ко временам СССР: «(В) делиберациях, то есть обсуждениях, нацеленных на принятие решений, в советском обществе участвовала, как и в капиталистическом, достаточно узкая прослойка людей» [Ефимов, 2018b. С. 41]. В современной России черты патронального социального порядка, по сравнению с периодом перестройки (когда, как полагает Ефимов, была попытка заменить его монетарным порядком), не исчезли, а только усилились [Ефимов, 2019. С. 16]. «Мне представляется, что название «патрональный социальный порядок» достаточно хорошо отражает суть социального порядка современной России», – резюмирует автор [Ефимов, 2019. С. 16], и как с ним дискутировать?

Говоря о различиях монетарного и патронального социальных порядков, Ефимов основную разницу видит в том, «что движение экономических ресурсов при патрональном социальном порядке определяется далеко не только теми, у кого есть деньги, но также и теми, кто обладает определенным административным ресурсом, сила которого возрастает по мере вверх по вертикали власти и приближенности к главе государства» [Ефимов, 2019. С. 19]. Другими словами, различия этих двух социальных порядков в том, какие социальные группы управляют деньгами в обществе – финансовые и промышленные капиталисты, как при монетарном порядке, или патроны – главы организованных в вертикальные сети социальных ячеек, – при патрональном порядке.

Критикуя Норта с коллегами, Ефимов подчеркивает, что его собственная классификация социальных порядков носит объективный характер и не содержит нормативного компонента. «Традиционно для экономистов, да и многих обществоведов других специальностей, характерна нацеленность проводимого ими анализа на некоторые нормативные выводы. Так, книга Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста нацелена на доказательство предпочтительности «порядка открытого доступа», под которым они понимают существующий в настоящее время социальный порядок в западных странах, «естественному государству», существующему, по их мнению, во всех незападных странах, в том числе и в России» [Ефимов, 2019. С. 19]. В отличие от американских институционалистов, Ефимов не показывает преимуществ ни у монетарного, ни у патронального социальных порядков.

Отсутствие нормативности и идеологической ангажированности в исследованиях Ефимова является, на наш взгляд, сильной их стороной, которую можно только привет-

ствовать. В то же время его исследования не лишены субъективности, поскольку они не опираются – по крайней мере явно, – на научную методологию, которую принято считать основным признаком объективного знания. Приводимые Ефимовым сведения в обоснование монетарного и патронального порядков очень интересны сами по себе, они дают много пищи для размышлений. Но между информацией и знанием, как известно, лежат теоретико-методологические схемы, использование которых Ефимов сознательно отрицает.

Наше собственное понимание социальных порядков основано на положениях теории институциональных X-Y матриц [Кирдина, 2014 [2001, 2000]]. Как у Норта с коллегами или у Ефимова, мы также выделяем два основных их типа. Но, в отличие от упомянутых концепций, с нашей точки зрения, социальные порядки различаются доминированием институтов (экономических, политических и идеологических) либо X, либо Y матрицы в общественной структуре. Исследование причин доминирования институтов той или иной матрицы, как и постоянное уточнение их характеристик в ходе сравнительных эмпирических исследований на основе разнообразных методов (статистического моделирования, интеллектуального анализа данных, социологических исследований, семантического анализа и т.д.), наряду с обоснованием применяемой методологии, составляет основное содержание нашей научной работы уже около 20 лет (подробнее см. [www.kirdina.ru]).

О связи между спецификой социальных порядков и особенностями денежного обращения

Не соглашаясь с предложенной Ефимовым классификацией социальных порядков, – ему не удалось убедить нас, что она более удачна по сравнению с нашей собственной, основанной на положениях теории институциональных X-Y матриц, – мы соглашаемся, однако, с его соображениями о необходимости учитывать специфику денег и денежного обращения при различных социальных порядках. Это созвучно тем актуальным задачам, которые мы ставим сегодня в собственных исследованиях, а именно, изучить мезоэкономические механизмы денежного обращения в странах с доминированием X и Y матриц. Поэтому рассуждения Ефимова о природе денег и их специфике в разных социальных порядках представляет для нас особый интерес. Сразу отметим, что с некоторыми из них мы согласны, однако есть и спорные моменты, которые также хотелось бы обозначить.

Приступая к обсуждению роли денег в государствах с различными социальными порядками, Ефимов указывает на то, что в экономической теории анализу денег не уделяется особого внимания. Он указывает на «методологическую традицию экономической дисциплины игнорировать деньги» [Ефимов, 2018а. С. 7], и мы с этим утверждением согласны. Но как же, могут нам возразить многие экономисты – а монетарные теории, а теория финансов и денежно-кредитной политики – разве это не о деньгах?

На это можно заметить, что деньги в этих теориях являются скорее формальным, чем реальным объектом исследования. Анализ трансмиссионных механизмов денежного обращения, о важности которого начинал говорить еще Дж.М. Кейнс и которому посвящено множество современной литературы, не содержит, как правило, обсуждения природы денег и механизмов их фактического движения в экономике. Монетаристы и финансисты ограничиваются исследованием сигналов и «объемных» показателей, характеризующих сферу денежного обращения (цены, процентные ставки и ставки валютного курса, финансовые активы и т.п.), не рассматривая реальных кругооборотов реальных денег и не ставя задачи исследования их связи с реальными производственными процессами. Эффекты денежно-кредитной политики изучаются преимущественно путем проверки тесноты связей изменения предложения денег и валового выпуска (или совокупных расходов). «Опираясь на сокращенный способ доказательства, монетаризм рассматривает экономику

как «черный ящик», внутри которого проходят неизвестные процессы. Таким образом, трансмиссионный механизм как таковой отсутствует» [Моисеев, 2002. С. 45].

В равновесных моделях, на которых базируется современная макроэкономическая теория, деньги также игнорируются. Сошлемся на одного из самых известных специалистов в этой области Джеффри Ингхэма, посвятившего свои работы пониманию функционирования денег в экономике. Он пишет, что «деньги даже не появляются в аналитическом пространстве некоторых из наиболее престижных, математически изолированных моделей экономики, таких как модель общего равновесия Эрроу – Дебре» [Ingham, 2004. P. 8]. То же можно сказать и о наиболее популярных моделях DSGE, базирующихся на микроэкономических основаниях, где имитируются кругообороты товаров, а поведение «центрального банка и фискального сектора задается с помощью экзогенных правил политики» [Полбин, 2013]. В.И. Маевский, ссылаясь на обзор в [Кури, Сальвадори, 2004], также указывает на «безденежный» характер современных многопродуктовых моделей [Маевский и др., 2019].

Другими словами, экономисты, прежде всего экономисты-неоклассики, занимаясь ценами, в том числе и «ценами на деньги», о сущности самих денег рассуждают мало. Ефимов полагает, что это связано в том числе и с идеологическими причинами, «Отсутствие должного внимания к деньгам и трактовка их как товара в экономической теории, выполняющей функцию идеологической поддержки монетарного социального порядка, конечно, не случайны. Видение денег как основного источника власти быстро нарушило бы утопическое безвластное видение социальной реальности» [Ефимов, 2018а. С. 15].

Мы согласны еще с одним соображением Ефимова по поводу денег, а именно – с его несогласием происхождения денег исключительно из товарного обмена. Ефимов повторяет вслед за немецким социологом Йозефом Хубером: «Большинство людей все еще связывают происхождение и природу денег с тем, как это представлено в классической политической экономии, например, у Адама Смита, и в неоклассическом расширении этого представления, осуществленном Карлом Менгером в 1871 г. (австрийская школа). Согласно этой точке зрения, деньги, как предполагается, возникли как спонтанное творение архаичного бартера и рыночных процессов для облегчения обмена товарами. Деньги рассматриваются в этом контексте как товар и, следовательно, как любой другой товар, относятся к частной сфере. Эту точку зрения чаще всего называют товарной теорией денег» [Huber, 2017. P. 35]. Также, как и Хубер, Ефимов поддерживает так называемую государственную теорию происхождения денег, относящую деньги «к общественной сфере и прерогативе правителей» [Huber, 2017. P. 36; Ефимов, 2018а. С. 15].

Однако, соглашаясь с тем, что деньги не являются атрибутом лишь систем, основанных на товарном обмене и генетически не произошли из них, мы не поддерживаем разделяемую им государственную теорию денег, в соответствии с которой деньги являются лишь тем, что дают право на получение товаров и услуг. При этом само это право «связано не с тем, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность. Оно обусловлено тем, что зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторитетом государства (в том числе способностью применить силу), на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием ее пользователей к данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и верой в покупательную и платежную силу денег этой системы» [Ефимов, 2018b. С. 8].

Ефимов не рассматривает деньги как необходимый элемент воспроизводственного экономического процесса, однако мы придерживаемся именно такого взгляда на природу денег (подробнее см. [Кирдина-Чэндлер, 2019b]). Становление денег как социального института [Davis, 2017] мы связываем с тем, что доминирование того или иного типа институциональной матрицы (X или Y) определяет различные институциональные схемы эконо-

мического воспроизводства и, соответственно, особенности функционирования денежных институтов. Мы показали это ранее в ряде работ, когда анализировали, например, различные направления эволюции банков в X- и Y-экономиках [Kirdina, Vernikov, 2013], сравнивали институциональные модели финансирования реального сектора в России, Китае и США [Kirdina, 2013], а также организацию производственных процессов в X- и Y-экономиках [Kirdina, 2016]. Конечно, необходимы дальнейшие исследования мезоэкономических механизмов денежного обращения при разных социальных порядках, и мы надеемся, что дискуссия с В. Ефимовым по этому поводу может оказаться плодотворной.

Заключение

Выделение разных типов социальных порядков является перспективным направлением не только для институциональных исследований, но и для развития экономической теории. Уже не раз отмечались ограничения теоретических моделей в микро- и макроэкономике, которые «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» [Баумоль, 2001. С. 84]. Поэтому попытки классификации социальных порядков могут быть весьма полезными для конкретизации общетеоретических экономических положений применительно к разным типам социально-экономических систем. С этой точки зрения исследование В.М. Ефимова, посвященное решению данной задачи – до сих пор, кстати, консенсусно не решенной – вызывает естественный интерес.

Очевидно, что любой из нас, который знакомится с его описанием монетарного и патронального порядков, соотносит предложенную Ефимовым классификацию с собственными представлениями по этому поводу. Однако, чтобы быть убедительной, любая классификация должна не только соответствовать нашему мнению, опыту, впечатлениям или идеологическим симпатиям и предпочтениям – она должна быть логичной и научно обоснованной. Частью этого обоснования являются строгие теоретические рамки, понятная методология и разработанная методика. С этой точки зрения классификация Ефимова, хотя и подкреплена множеством документальных свидетельств, не является, на наш взгляд, достаточно фундированной. Отрицая роль теории в такого рода исследовании – об этом Ефимов заявляет как о своей принципиальной позиции, – он оставляет свою классификацию незащищенной от противоположных документальных свидетельств, которые могут предъявить те исследователи, которые его позицию не разделяют.

Тем не менее прочтение статьи Ефимова «О двух типах социальных порядков», состоящей из трех частей (ее общий объем составил почти 220 тыс. знаков!) – отнюдь не бесполезное занятие. Он обращает наше внимание на весьма важные вещи. Хотелось бы отметить две из них. Первое – призыв не игнорировать деньги и дебаты (коллективные формы обсуждения для принятия решений) как инструменты взаимодействия между людьми. Именно в их специфике он видит содержание складывающихся в обществе социальных порядков и полагает, что без их учета изучать социальные порядки не имеет смысла [Ефимов, 2018а. С. 7]. Пожалуй, с этим стоит согласиться.

Во-вторых, Ефимов своим анализом возвращает нас, – но уже на новом этапе, – к традициям классической политэкономии, когда изучение экономической деятельности предполагало анализ социально-политической структуры, поскольку их взаимосвязь в реальной жизни часто неразрывна. «Отличие социально-экономической реальности от природы состоит в том, что она представляет собой поток экономической деятельности и есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес первых в этой результирующей выше (часто намного), чем вторых. Действия участников

регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые, в свою очередь, базируются на в основном разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные и убедить последних в правоте новых верований и легитимности новых правил» [Ефимов, 2018а. С. 12].

Усложнение мира вокруг нас вновь актуализирует необходимость учитывать органический характер социально-экономической реальности, где связаны прошлое, настоящее и будущее, где взаимодействуют социальные, экономические и политические структуры, а денежные механизмы не просто «передают» информацию между экономическими агентами, но являются системообразующим институтом глобального характера. Циклический характер развития науки, о котором писал великий русско-американский социолог П. Сорокин, выражается сегодня в том, что аналитический этап ее развития снова сменяется синтетическим, что актуально «сложной реальности». В этой логике исследование В. Ефимова, несмотря на высказанную критику, является весьма современным и полезным. И как в этой связи не процитировать Ф. Хайека, который писал: «... экономист, остающийся лишь экономистом, скорее всего со временем станет помехой, если не потенциальной опасностью для исследовательской работы» [Науек, 1956. Цит. по Вольчик, 2015. С. 58]. Поэтому экономисты, обращающиеся к исследованию социальных порядков, очень нужны экономической науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. № 2. С. 73 – 107.
- Вольчик В. В. (2015). Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra economicus. Т. 13. № 4. С. 52 – 64.
- Ефимов В.М. (2018а). О двух типах социальных порядков. Ч. I // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Ефимов В.М. (2018b). О двух типах социальных порядков. Ч. II // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 28–46.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков. Ч. III // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Кильдюшов О. (2016) Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 122–149.
- Кирдина С.Г. (2014) [2000, 2001]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2016). Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 8. № 4. С. 72–91.
- Кирдина С.Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (18). С. 129–157.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019а). К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019b). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies. Vol. 11. № 3. С. 6–20.
- Куриц Х.Д. и Сальвадори Н. (2004). Теория производства: долгосрочный анализ: учебное пособие. М.: Финансы и статистика.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. (2019). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики. № 8. С. 45–66.
- Моисеев С.Р. (2002). Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики // Финансы и кредит. № 18. С. 38 – 51.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.

- Полбин А.В. (2013). Построение динамической стохастической модели общего равновесия для экономики с высокой зависимостью от экспорта нефти // Экономический журнал ВШЭ. Т. 17. №2. С. 347–387.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. № 4. С. 20–52.
- Davis A.E. (2018). Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London and New York: Routledge.
- Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: White L. The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 462–473.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.
- Ingham, G. (2004). The Nature of Money. Cambridge, UK: Polity Press.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна

kirdina@bk.ru

Svetlana Kirdina-Chandler

doctor habilitatus in sociology, head of sub-division of evolution for social and economic systems, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

kirdina@bk.ru

ABOUT MONEY AND SOCIAL ORDERS (reflections on the article of V.M. Efimov)

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the concept of Vladimir Efimov, presented by him in the article “On two types of social orders” published in the journal “Theoretical Economics” in 2018–2019. The main attention is paid, firstly, to the definition and understanding of social orders and, secondly, to the interconnection of social orders and money circulation mechanisms. The starting point of Efimov’s article is a criticism of the concept of North, Wallis, and Weingast about open access social orders and limited access social orders. Criticising this concept, Efimov presents his own alternative classification of monetary and patronal social orders. Efimov’s classification (or concept) is the subject of analysis in our paper. It is shown that Efimov’s classification of social orders is built on unclear foundations and is not, contrary to the author’s assertion, an institutionalist concept. Also noted is a lack of theoretical justification for his proposed classification, which is not mitigated by the abundance of documentary material presented. The main focus of Efimov’s criticism of the concept of North, Wallis, and Weingast is its disregard for the role of money. According to Efimov it is money that has a significant impact on the specifics of social orders, so in his concept he paid special attention to money. In Efimov’s concept of monetary and patronal social orders, he explores the nature of money and analyses its role in the distribution of power in society. Whilst supporting Efimov’s thesis about the significance of the relationship between the characteristics of money circulation and the specifics of social orders it is, nevertheless, necessary to state that he failed to fully justify this in his thesis. The main disadvantage of his money analysis in different social orders is the separation of the role of money from the economic reproduction process. It also makes his classification of monetary and patronal social orders unconvincing.

Keywords: *social orders, criticism of economic theories, theory of institutional X-Y matrices, mesoeconomic mechanisms of money circulation.*

JEL Classification: B40, B52, E0, P0.

REFERENCES

- Baumol U. (2001). Chego ne znal Alfred Marshall: vklad XX stoletiya d ekonomicheskuyu teoriyu [What Alfred Marshall Did Not Know: The Contribution of The XX Century to The Economic Theory] // Voprosy Ekonomiki. N 2. Pp. 73–107.
- Davis A.E. (2018). Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London and New York: Routledge.
- Friedman M. (1994). Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki [Methodology of Positive Economic Science] // Thesis. No. 4. Pp. 20–52.
- Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: White L. The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 462–473.
- Huber J. (2017). Sovereign Money. Beyond Reserve Banking. London: Palgrave Macmillan.

- Ingham G.* (2004). *The Nature of Money*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Kildyushov O.* (2016). Problema sotsial'nogo poryadka (Gobbsova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoy teorii obshchestva [The Problem of Social Order (a Hobbesian Problem): Towards the Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Contemporary Social Theory] // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. V. 15. No. 3. Pp. 122–149.
- Kirdina S.G.* (2014). [2000, 2001]. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: an Introduction to X and Y Theory]. 3rd edition, Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istoriya.
- Kirdina S.G.* (2013). *Institutsionalnyye modeli finansirovaniya real'nogo sektora* [Institutional Models of Real Sector Financing] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotciatsii*. №2 (18). Pp. 129–157.
- Kirdina S.G.* (2016). *Institutsional'naya organizatsiya ekonomicheskogo vosproizvodstva v X i Y ekonomikakh* [Institutional organization of economic reproduction in X- and Y-economies] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 8. No. 4. Pp. 72–91.
- Kirdina S., Vernikov A.* (2013). *Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional View* // *Journal of Economic Issues*. Vol. 47. No. 2. Pp. 475–484.
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019a). *K samoopredeleniyu rossiyskogo obshchestva: v poiskakh sistemy koordinat* [Towards the Self-Determination of Russian Society: Searching for a Coordinate System] // *Mir Rossii*. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–24.
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019b). *Mekhanizm denezhnogo obrashcheniya kak ob'ekt mesoeconomicheskogo analiza* [Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 6–20.
- Kurz H.D., Salvadori N.* (2004). *Theory of production: a long-period analysis*. Moscow: Finansy i statistika.
- Maevsky V.I., Malkov S.Yu., Rubinstein A.A.* (2019). *Analiz svyazi mezhdru emissiyey, inflyatsiyey i ekonomicheskim rostom s pomoshchyu modeli pereklyuchayushchegosya rezhima vosproizvodstva* [Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 45–66.
- Moiseev S.R.* (2002). *Transmissionnyy mekhanizm denezhno-kreditnoy politiki* [The transmission mechanism of monetary policy] // *Finansy i kredit*. No. 18. Pp. 38–51.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2009). *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Polbin A.* (2013). *Postroeniye dinamicheskoy stokhasticheskoy modeli obshchego ravnovesiya dlya ekonomiki s vysokoy zavisimostyu ot eksporta nefi* [Development of a Dynamic Stochastic General Equilibrium Model for an Economy with High Dependence on Oil Export] // *Economic Journal of HSE*. Vol. 17. No. 2. Pp. 347–387.
- Volchik V.V.* (2015). *Mezhdistsiplinarnost v ekonomicheskoy nauke: mezhdru imperialismom i plyuralismom* [Interdisciplinarity in economic science: between imperialism and pluralism] // *Terra economicus*. Vol. 13. No. 4. P. 52–64.
- Yefimov V.* (2018a). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part I // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 7–25.
- Yefimov V.* (2018b). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part II. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 28–46.
- Yefimov V.* (2019). *O dvukh tipakh sotcial'nogo poryadka* [On two types of social orders]. Part III. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 7–23.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

И.Л. Кирилюк

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

А.П. Свиридов

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

РЫНОК СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. В статье анализируется роль страховой отрасли как социально-экономического института в развитии России. Рассматривается влияние деятельности отечественных страховщиков на экономику, проводится сопоставление с зарубежными моделями страхования. Описаны история создания, текущее состояние, успехи, проблемы и риски российской страховой отрасли, приведены значения ключевых показателей, характеризующих ее эффективность в целом и по отдельным направлениям, рассматриваются особенности ее регулирования Центральным Банком России, обсуждается процесс перехода на международные стандарты, внедрение местных стандартов, улучшающих взаимодействие между страховщиками и страхователями, польза и побочные эффекты от этих нововведений. Обозначены перспективы развития страхования, в том числе состояние и перспективы внедрения информационных технологий в страховании – insurtech, и связанных с этим направлением понятий телематики, интернета вещей, носимых устройств и т.п., использование новых возможностей работы с получаемыми данными о страхователях (в том числе с big data). Обсуждается потенциал страховых компаний как разновидности институциональных инвесторов, эффективного источника длинных денег, обеспечивающих более надежное финансирование долгосрочных инфраструктурных проектов. Показан потенциал (пока недооцениваемый в мире и в России) страховщиков в осуществлении превентивного управления рисками (в целях снижения вероятности наступления страховых случаев, в том числе в целях сохранения жизни и здоровья людей) на микро-, мезо- и макроуровне.

Ключевые слова: *страхование, инвестиции, insurtech, длинные деньги, превентивное управление рисками.*

Классификация JEL: G22, G23.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10204

1. Введение

Страхование является элементом системы управления рисками. Различные сообщества для обеспечения своей устойчивости прибегали к взаимопомощи [Пшеничнюк, 2014]. Это помогало выживать отдельным членам общества и сохранять его устойчивость в целом. Практика договоров о распределении потенциального риска между участниками существовала с древности. Считается, что первые общества взаимного страхования

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

возникли в Древнем Риме, а первые страховые общества, которые использовали заранее созданный страховой фонд, возникли в конце XVII в. Но систематическое регулирование страховой деятельности начинается только со второй половины XIX в. [Бровкин, 2017].

В России системное развитие страхования началось с первой половины XIX в. [Лопаткин, 2012]. При крепостном праве страхованием от рисков должен был заниматься помещик (хотя на практике это происходило далеко не всегда). С отменой крепостного права отмечается рост страховой отрасли, поскольку бывшим крепостным в новых социально-экономических условиях приходилось самим управлять своими рисками.

С формированием СССР страховая отрасль стала государственной монополией, подчиненной интересам страны. 95% прибыли направлялось в бюджет. В период Великой отечественной войны из страховой отрасли деньги были направлены для нужд фронта.

После распада СССР в российской страховой отрасли вновь происходит переход к рынку и характерному для него взаимодействию участников. В 1988 г. создается возможность для образования негосударственных страховых организаций (СО), в 1992 г. принят федеральный закон «О страховании», и страховой надзор начинает осуществлять Федеральная служба по надзору за страховой деятельностью. Полномочия регулятора страховой отрасли переходят в 1996 г. к Министерству финансов, при котором в 1997 г. создается Департамент страхового надзора. Если до 1997 г. происходил рост числа субъектов страхового дела, в том числе благодаря схемам по оптимизации налогообложения, то после 1997 г. начинается уменьшение количества субъектов страхового дела. В 2004 г. в связи с реформированием структуры государственного аппарата правопреемником Департамента страхового надзора становится Федеральная служба страхового надзора (ФССН). В 2011 г. ФССН входит в состав Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР), которая осуществляет контроль за фондовым и страховым рынком. Таким образом, создается первый мегарегулятор. А в 2014 г. мегарегулятором становится Банк России, регулирующий банковский, фондовый и страховой рынок.

В современном мире страхование не только выполняет свои прямые функции – защищает страхователей (для которых расходы на страховку, как правило, незначительны, а помощь при наступлении страховых случаев существенна) и приносит прибыль страховщикам, но оказывает иные важные формы воздействия на общество и экономику в целом. Исследования с использованием анализа причинности по Грейнджеру показывают положительное страховой отрасли влияние на экономический рост. Обеспечение стабильности, повышение однородности общества по располагаемым финансовым средствам, создание рабочих мест, резервирование «длинных денег», обеспечивающих финансирование долгосрочных инвестиционных проектов – важные функции страховой отрасли.

Управлять рисками можно как посредством возмещения возникшего ущерба, так и превентивно. В коллективистских странах возможно системное использование превентивного управления рисками по сравнению со странами с более «атомизированным» обществом. Ярким свидетельством этого является превентивное управление рисками здоровья в социалистической Кубе, где, несмотря на относительную бедность экономики, продолжительность жизни является одной из самых высоких в мире.

В разных типах макроэкономических систем практика страхования получала определяемые этими системами особенности. Например, в капиталистическом обществе рядом исследователей выделяются такие модели экономик, как германская (рейнская) и англосаксонская модели [Семененко, 2008]. Есть свои специфические особенности и у экономик азиатских стран. Для англосаксонской модели более значимым является фондовый рынок, на котором действует множество вкладчиков, в рейнской модели доминирует банковская система и крупные участники рынка. Соответственно, в англосаксонской системе больше риска для инвесторов, выше интерес к быстрой и высокой доходности (часто связанной с высоким риском), соответственно, выше доля венчурного финансирования. В рейнской

системе меньше выражено стремление получить быстрый высокий доход, больше выражено стремление к стабильности, устойчивости в долгосрочной перспективе. В системах, характеризующихся большим числом мелких участников, которые могут иметь портфели из разных видов активов, заинтересованность каждого участника в доходности конкретного актива и, соответственно, в благополучии предприятия, которому соответствует этот актив, невелика, что может приводить к диффузии ответственности и увеличению рисков. В некоторых случаях, система страхования может создавать из-за этого негативные побочные эффекты. Так, страхование сыграло принципиальную роль в развитии начавшегося США ипотечного кризиса.

В рейнской модели больше роль общества в обеспечении благополучия граждан в социальной сфере, в англосаксонской – гражданам приходится больше обеспечивать его самим (см. например, [Губина, 2008]).

Считается, что экономика Российской Федерации ближе к рейнской модели, поскольку фондовый рынок в России развит относительно слабо в сравнении с банковской системой.

В следующих разделах будет подробнее рассмотрено состояние российской страховой отрасли, ее экономическое воздействие на мезоэкономическом и макроэкономическом уровнях, перспективы ее развития с учетом институциональных особенностей России и других стран.

2. Текущее состояние и тенденции развития российского рынка страхования

Текущее состояние страховой отрасли на мировом уровне отражено в публикациях ряда международных организаций, например, в публикациях Организации экономического сотрудничества и развития, в обзорах финансовой стабильности разных стран. Актуальное состояние страхования в России представлено в первую очередь в документах Центрального Банка России (далее – ЦБ РФ), например, в его годовом отчете за 2018 г., где страховые компании анализируются наряду с другими некредитными финансовыми организациями (далее – НФО), такими, как негосударственные пенсионные фонды и паевые инвестиционные фонды.

Мы приведем показатели, которые характеризуют развитость и устойчивость страховой отрасли. Так, важным фактором является число субъектов страхового дела, поскольку, чем их больше, тем больше позитивное влияние конкуренции на отрасль и возможность малых компаний, в том числе региональных, братья за эффективное решение частных проблем, которые не решаются крупными компаниями [Платонова, 2015].

С конца 2015 г. до середины 2019 г. численность субъектов страхового дела уменьшилась на 56,1%. Но при этом наблюдается замедление темпов снижения их численности. За последний год их численность снизилась на 8,5%. Количество обществ взаимного страхования остается на стабильном уровне. Отмечается динамика роста страховых брокеров; за последние полгода их количество выросло на 4 компании, или на 6,3% (рис. 1).

Количество заключенных договоров характеризует распространенность страхования среди населения и определяет возможное количество страховых случаев, обеспеченных страховкой. Наблюдается динамика роста заключенных договоров страхования, на середину 2019 г. по отношению к середине 2018 г. произошел рост на 5,1%, за 2018 г. – рост на 4,9, с конца 2015 г. по конец 2018 г. рост составил 40,2% (рис. 2).

Объем собранных страховых премий определяет доходы страховщиков, а также связан с уровнем стабильности экономики. На первое полугодие 2019 г. изменение общей суммы страховых премий за год составило 1%. За 2018 г. общая сумма страховых премий увеличилась на 15,7%, с конца 2015 года по конец 2018 г. рост составил 43,8% (рис. 3).

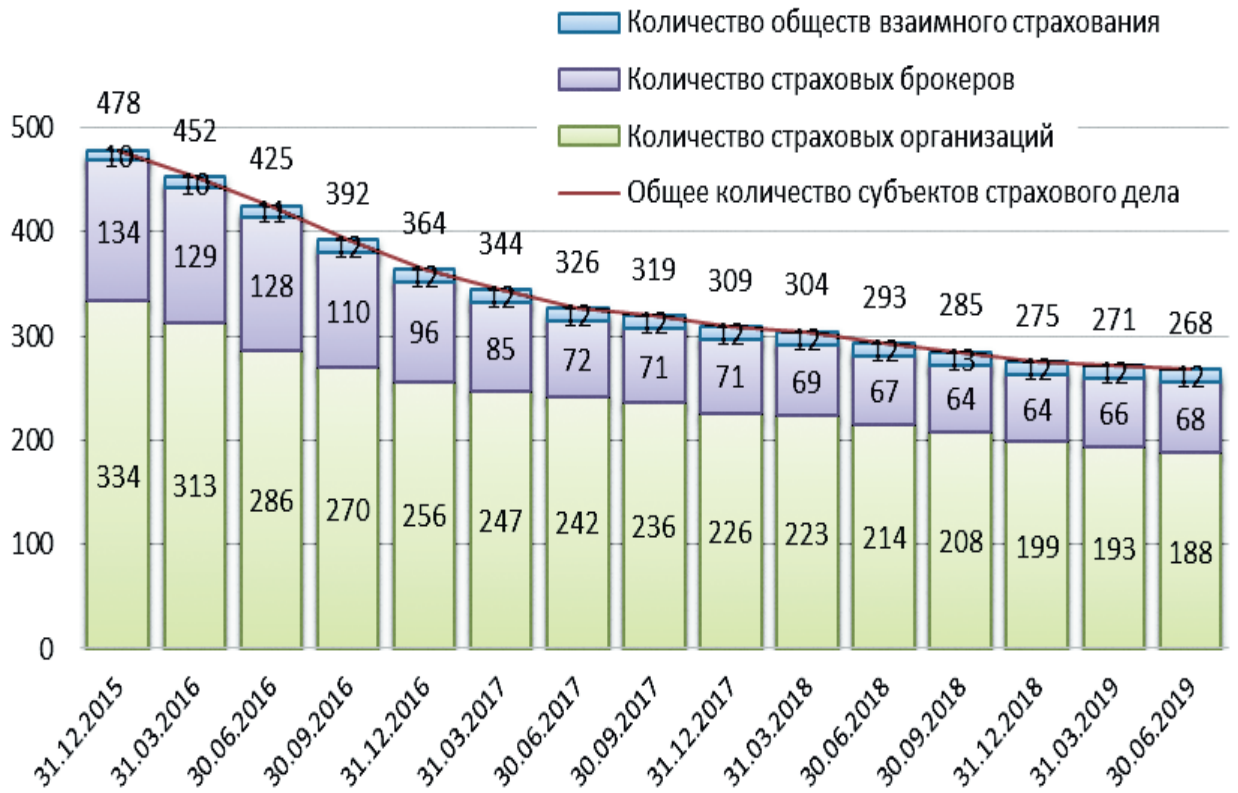

Рис. 1. Численность субъектов страхового дела

Источник: ЦБ РФ (здесь и далее [Обзор ключевых..., 2019] и выпуски обзоров за предыдущие периоды).

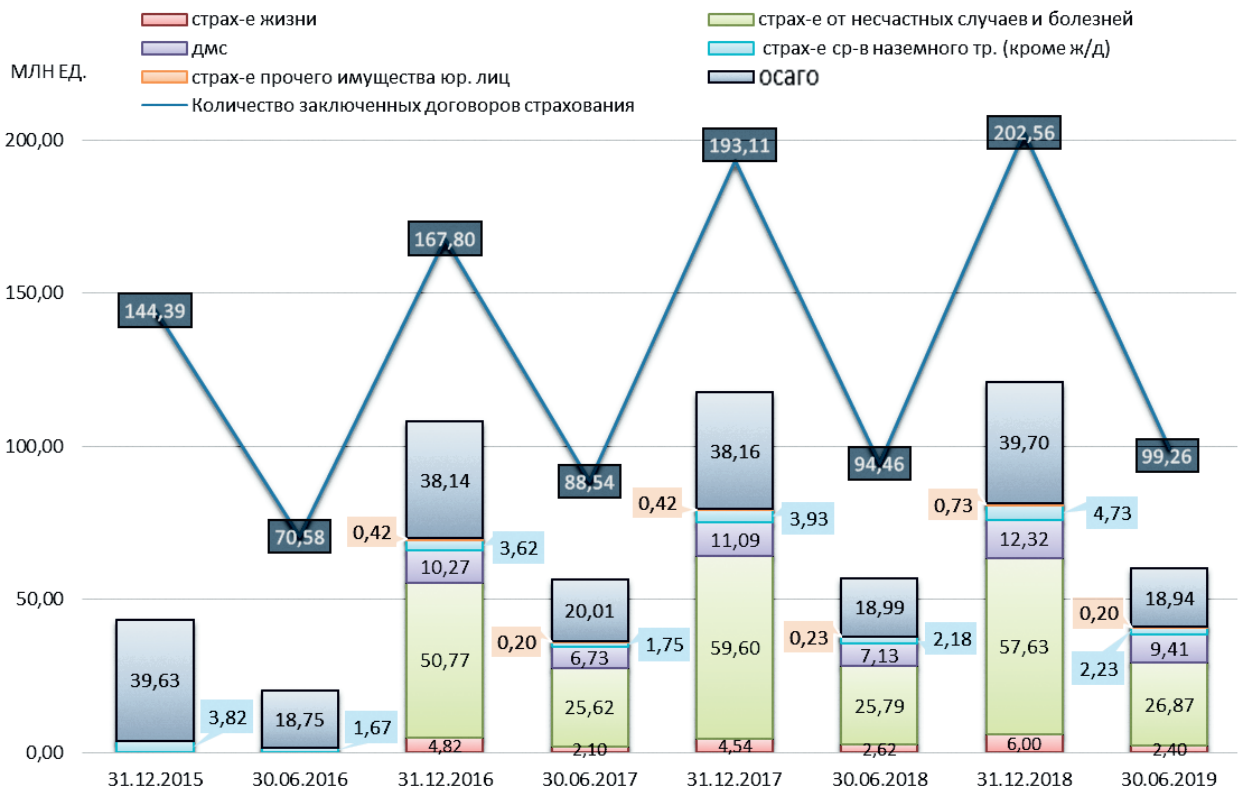

Рис. 2. Количество заключенных договоров страхования

Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019].

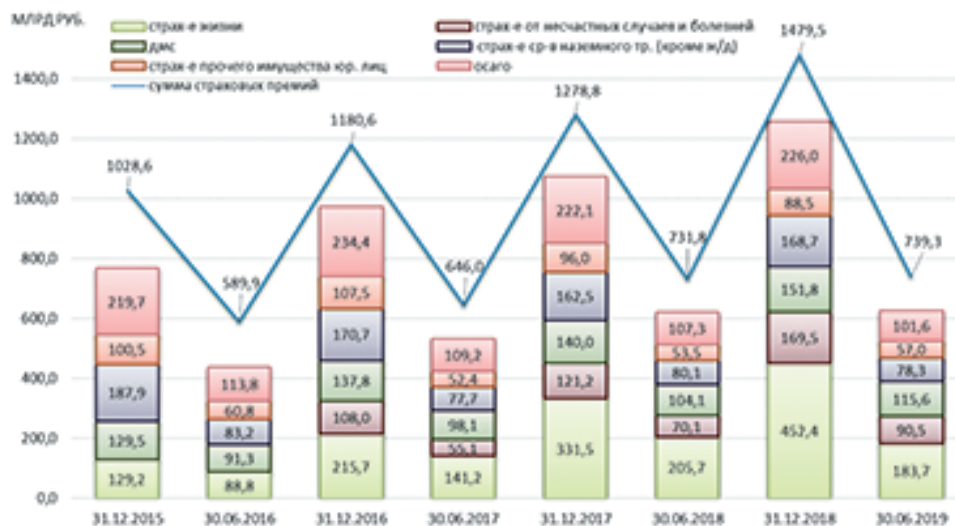

Рис. 3. Объем собранных страховых премий

Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019]

По выплатам можно оценить не только расходы страховщиков, но и количество возмещенного ущерба для экономики. Общие выплаты по договорам страхования имеют небольшой рост на 2,1% с конца 2015 г. по конец 2018 г., при этом с середины 2018 г. по середину 2019 г. увеличение составило 21,1%. Структура выплат значительно поменялась, растет доля добровольного страхования (большая часть принадлежит страхованию жизни, добровольному медицинскому страхованию и страхованию наземного транспорта), а доля обязательного снижается (основная часть принадлежит ОСАГО, порядка 90%). С 2018 г. значительно растут выплаты по страхованию жизни. С середины 2018 г. по середину 2019 г. наблюдается двухкратный рост выплат (рис. 4). Это обусловлено в основном тем, что заканчиваются сроки действия договоров по инвестиционному страхованию жизни.

Рис. 4. Выплаты по договорам страхования

Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019]

Отметим некоторые негативные тенденции на российском рынке страхования.

Напряженная ситуация с ОСАГО сохранялась на протяжении многих лет, комбинированный коэффициент убыточности по ОСАГО находился на уровне около 100% (за 2015 г. – 96,3%, за 2016 г. – 97,8%, за 2017 г. – 106,8%), только за 2018 г. снизился до уровня 87,9%, и за II кв. 2019 г. составил 92,2% [Обзор ключевых..., 2019], этому способствовало внедрение практики натурального возмещения ущерба, а также иные меры по улучшению ситуации на рынке ОСАГО [Годовой отчет..., 2019, С.92].

В 2018 г. по долгосрочным договорам страхования жизни выявлена тенденция роста неудовлетворенности потребителей данных финансовых услуг (увеличение жалоб по сравнению с 2017 г. возросло на 75,1%) [Годовой отчет..., 2019, С. 92]. Для улучшения ситуации ЦБ РФ опубликовал Концепцию совершенствования регулирования инвестиционного страхования жизни (ИСЖ), в соответствии с которой внедряемые меры должны будут снизить недобросовестные продажи, а для потребителя повысить удовлетворенность от качества услуг ИСЖ [Годовой отчет..., 2019, С. 185], и установлено требование по донесению до страхователя существенной информации о рисках и условиях договора накопительного или инвестиционного страхования жизни. Ввиду этого Эксперт РА выдвигает два прогноза по динамике роста страховых премий по ИЖС:

- 1) рост продаж сохранится;
- 2) произойдет снижение продаж и перетекание средств в другие инструменты [«Жизнь» под угрозой, 2019].

Продолжившийся рост страхования жизни в 2018 г. увеличил число жалоб на недобросовестную практику продаж, вследствие чего ЦБ РФ продолжил работу по повышению добросовестности продавцов страхования жизни.

3. Надзор и регулирование в страховании: состояние и новации

С 1 сентября 2013 г. российские страховые компании находятся под контролем ЦБ РФ. Это приводит к более тесному их взаимодействию с другими организациями финансового рынка, к унификации определяющих их функционирование правил. ЦБ РФ оценивает их риски преимущественно по количественным показателям.

Также происходят процессы сближения правил, которыми руководствуются российские страховые организации с правилами, по которым работают страховые организации других стран, благодаря внедрению международных принципов и норм. ЦБ РФ планомерно проводит политику по приведению своих стандартов в соответствие с европейскими нормами. Данные мероприятия, по мнению участников НФО, были проведены в спешном порядке, что создало дополнительную нагрузку на организации и повысило риски их ухода с рынка.

Декларируемая цель внедрения новых стандартов – интеграция финансовой системы в мировую, переход на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО). С 2016 г. до начала 2019 г. были реализованы проекты по внедрению единого плана счетов бухгалтерского учета НФО (ЕПС), отраслевых стандартов бухгалтерского учета НФО (ОСБУ), а также в процессе переход НФО на единый формат отчетности XBRL. Все это было необходимо для улучшения качества получаемых данных, которые требуются для расчетов показателей Solvency II [Информационное письмо, 2016].

НФО переход на ЕПС и ОСБУ дался достаточно сложно, например, среди профессиональных страховых брокеров из 67 были вынуждены уйти 11 участников [Лампси, 2018].

Рассмотрим подробнее основные международные нормативы, внедряемые в настоящее время в России.

Solvency II

Согласно определению ЦБ РФ, Solvency (англ. – платежеспособность) II – это директива, являющаяся концепцией риск-ориентированного подхода в осуществлении регулирования и надзора за деятельностью страховщиков и страховых групп в Европейском союзе. Платежеспособность – возможность компании выполнять свои обязательства своевременно, оценивается по вероятности покрыть свои очередные платежи в текущем периоде.

Существовал ряд недостатков в регулировании страховой отрасли, отмечаемых европейскими страховщиками и надзорными органами, имевших место до внедрения Solvency II:

- формальные требования не достаточно учитывали индивидуальные риски;
- соотношение обязательств и активов не достаточно принималось в расчет;
- компании имели слабую мотивацию для реализации риск-менеджмента;
- требования регулятора были слабо скоординированы с внутрикorporативными стандартами к риск-менеджменту.

Перечисленные недостатки привели к поддержке внедрения Solvency II в Европейском союзе. В начале XXI в. страховые компании продвигали введение законодательной базы, основанной на принципах риск-ориентированного подхода и ориентированной на рыночную стоимость активов. Это привело к изменениям в нормативно-правовой базе на основе методик по оценке рисков для страховых компаний [Дайхель, 2011].

Европейская директива Solvency II направлена на организацию единого правового пространства в сфере страхования и перестрахования, описанного в пункте (2) [Информационное письмо, 2016]. В пункте (16) Директивы провозглашается основная цель – «достаточная защита интересов страхователей и выгодоприобретателей», а уже остальными целями «являются обеспечение финансовой стабильности, справедливого и устойчивого функционирования рынков» [Информационное письмо, 2016]. При этом страховщиков больше всего тревожат «второстепенные» цели, для обеспечения которых Регулятор предъявляет к ним требования, например, к оценке достаточности капитала страховщиков [Цибулевский, 2019; Чистюхин, Буравлева, 2016] и пр.

Solvency II похож на Базель III², применяемый для регулирования банковской деятельности. Идентична структура стандартов. Выделяют следующие компоненты Solvency II:

- 1) Оценка рисков и расчет требований к капиталу.
- 2) Корпоративное управление.
- 3) Отчетность. [Цибулевский, 2019; PWC, 2017; Дайхель, 2011].

Выделяют ряд трудностей, связанных с внедрением Solvency II.

Solvency II препятствует увеличению объема долгосрочных инвестиций, т.к. должно быть соответствие размещаемых активов с обязательствами по срокам, таким образом, чтобы вкладывать в долгосрочные активы у страховой компании должны быть долгосрочные обязательства, которые гораздо сложнее получить, чем краткосрочные.

Эксперты замечают, что существуют сложности в переходе к Solvency II из-за того, что необходимо менять систему корпоративного управления, которая должна основываться на связке: капитал – риск – доходность, а не надстраивать текущую отчетность, приводя ее к новым требованиям. К тому же неясно, насколько захотят акционеры заниматься бизнесом, у которого ограничена доходность [Новиков, 2018].

Также эксперты отмечают, что внедрение Solvency II связано со значительными издержками, которые приведут к увеличению концентрации капитала, снижению уровня конкуренции, что вызовет снижение качества услуг, рост цен и в целом замедлит развитие рынка страхования. Различным будет влияние внедрения Solvency II на экономику различ-

² Анализ отличий см. в [Кочович и др., 2018].

ных стран в зависимости от типа экономических моделей. В странах германской (рейнской) модели с доминированием общественных интересов, где страховые компании были источником рефинансирования длинных денег для банков, произойдет снижение доли долгосрочных инвестиций, так как стандарты стимулируют краткосрочные инвестиции. При этом в странах с англосаксонской системой, где доминирует фондовый рынок и частные интересы, серьезных изменений не произойдет [Антюшина, 2019а, Антюшина, 2019б].

XBRL

XBRL обязателен к применению в регуляторной отчетности почти для всех стран, входящих в G20, исключением были Россия и ЮАР [Козий, Самиев, 2019].

XBRL (**Extensible Business Reporting Language**) переводится как расширяемый язык деловой отчетности. Одно из определений Банка России дополнительно указывает, что это «формат передачи регуляторной, финансовой и другой отчетности» [Вестник, 2018]. Полное определение можно посмотреть на сайте Банка России, посвященном открытому стандарту отчетности XBRL³:

Смысл XBRL заключается в том, что компания, вместо того чтобы для каждого контролирующего органа делать отдельный отчет, предоставляет единый отчет в соответствии с перечнем данных, из которого уже контролирующие органы сами формируют необходимые отчеты.

Данный формат отчетности позволит:

- 1) устранить избыточность и дублирование информации;
- 2) унифицировать и автоматизировать процессы;
- 3) повысить прозрачность и открытость финансовой информации;
- 4) использовать единый формат для межведомственного и международного обмена электронными данными.

Возникают риски для тех участников, у которых имеются проблемы в качестве IT по решениям и процессам, на что и идет основная нагрузка при внедрении XBRL.

Также на первом этапе все-таки будет дублирование отчетности, так как в саморегулирующиеся организации (СРО) данные будут предоставляться в старом формате, так как у них может не хватать мощностей, чтобы обрабатывать XBRL.

Переход на XBRL страховых компаний по большей части сталкивается с трудностями, существуют проблемы в точности и автоматизации формируемой отчетности, так как организации набивают отчетность в устаревшие программы. Но самые передовые страховые организации автоматизируют формирование XBRL-отчетности из учетной системы. Если во всей страховой отрасли будут внедрены такие автоматизированные решения, то это позволит повысить прозрачность отрасли [Козий, Самиев, 2019].

Базовые стандарты

Базовые стандарты [Базовый стандарт, 2018а; Базовый стандарт, 2018б] – требования регулятора (ЦБ РФ), выработанные совместно с ВСС и утвержденные ЦБ РФ в 2018 г., а с 07.05.2019 г. они вступили в действие для всех страховых организаций. За несоблюдение стандартов предусмотрен штраф до 40 тыс. рублей, в качестве более жесткой меры грозит исключение из ВСС, что приведет к отзыву лицензии у страховщика.

Общие цели «Базовых стандартов» приняты для того, чтобы страховые организации добросовестно взаимодействовали с получателями страховых услуг, соблюдали их законные интересы и права, повышали качество услуг.

Специфичные цели Базового стандарта защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегули-

³ Открытый стандарт отчетности XBRL Банк России. www.cbr.ru/finmarket/projects_xbrl1.

руемых организаций, объединяющих страховые организации [Базовый стандарт, 2018a] – способствование информационной открытости страхового рынка, а именно информированности потребителя об услугах и деятельности организаций, что будет способствовать повышению уровня финансовой грамотности.

Специфичные цели Базового стандарта совершения страховыми организациями операций на финансовом рынке [Базовый стандарт, 2018b] – «повышение уровня защиты информации при осуществлении страховой деятельности» и создание условий для эффективного осуществления контроля деятельности над страховыми организациями, производимого саморегулирующимися организациями.

Положительные моменты для потребителей [ВСС, 2019]:

- при оказании финансовых услуг страховщикам запретят ставить в зависимость заключение договора страхования от других услуг, оказываемых клиенту, исключением является комбинированное страхование;
- потребности людей с ограниченными возможностями учтены в «Базовых стандартах»;
- потребители могут расторгнуть договор страхования, просто не уплатив очередной взнос;
- ответственность за принятие агентами заявления о расторжении договоров в «период охлаждения» переносится на страховщика;
- если страхователь не сможет получить компенсацию по страховке, его предупредят заранее;
- при отсутствии явных признаков противоправных действий страховщики не имеют права требовать справку из МВД.

Существует мнение, что введение Базовых стандартов – способ для ВСС смягчить давление ЦБ РФ на страховщиков по защите потребителей накопительного страхования жизни [Кокорев, 2019].

Критические замечания в отношении регулирования страховой отрасли

Существует ряд критических высказываний со стороны участников страхового рынка в отношении регулирования страховой отрасли, в том числе в адрес Банка России как регулятора.

Например, тот факт, что ЦБ РФ в своих новых нормативах увеличивает минимально допустимый размер уставного капитала, создает серьезные трудности для региональных страховщиков. Это уменьшает налоги с физических и юридических лиц в местные и региональные бюджеты и число рабочих мест. Также это влияет на предложение страховых продуктов с региональной спецификой, на скорость реагирования при наступлении страховых случаев в регионах, приводит к снижению отраслевой конкуренции, потери профессиональных кадров и уничтожает частный многолетний бизнес. Позиция ВСС заключается в том, чтобы было 3 уровня страховых компаний. Первый уровень – крупные страховые организации, которые занимаются страхованием объектов экономической инфраструктуры государства. Второй уровень – средние страховые компании и регионалы, которые должны повышать инвестиционную привлекательность регионов, повышать качество жизни в них и предоставлять новые рабочие места. Третий уровень – национальная перестраховочная компания при участии ЦБ РФ [Платонова, 2015].

Есть и другие претензии, например:

- ▶ нормативные акты нечетко сформулированы, что позволяет ЦБ РФ штрафовать страховщиков за неполное или неточное их исполнение;
- ▶ санкции часто завышены по отношению к уровню опасности нарушений для общества;

- ▶ нет наказаний должностных лиц и организаций за непредоставление информации по запросу страховщиков, что вызывает сложности в получении необходимой информации для принятия решений;
- ▶ разные контролирующие органы наказывают страховщиков за одно и то же правонарушение по разным статьям Кодекса об административных правонарушениях;
- ▶ некоторые государственные органы выходят за пределы своей компетенции в принятии решений об административных воздействиях;
- ▶ страховые организации ставятся в ограниченные временные рамки, так как действует принцип оперативности по делам об административном правонарушении, например, уведомление приходит за 3 – 4 дня до начала дела и нередко не содержит материалов дела;
- ▶ четко не установлено, какие санкции, за какие правонарушения могут применяться, иногда может применяться двойное наказание (лицензионные/штрафные санкции);
- ▶ необходимо ужесточение ответственности за нарушения при осуществлении государственных закупок в области обязательных видов страхования, чтобы добросовестные страховщики имели возможность участия;
- ▶ при наличии спора между страховщиком и страхователем происходит необоснованное привлечение страховщика к административной ответственности.

Данные проблемы и пути их решения докладывались вице-президентом ВСС [Гусар, 2019].

4. Инвестиционная деятельность страховых компаний

Важнейшей составляющей дохода страховщиков является инвестиционная деятельность. Страховые компании, наряду с негосударственными пенсионными фондами и паевыми инвестиционными фондами, рассматриваются как институциональные инвесторы и как социально-экономический институт, создающий длинные деньги.

В законодательстве стран англосаксонской экономической модели собственно страховая деятельность даже необязательно должна приносить доход.

Инвестиционная политика страховщиков ограничивается регулятором. Во всех странах регулируются инвестиции страховых резервов, при этом в некоторых странах (например, в США) в отношении собственных средств страховщиков не устанавливаются правила инвестирования.

Риски для страховщиков могут быть связаны с неудачной инвестиционной деятельностью. Важным условием устойчивости страхового бизнеса является то, что страховщики должны инвестировать в низкорисковые активы. Поэтому инвестиции страховых компаний в венчурные инновационные проекты, даже направленные на снижение рисков страховых случаев в сфере интересов этих компаний, сопряжены с дополнительными сложностями. Однако в некоторых случаях такая деятельность все равно осуществляется.

Также для использования длинных денег в обществе должен быть высокий уровень доверия и стабильности.

Обычно рассматривают в качестве источника длинных денег резервы, сформированные за счет страхования жизни, особенно инвестиционного, так как срок страхования в этом случае длительный, а риски для страховщиков невелики.

В России резервы по страхованию жизни с конца 2015 г. по II кв. 2019 г. увеличились на 322,2% и впервые стали доминировать в структуре страховых резервов. За тот же период резервы по страхованию иному, чем страхование жизни, увеличились на 30,3% (рис. 5).

Рис. 5. Структура страховых резервов
 Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019].

Особенность ситуации в России в том, что проекты, в которые могли бы вкладываться длинные деньги, финансируются за счет бюджета. За расходование этих денег акторы несут меньше ответственности, что увеличивает возможности для оппортунистического поведения. Таким образом, проблема не только в том, что длинных денег мало, но и в том, что их некуда инвестировать [РСПП, 2019]. Кроме того, если такие деньги размещаются не в соответствии с требованиями ЦБ РФ, это грозит санкциями с его стороны.

Если страховые компании инвестируют в банки, то длинные деньги превращаются в короткие. Это создает риски для экономики в том, что экономика теряет длинные деньги. Длинные деньги, как правило, большие и мало рисковые, хотя и менее доходные. Чем меньше размеры инвестирования, тем инвестор ориентируется на большую доходность и, соответственно, имеет больший риск. Таким образом, чем больше сумма и меньше доходность, тем на больший срок готов вкладываться инвестор. Таким образом, можно говорить о длинных деньгах как о больших суммах, размещенных на длительный срок с низким риском, что подразумевает и низкую доходность. Размещение на длительный срок уменьшает издержки по повторному размещению денежных средств.

Важным показателем является доля активов НФО к активам банковских организаций. Представляет интерес ее сравнение для России и для других стран. Самая высокая доля в США, в Великобритании, в Германии. В Китае эта доля сходна с российской [Данилов и др., 2017].

В России доля НФО составляла на конец 2018 г. 12,5% от банковских активов и соответствовала 11,3%⁴ доли активов НФО в ВВП, 2,81% – доля страховщиков в ВВП, что соответствовало активам в размере 2,92 трлн руб.; на конец II кв. 2019 г. объем активов составил 3,11 трлн руб., а их доля в ВВП – 2,9% (рис. 6). Эти показатели характеризуют возможность насыщения экономики длинными деньгами.

Активы страховщиков с конца 2015 г. по середину 2019 г. увеличились на 91,2%, а их доля в ВВП – на 44,3% (рис. 6). Показана структура активов с конца 2015 г. по II кв. 2019 г. в абсолютном (рис. 7) и процентном выражении (рис. 8). Из рисунков видно, что в целом происходит постоянный рост активов, и соотношение активов изменяется заметно. Существенно изменилась структура активов с 2015 г. (рис. 9):

- ▶ доля облигаций выросла на 47,5%;
- ▶ доля депозитов снизилась на 21%;
- ▶ доля государственных и муниципальных ценных бумаг выросла на 196,1%;
- ▶ доля дебиторской задолженности снизилась на 38,3%;

⁴ Рассчитано по данным ЦБ РФ.

Рис. 6. Активы страховщиков

Источник: Рассчитано авторами по данным ЦБ РФ и Росстата

- ▶ доля перестрахования снизилась на 46,7%;
- ▶ доля денежных средств снизилась на 53,4%;
- ▶ доля акций снизилась на 56%;
- ▶ доля недвижимого имущества снизилась на 60%;
- ▶ доля инвестиционных паев ПИФов снизилась на 72,7%;
- ▶ доля векселей снизилась на 97,2%;
- ▶ доля прочих активов выросла на 42,3%;

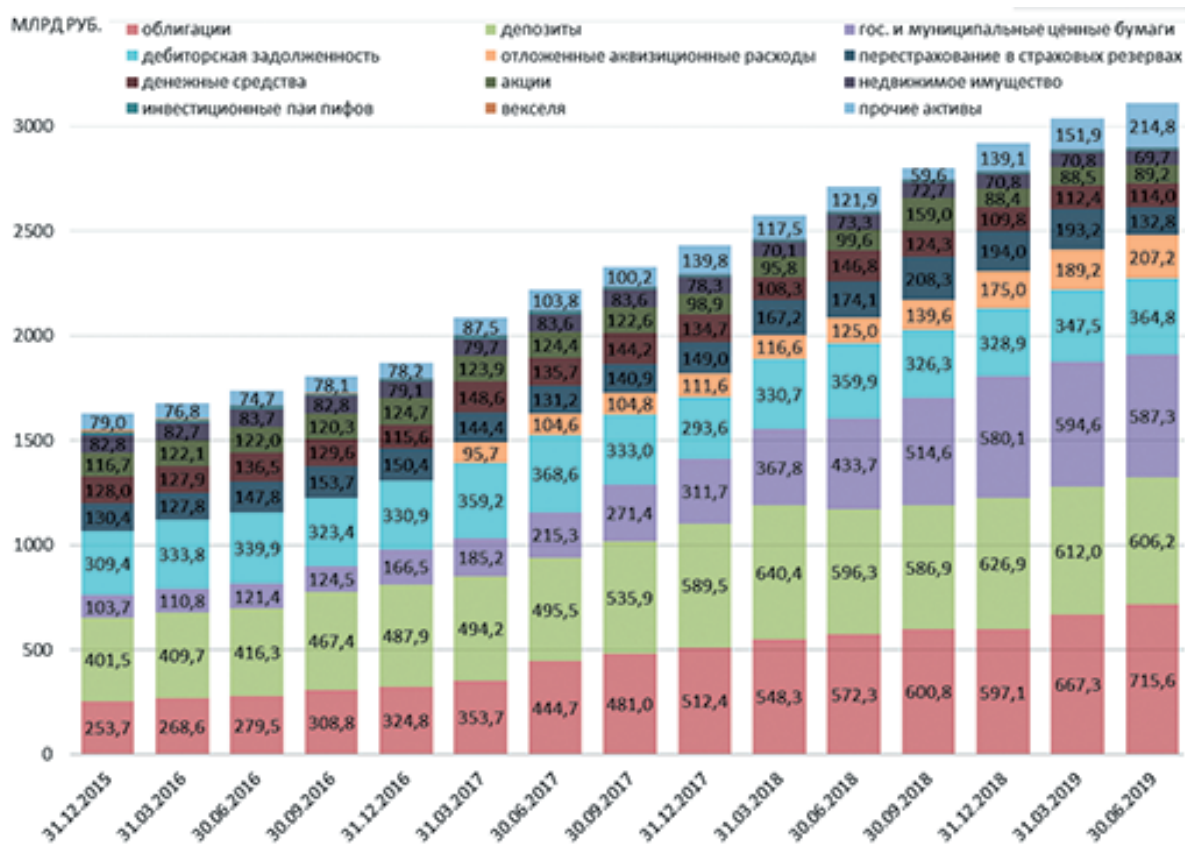

Рис. 7. Структура активов страховых организаций по кварталам

Источник: ЦБ РФ.

► с I кв. 2017 г. по II кв. 2019 г. доля отложенных аквизиционных расходов выросла на 45,1%.

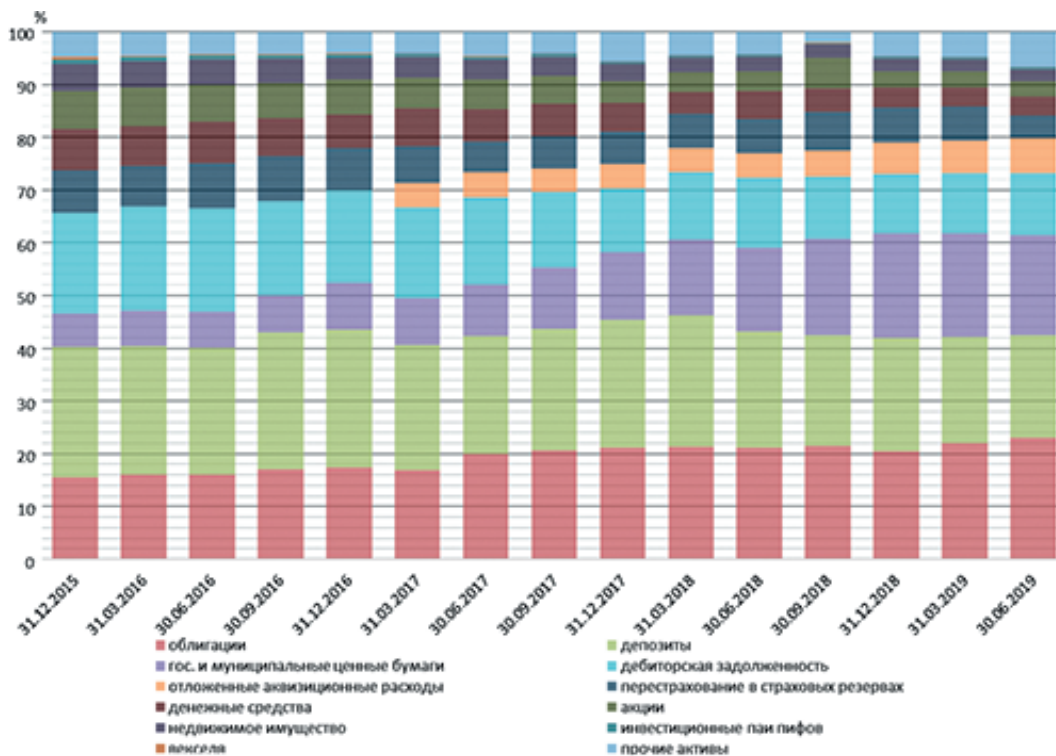

Рис. 8. Соотношение структуры активов страховых организаций по кварталам

Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019].

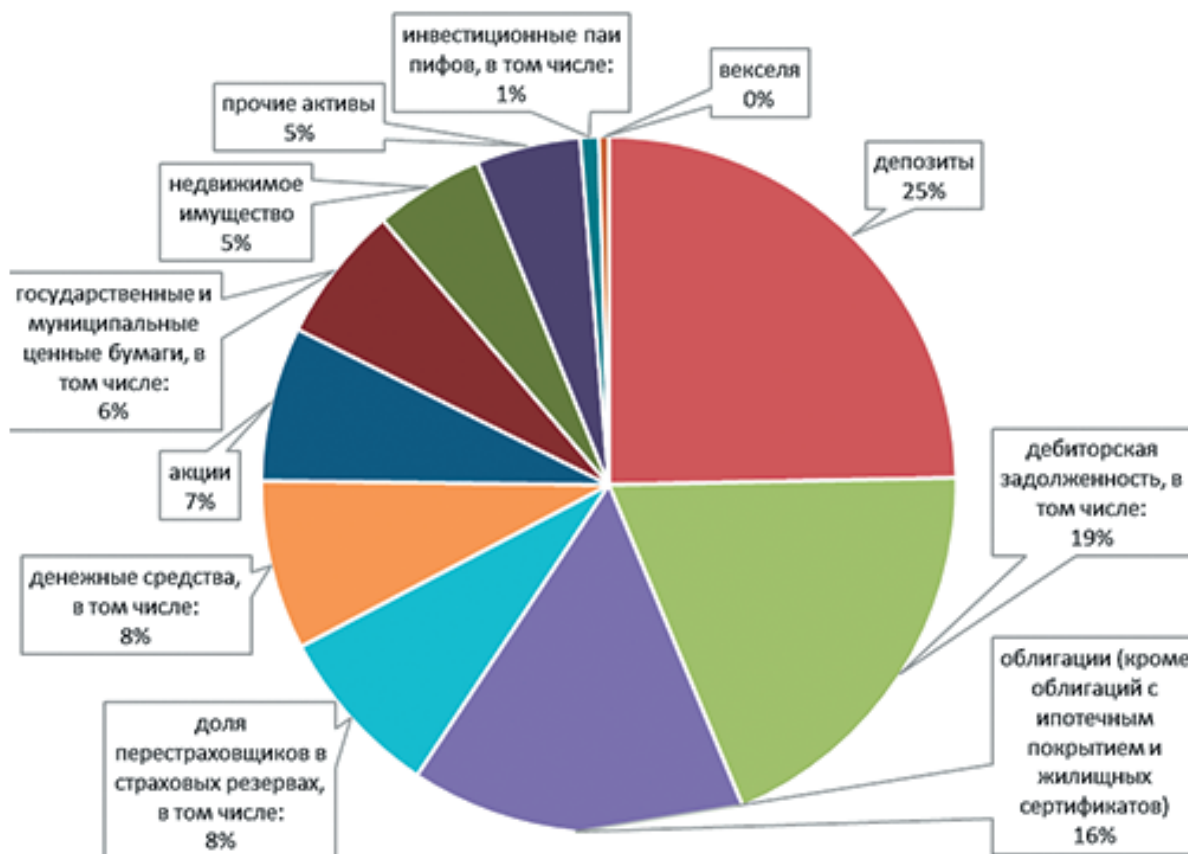

Рис. 9. Структура активов за 2015 г.

Источник: ЦБ РФ [Обзор ключевых..., 2019].

Структура активов на середину 2019 г. представлена на рис. 10. Основное место в структуре активов в процентном выражении занимают облигации, депозиты и государственные и муниципальные ценные бумаги, совокупно занимая около 61%, дебиторская задолженность занимает 4-е место по доле в активах, составляя 12%, хотя в конце 2015 г. она занимала 2-е место.

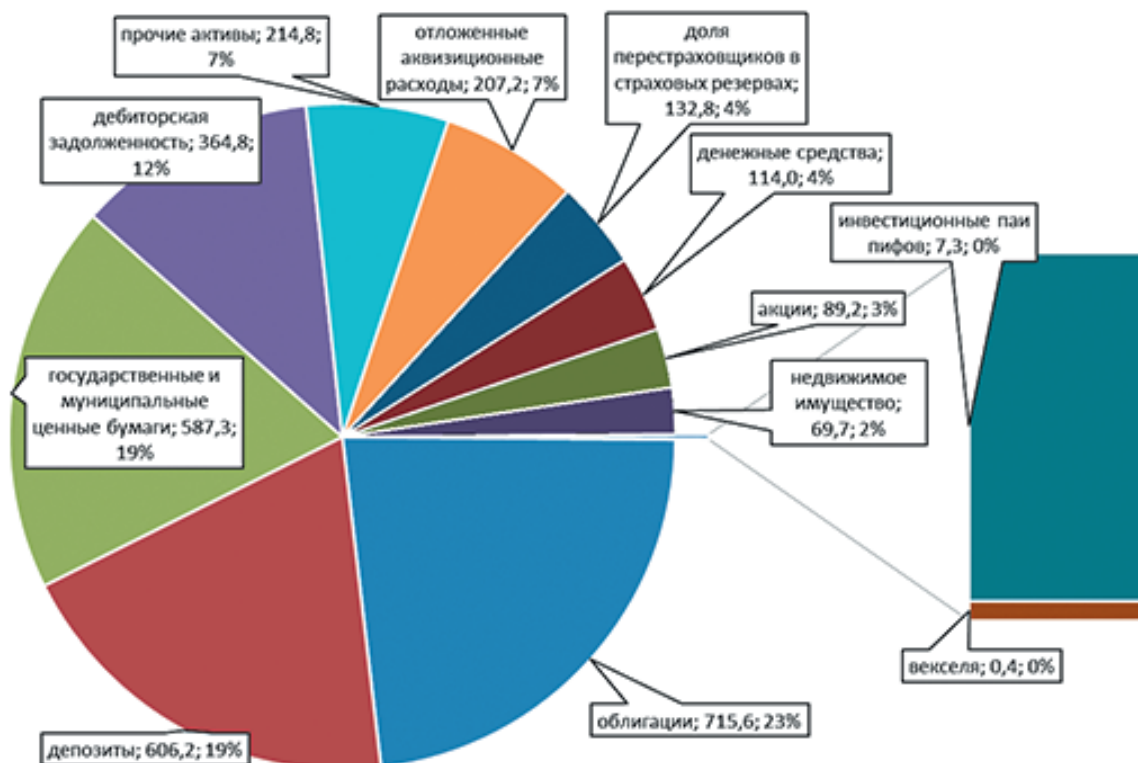

Рис. 10. Структура активов за II квартал 2019 г.

Источник: ЦБ РФ.

5. Перспективы развития страхового рынка в мире и в РФ. Insurtech

Специфика страховой отрасли предполагает определенную консервативность страховщиков, относительно медленные темпы внедрения инноваций по сравнению с другими отраслями. Однако в меняющемся обществе приходится меняться и страховой отрасли, и эти изменения существенны. Применение информационных технологий (ИТ) в страховании, называемое insurtech, приводит к упрощению документооборота, автоматизации работы страховщиков, но этим дело не ограничивается.

На протяжении истории развития страхового дела возможности влиять на ситуацию были для страховщиков очень ограничены. С появлением и развитием интернета, в том числе интернета вещей, телематики, страховщики приобрели возможность получать более детальную персонализированную информацию о страхователе (исторически у них было значительно меньше информации о страхователях, чем, например, у банков о вкладчиках, поскольку страховые организации, как правило, всего 1–2 раза взаимодействуют с потребителями за период действия страхового договора). Кроме того, страховщикам полезно кооперироваться с иными организациями, которые часто взаимодействуют с потребителями, создавать общие базы больших данных (big data). В результате их анализа могут предлагаться индивидуальные страховые тарифы на основе big data (персонализированное страхование). Такой подход может делать страхователя более информированным о его рисках.

Популярная в последние годы технология сохранения данных блокчейн также уже находит применение страховыми компаниями и имеет большие перспективы использования, например, во взаимном страховании.

Страховщики «по определению» заинтересованы в том, чтобы страховые случаи не наступали, поскольку это экономит средства страховщиков. Теперь они получают возможность оказывать непосредственное влияние на поведение страхователя, снижая конкретные риски и создавая тренды снижения рисков на микро-, мезо- и макроуровне [Бондарь, 2006; Васюкова, 2011]. В случае автострахования, например, это может привести к снижению аварийности на дорогах, при страховании имущества – к его сохранности, в случае со страхованием жизни и медицинским страхованием – к непосредственному сохранению здоровья и жизни людей. Такая деятельность организаций называется превентивным управлением рисками. Увы, в России эта функция страхования пока не оценена по достоинству и не обеспечена достаточной законодательной базой.

Конечно, внедрение подобных технологий может быть воспринято как нарушение приватности личной жизни граждан, но этот тренд уже имеет место, благодаря развитию интернета, видеонаблюдения, носимых устройств (например, смартфонов) и других технологий, позволяющих отслеживать состояние объекта в динамике. Ценными источниками информации о здоровье страхователей являются набирающие популярность и совершенствующиеся наряду со смартфонами фитнес-браслеты и другие устройства, например, популярные особенно в Японии умные туалеты. В России, где большие масштабы территории не способствуют развитию эффективной системы скорой помощи, профилактическая медицина и дистанционный мониторинг являются особенно ценными.

Страховые компании могут быть заинтересованы в инвестировании в инфраструктурные проекты, содействующие сохранению здоровья и увеличению продолжительности жизни граждан, если эти проекты не сопряжены с большими рисками потери средств. В сфере страхования жизни страховщики могли бы быть заинтересованы в продвижении современных дефибрилляторов для использования непрофессионалами, которые в странах Запада спасают немало человеческих жизней.

В настоящее время проблемы минимизации рисков исследуются в рамках активно развивающегося международного направления, который называется «эффективный альтруизм». Его сторонниками, например, исследуется вопрос о том, как с определенным количеством денег наиболее эффективно спасти человеческие жизни. Этим занимается организация «The life you can save». И хотя есть разница в том, что в отличие от благотворительности страховая поддержка распространяется только на застрахованных, подобные исследования представляют интерес и для страховой отрасли. Страховые компании, как и, например, пациентские организации, заинтересованы в совершенствовании социально-экономических институтов, деятельность которых направлена на снижение актуальных для этих организаций рисков.

В России перечисленные тренды развиваются с некоторым запаздыванием, но уже есть определенные достижения. Например, некоторыми компаниями разрабатываются меры профилактики здоровья клиентов в рамках системы добровольного медицинского страхования.

Заключение

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы:

- 1) Требуется аккуратное проведение структурных реформ, которые бы позволили страховым организациям выйти на уровень, характерный для развитых экономик, по показателям, характеризующим эффективное функционирование рынка инвестиционной деятельности страховых институтов, например, по соотношению капитала страховых компаний к банковскому капиталу.

- 2) Повышенная потребность российского руководства в создании длинных денег в экономике может быть обеспечена посредством увеличения роли в этом процессе инвестиционной деятельности страховщиков, в том числе их инвестиций в инфраструктурные проекты, развитие которых будет способствовать предотвращению рисков страховых случаев.
- 3) Развитие технологий insurtech также делает более перспективным развитие страхования в направлении превентивного управления рисками.

Эффективный страховой рынок подразумевает, что имеется высокий процент застрахованного населения и имущества, что страховые случаи покрываются без конфликтов, жалоб, без разорения страховщиков, что деньги страховых компаний вкладываются в надежные активы и их количество велико. Это содействует обеспечению устойчивости и надежности в функционировании общества, укреплению уверенности людей в своем будущем. Это то, к чему должна стремиться российская страховая отрасль.

ЛИТЕРАТУРА

- Антюшина В.В. (2019). Европейские стандарты платежеспособности для страховых компаний Solvency II в ЕС и РФ на современном этапе // Молодой ученый. №3 (241). С. 145–148.
- Антюшина В.В. (2019). Международные стандарты банковской деятельности Базель III: реформа продолжается // Молодой ученый. № 3 (241). С. 142–145.
- Базовый стандарт (2018а). Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций, объединяющих страховые организации. Всероссийский союз страховщиков.
- Базовый стандарт (2018б). Базовый стандарт совершения страховыми организациями операций на финансовом рынке. Всероссийский союз страховщиков.
- Бондарь В.В. (2006). Реализация превентивной функции страхования в системе управления рисками предприятия // Известия ИГЭА. №4 (49). С. 5–7.
- Бровкин А.В. (2017). Взаимное страхование – история зарождения и мирового развития, как актуальный научно-практический опыт для развития некоммерческих финансовых отношений в России // Российское предпринимательство. Т. 18. №20. С. 3019–3029.
- Васюкова Л.Х. (2011). Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования // Вестник ХГАЭП. № 1 (52). С. 29–39.
- Вестник XBRL (2018). № 2 (8). М.: Банк России.
- ВСС (2019). С 7 мая ВСС вводит базовые стандарты защиты прав потребителей страховых услуг и проведения операций / новости ВСС 2019. www.ins-union.ru/rus/news/bcc/7 (дата обращения:04.08.2019).
- Годовой отчет Банка России за 2018 год. (2019). М.: Банк России.
- Губина М.А. (2008). Современные модели здравоохранения: опыт развитых стран // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. №1. С. 130–134.
- Гусар С.В. (2019). Проблемы публично-правового воздействия на страховом рынке // Заседание комиссии по монетарной политике Торгово-промышленной палаты Российской Федерации 31 мая 2019 года «Обсуждение Проекта годового отчета Банка России за 2018 год».
- Дайхель В. (2011). Адаптация требований SolvencyII к российским условиям // Международная конференция по страхованию. www.insuranceconference.ru/2011/files/presentations/3-4_1/RIS_2011_DeichlW.pdf.
- Данилов Ю., Буклемишев О., Абрамов А. (2017). О необходимости реформы финансовых рынков и небанковского финансового сектора // Вопросы экономики. № 9. С. 28–50.
- Информационное письмо о Директиве 2009/138/ЕС Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 25.11.2009 «Об организации и осуществлении деятельности страховых и перестраховочных организаций (Solvency II)» (2016). М.: Банк России.
- Козий С., Самиев П. (2019). Переход на XBRL: фикция или продуктивное внедрение? // Банковское обозрение. 18.04.2019. bosfera.ru/bo/perehod-na-xbrl-fiksiya-ili-produktivnoe-vnedrenie.
- Кокорев О. (2019). Новые базовые стандарты деятельности страховых компаний // BusinessFM Самара, 14 мая 2019 г. www.insur-info.ru/press/145469.
- Кочович Е., Йовович М., Трифунович Д. (2018). Сравнение концепций Solvency и Basel III // Актуарий. № 1. С. 42–46.
- Лампси А. (2018). XBRL: Болезненно и заметно // Банковское обозрение 22.05.2018. bosfera.ru/bo/xbrl-boleznenno-i-zametno.
- Лопаткин Д.С. (2012). История развития взаимного страхования в России // Финансы и кредит. №38(518). С. 75–80.

- Новиков В. (2018). Solvency II – новая отчетность или революция в ведении бизнеса? // АСН, 12.09.2018 07:00 www.asn-news.ru/post/892 (дата обращения 30.03.2019).
- Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. (2019). II кв. 2019 г. М.: Банк России.
- Платонова Э.Л. (2015). Тенденции развития страхового рынка России. Региональный аспект // Актуальные проблемы функционирования страховой системы Российской Федерации: Сб. материалов по итогам научн-метод. семинара аналитического управления аппарата Совета Федерации 5 ноября 2015 года. Москва. С. 58–70.
- Пшеничниук Т.В. (2014). Предпосылки возникновения и основные этапы развития страхования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 8. № 4. С. 43–47.
- «Жизнь» под угрозой (2019). Предварительный прогноз развития страхового рынка в 2019 году // РА Эксперт. raexpert.ru/researches/insurance/forecast_2019.
- РСПП (2019). 11 марта 2019 года в рамках Недели российского бизнеса состоялся Финансовый форум «Финансово-банковская система России: экономический рост в условиях глобальных вызовов». nrb-rspp.ru/news/item/814-finansoviy-forum.html (дата обращения 25.03.2019).
- Семенов В.А. (2008). Германская и англосаксонская финансовые модели в мире и в России // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 64–70.
- Цибулевский М. (2019). Обзор регуляторных требований к системе управления рисками в страховых компаниях // EY. uainsur.com/wp-content/uploads/2019/02/2.-Solvency-II-short-version.pdf (дата обращения: 01.08.2019).
- Чистюхин В., Буравлева Н. (2016). От Базеля II к Solvency II или что такое риск-ориентированный подход к оценке платежеспособности страховщиков: первые шаги на пути внедрения, задачи и перспективы // Аналитический банковский журнал, 29 декабря 2016 г. www.insur-info.ru/press/125074 (дата обращения 30.03.2019).
- PWC (2017). Риск-ориентированный подход к регулированию страхового сектора в России. 13 декабря 2017 г. www.pwc.ru/en/insurance/assets/solvency-2.pdf (дата обращения 30.03.2019).

Кирилюк Игорь Леонидович

igokirw@yandex.ru

Igor Kirilyuk

Junior Researcher, Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia

igokirw@yandex.ru

Свиридов Антон Павлович

rassantop@gmail.com

Anton Sviridov

Junior Researcher, Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia

rassantop@gmail.com

INSURANCE MARKET IN RUSSIA: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Absrtact. The article analyzes the role of the insurance industry as a socio-economic institution in the development of Russia. It compares with insurance models that are characteristic of other countries of the world. The history, current state, successes, problems and risks of the Russian insurance industry are described, the values of key indicators, characterizing its effectiveness as a whole and in certain areas are given, the peculiarities of its regulation by the Central Bank of Russia are considered, the process of transition to international standards (such as requirements for solvency of insurance organizations – Solvency II and the standard for the provision of unified reporting XBRL), the introduction of local standards that improve the interaction between insurers and policyholders, benefits and side effects of these innovations. Prospects for the development of insurance, including the state and prospects of the introduction of information technology in insurance – insurtech, and related concepts of telematics, the Internet of things, wearable devices, etc., the use of new opportunities to work with obtained data on policyholders (in including with big data). The potential of insurance companies as a form of institutional investors, an effective source of long-term money, providing more reliable financing of long-term infrastructure projects, is discussed. It shows the potential (so far underestimated in the world and in Russia) of insurers in the implementation of preventive risk management (in order to reduce the likelihood of insured events, including in order to preserve the life and health of people) at the micro, meso and macro levels.

Keywords: *insurance, investment, insurtech, long-term money, proactive risk management.*

JEL: G22, G23

REFERENCES

- «ZHizn'» pod ugrozoy (2019). Predvaritel'nyy prognoz razvitiya strahovogo rynka v 2019 godu [Preliminary forecast for the development of the insurance market in 2019 "Life" is in danger] // RA Ekspert. raexpert.ru/researches/insurance/forecast_2019.
- Antyushina V.V. (2019). Evropejskie standarty platezhеспособности dlya strahovyh kompanij Solvency II v ES i RF na sovremennom etape [European solvency standards for Solvency II insurance companies in the EU and the Russian Federation at the present stage] // Molodoj uchenyj. No. 3 (241). S. 145–148.
- Antyushina V.V. (2019). Mezhdunarodnye standarty bankovskoy deyatelnosti Bazel' III: reforma prodolzhaetsya [Basel III International Banking Standards: Reform Continues] // Molodoj uchenyj. No. 3 (241). S. 142–145.
- Bazovyj standart (2018a). Bazovyj standart zashchity prav i interesov fizicheskikh i yuridicheskikh lic – poluchatelej finansovyh uslug, okazyvaemyh chlenami samoreguliruemyyh organizacij, ob'edinyayushchih strahovye organizacii [The basic standard for protecting the rights and interests of individuals and legal entities – recipients of financial services provided by members of self-regulatory organizations that unite insurance organizations]. Vserossijskij soyuz strahovshchikov.
- Bazovyj standart (2018b). Bazovyj standart soversheniya strahovymi organizatsiyami operacij na finansovom rynke [The basic standard for insurance companies to conduct operations in the financial market]. Vserossijskij soyuz strahovshchikov.
- Bondar' V.V. (2006). Realizatsiya preventivnoj funktsii strahovaniya v sisteme upravleniya riskami predpriyatiya [Implementation of the preventive insurance function in the enterprise risk management system] // Izvestiya IGEA. No. 4 (49). S. 5–7.
- Brovkin A.V. (2017). Vzaimnoe strahovanie – istoriya zarozhdeniya i mirovogo razvitiya, kak aktual'nyy nauchno-prakticheskij opyt dlya razvitiya nekommercheskikh finansovyh otnoshenij v Rossii [Mutual insurance – the history of the origin and world development, as relevant scientific and practical experience for the development of non-profit financial relations in Russia] // Rossijskoe predprinimatel'stvo. T. 18. No. 20. S. 3019–3029.
- Chistyuhin V., Buravleva N. (2016). Ot Bazelya II k Solvency II ili chto takoe risk-orientirovannyj podhod k ocenke platezhеспособности strahovshchikov: pervye shagi na puti vnedreniya, zadachi i perspektivy [From Basel II to Solvency II or what is a risk-based approach to assessing the solvency of insurers: the first steps towards implementation, objectives and prospects] // Analiticheskij bankovskij zhurnal, 29 dekabrya 2016 g. www.insur-info.ru/press/125074 (data obrashcheniya 30.03.2019).
- Cibulevskij M. (2019). Obzor reguljatornyh trebovanij k sisteme upravleniya riskami v strahovyh kompaniyah [Overview of regulatory requirements for a risk management system in insurance companies] // EY uainsur.com/wp-content/uploads/2019/02/2.-Solvency-II-short-version.pdf (data obrashcheniya: 01.08.2019).
- Dajhel' V. (2011). Adaptatsiya trebovanij SolvencyII k rossijskim usloviyam [Adaptation of SolvencyII requirements to Russian conditions] // Mezhdunarodnaya konferenciya po strahovaniyu. www.insuranceconference.ru/2011/files/presentations/3-4_1/RIS_2011_DeichlW.pdf.
- Danilov YU., Buklemishev O., Abramov A. (2017). O neobhodimosti reformy finansovyh rynkov i nebankovskogo finansovogo sektora [On the need for reform of financial markets and the non-banking financial sector] // Voprosy ekonomiki. No. 9. S. 28–50.
- Godovoj otchet Banka Rossii za 2018 god. (2019). M.: Bank Rossii.
- Gubina M.A. (2008). Sovremennye modeli zdavoohraneniya: opyt razvityh stran [Modern models of health care: the experience of developed countries] // Vestnik SPbGU. Seriya 5: Ekonomika. No. 1. S. 130–134.
- Gusar S.V. (2019). Problemy publichno-pravovogo vozdejstviya na strahovom rynke [Problems of public law exposure in the insurance market] // Zasedanie komissii po monetarnoj politike Torgovo-promyshlennoj palaty Rossijskoj Federacii 31 maya 2019 goda "Obsuzhdenie Proekta godovogo otcheta Banka Rossii za 2018 god". raexpert.ru/rankingtable/insurance/insurance_2018/1 (data obrashcheniya: 01.08.2019).
- Informacionnoe pis'mo o Direktive 20091138/ES Evropejskogo Parlamenta i Soveta Evropejskogo soyuza ot 25.11.2009 «06 organizacii i osushchestvlenii deyatelnosti strahovyh i perestrahovochnyh organizacij (Solvency II)» [Information letter on Directive 20091138 / EU of the European Parliament and of the Council of the European Union of November 25, 2009 "06 organizing and carrying out the activities of insurance and reinsurance organizations (Solvency II)"] (2016). M.: Bank Rossii.
- Kochovich E., Jovovich M., Trifunovich D. (2018). Sravnenie koncepcij Solvency i Basel III [Comparison of the concepts of Solvency and Basel III] // Aktuarij. No. 1. S. 42–46.
- Kokorev O. (2019). Novye bazovye standarty deyatelnosti strahovyh kompanij [New basic standards for the activities of insurance companies] // BusinessFM Samara, 14 maya 2019 g. www.insur-info.ru/press/145469.
- Kozij S., Samiev P. (2019). Perekhod na XBRL: fikciya ili produktivnoe vnedrenie? [Transition to XBRL: fiction or productive implementation?] // Bankovskoe obozrenie. 18.04.2019. bosfera.ru/bo/perehod-na-xbml-fikciya-ili-produktivnoe-vnedrenie.
- Lampsi A. (2018). XBRL: Boleznenno i zametno [XBRL: Painful and noticeable]. // Bankovskoe obozrenie 22.05.2018 bosfera.ru/bo/xbml-boleznenno-i-zametno.
- Lopatkin D.S. (2012). Istoriya razvitiya vzaimnogo strahovaniya v Rossii [The history of the development of mutual insurance in Russia] // Finansy i kredit. No. 38(518). S. 75–80.

- Novikov V.* (2018). Solvency II – novaya otchetnost' ili revolyuciya v vedenii biznesa? [Solvency II - New Reporting or a Business Revolution?] // ASN, 12.09.2018 07:00. www.asn-news.ru/post/892 (data obrashcheniya 30.03.2019).
- Obzor klyuchevykh pokazatelej deyatel'nosti strahovshchikov. (2019). II kv. 2019 g. M.: Bank Rossii.
- Platonova E.L.* (2015). Tendencii razvitiya strahovogo rynka Rossii. Regional'nyj aspekt [Trends in the development of the insurance market in Russia. Regional aspect] // Aktual'nye problemy funkcionirovaniya strahovoj sistemy Rossijskoj Federacii: Sb. materialov po itogam nauchn-metodju seminaru analiticheskogo upravleniya apparata Soveta Federacii 5 noyabrya 2015 goda. Moskva. S. 58–70.
- Pshenichnyuk T.V.* (2014). Predposylki vznikoveniya i osnovnye etapy razvitiya strahovaniya [Background and the main stages of insurance development] // Vestnik YUUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment». T. 8. No. 4. S. 43–47.
- PWC (2017). Risk-orientirovannyj podhod k regulirovaniyu strahovogo sektora v Rossii [A risk-based approach to regulation of the insurance sector in Russia]. 13 dekabrya 2017 g. www.pwc.ru/en/insurance/assets/solvency-2.pdf (data obrashcheniya 30.03.2019).
- RSPP (2019). 11 marta 2019 goda v ramkah Nedeli rossijskogo biznesa sostoyalsya Finansovyy forum «Finansovo-bankovskaya sistema Rossii: ekonomicheskij rost v usloviyah global'nyh vyzovov» [On March 11, 2019, as part of the Russian Business Week, the Financial Forum “The Financial and Banking System of Russia: Economic Growth in the Context of Global Challenges” was held]. nrb-rspp.ru/news/item/814-finansoviy-forum.html (data obrashcheniya 25.03.2019).
- Semenenko V.A.* (2008). Germanskaya i anglosaksonskeya finansovye modeli v mire i v Rossii [German and Anglo-Saxon financial models in the world and in Russia] // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. No. 2. S. 64–70.
- Vasyukova, L.H.* (2011). Investicii kak forma realizacii predupreditel'noj funkicii strahovaniya [Investments as a form of implementation of the preventive function of insurance]. // Vestnik HGAEP. № 1 (52). S. 29–39.
- Vestnik XBRL (2018). No. 2 (8). M.: Bank Rossii.
- VSS (2019). S 7 maya VSS vvodit bazovye standarty zashchity prav potrebitelej strahovykh uslug i provedeniya operacij [Starting May 7, BCC will introduce basic standards for protecting the rights of consumers of insurance services and conducting operations] / novosti VSS 2019. www.ins-union.ru/rus/news/bcc/7 (data obrashcheniya:04.08.2019).

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт экономики РАН, Москва

А.А. Спадерова

студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПЕРИПЕТИИ «ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА»

Аннотация. Статья обозревает исторический опыт реализации стратегий экономического развития в контексте учения Ф. Листа о «воспитательном протекционизме». Рассмотрены случаи имперской догоняющей индустриализации (германский «Второй Рейх», Мэйдзи Исин в Японии, пореформенная царская Россия), противоречия латиноамериканского импортозамещающего и юго-восточноазиатского экспортно ориентированного экономического роста, промышленная политика Министерства внешней торговли и промышленности в период японского «экономического чуда».

Ключевые слова: критика принципа сравнительных преимуществ, воспитательный протекционизм, национальная ассоциация производительных сил, промышленная политика, зарождающиеся отрасли, заходящие отрасли, двойственная динамика.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10205

Ф. Лист – идеолог «промышленного воспитания» нации

Фигура Фридриха Листа (1789–1846) на небосклоне экономической мысли является своего рода пульсаром – то предстает довольно яркой звездой, то тускнеет почти до исчезновения. Прижизненной известностью уроженец южнонемецкого королевства Вюртемберг, североамериканский бизнесмен и лауреат конкурса Парижской академии наук был обязан своей запальчивой критике фритредерского доктринерства и энергичной борьбе с мелкодержавной бюрократической косностью ради германского национального единства. Но неудачи в попытках увлечь политиков и промышленников «Срединной Европы» (*Mittleuropa*; термин введен Листом) проектами много более масштабными, чем германский таможенный союз 1833 г. (Zollverein), привели автора «Национальной системы политической экономии» (1841) к душевному надлому и самоубийству. Хотя в его родном городе Рейтлингене Листу был воздвигнут памятник (1850), а главная книга многократно переиздавалась в Германии, была переведена во Франции (1851), в США (1856), отрывки из нее – и в России (1856), влияние его идей поначалу было незначительным. Об этом можно судить, например, по «Проспекту политической экономии» И.В. Вернадского [Вернадский, 1858] или обзору П.А. Бибикова, приложенному к русскому переводу «Истории политической экономии в Европе» Ж.А. Бланки [Бибиков, 1869. С. 374].

Середина XIX в. была торжеством фритредерства (манчестерства) сначала в Англии, а затем по всей Европе [Cameron, 1997. P. 288], силой навязанного западными державами

России (1857), Японии (1858) и Китаю (1860) и едва не использованного Великобританией и Францией как предлог для военной помощи сепаратистскому рабовладельческому Югу в его конфликте с проводившим протекционистскую политику промышленным Севером США. Политику, без которой было бы невозможно то наращивание североамериканской мощи, к которому приложил, «оставив книги», свою энергию предпринимателя и агитатора Ф. Лист, увидевший за океаном «прогресс, для которого в Европе потребовался бы целый ряд веков: целые общества переходят от дикого состояния к пастушескому образу жизни, от этого последнего к земледелию и от земледелия к мануфактурной промышленности и торговле»¹.

Но «эра фритредерства» оказалась недолговечной, и с рубежа 1870–1880-х гг. крупные государства континентальной Европы вслед за объединенной О. Бисмарком Германией («вторым рейхом») повернули к «новому» протекционизму, «апостолом» которого был признан Фридрих Лист. «Национальная система политической экономии» прослыла одной из настольных книг Бисмарка, а в Берлине вышла биография «Фридриха Листа, великого экономиста Германии», написанная видным промышленником и юристом, будущим депутатом рейхстага Ф. Гольдшмидтом.

«Новый» протекционизм, взявший вслед за Листом под защиту окаркаатуренную А. Смитом и эпигонами Рикардо «меркантильную систему», замещал идею активного торгового баланса лозунгом «промышленного воспитания» нации – возвращения «юных отраслей промышленности» («*junge Manufakturkraft*») под защитой покровительственных таможенных тарифов вплоть до конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Лист был признан и первым, кто систематически пользовался историческими сравнениями как орудием доказательства в политической экономии [*Gide et Rist*, 1909], – основателем «старой» исторической школы [*Шмоллер*, 1902. С. 56]. С поворотом к «воспитательному протекционизму» в экономической политике в германских университетах «новая» («молодая») историческая школа вытеснила либеральную классическую политэкономии, вопреки ей доказывая, что «невмешательство государства не есть естественное состояние» экономики [*Кулишер*, 1908. С. 53]. Более того, «новая» историческая школа стала оказывать сильное воздействие на экономическое образование в США, где не забывали аргументов А. Гамильтона в пользу тарифной и банковской поддержки «юных отраслей промышленности» (*infant industries*), и в вестеринизирующейся² Японии, где в основном для подготовки элитных бюрократических кадров Токийском университете (1877) доминировали последователи германских политэкономов. Даже в Англии, остававшейся цитаделью фритредерства, едва не оформилась «своя» протекционистская историческая школа, поддерживавшая германскую в знаменитом «*Methodenstreit*». Перевод «Национальной системы политической экономии» Листа был издан в Великобритании (1885); с него по заказу управляющего Банком Японии Томита Тецуносукэ был сделан японский перевод книги Листа (1889).

¹ Лист эмигрировал в США по совету знаменитого маркиза де Лафайета, с которым познакомился во время поездки в Париж, будучи «в бегах» от преследовавшей строптивого вюртембергского депутата германской полиции; Лист открыл в Пенсильвании залежи каменного угля и для их доходной разработки спроектировал и организовал сооружение одной из первых в стране железных дорог; вступил в Филадельфийское общество за повышение тарифов и содействие развитию молодой индустрии США. Пенсильвания, наиболее богатая из штатов по запасам строительного камня, минерального топлива и железных руд, задала тон в опережающем росте производительных сил США, а ее столица Филадельфия позднее приняла первую Всемирную выставку в США (официально – «Выставку искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт»), продемонстрировавшую впечатляющие достижения североамериканцев в освоении естественных богатств и инновации в машинном оборудовании – горнопроходческом, энергосиловом, станочном и пр. [*Гловели*, 2013. С. 104–105].

² Япония «заразилась... лихорадкой» распространения западной цивилизации [*Кеннингем*, 1903. С. 16].

Историография экономических учений стала усматривать «истинную оригинальность Листа» в «динамической концепции благосостояния наций», а именно:

- ▶ акценте на большей важности *способности* создавать богатство нации (национальных производительных сил), чем богатства нации как такового, измеримого в меновых ценностях;
- ▶ обосновании протекционизма лишь для стран, достаточно обеспеченных промышленными ресурсами, но еще не достигших высшей – «аграрно-промышленно-коммерческой» – стадии хозяйства с «гармоничным» развитием национальных производительных сил;
- ▶ настоянии на прекращении покровительства тем промышленным отраслям, которые уже достаточно окрепли для свободной конкуренции с иностранными производителями [*Gide et Rist*, 1909. P. 330, 312, 315–316].

В России идеи Листа были взяты на вооружение С.Ю. Витте – автором брошюры «Национальная экономия и Фридрих Лист» (1889) и восходящим светилом имперской бюрократии. Вскоре он занял пост начальника вновь образованного Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, а затем и кресло министра финансов, выстроив свою «систему» экономической политики, поощряющей индустриализацию России. Идею основу для такой политики, как и для «русской национальной экономической доктрины», Витте нашел в «национальной экономии» и «воспитательном протекционизме» Листа. Краеугольным камнем виттевского «воспитательного протекционизма» стал запретительный «менделеевский» тариф 1891 г., совпавший по времени с выходом русского (хотя аляповатого) перевода «Национальной системы политической экономии».

Для российской интеллектуальной среды наследие Листа оказалось особо привлекательным страстной проповедью роста «национальных производительных сил», который имеет гораздо большее значение, чем накопление меновых ценностей [*Чупров*, 1918. С. 184]. А также концепцией стадийного развития хозяйства [*Никитский*, 1893. С. 1], положенной в основу аргументации об относительности экономической политики, подходящей для подъема национального хозяйства на более высокую ступень. Хотя стадийная схема Листа была гораздо примитивнее марксистского формационного подхода или концепций «молодой» исторической школы, именно со страниц книги Листа была услышана «победная песнь торжествующего капиталистического производства» [*Струве*, 1894. С. 125].

Но с переходом капитализма в кульминационную стадию «нового империализма» репутация Листа как политэконома, который «вовремя сформулировал назревшие потребности своего народа» [*Соболев*, 1896. С. 762], окрасилась в более густые, чем «воспитательный протекционизм», тона – геополитические. Ведь заключительная часть «Национальной системы политической экономии», посвященная общим для стран континентальной Европы «чрезвычайным интересам» в их борьбе с «островным господством Англии», представляет собой по сути геополитический трактат. Причем в патриотическом запале германского «заединства» Лист утверждал, например, что Швейцария – «не нация, по крайней мере, не нормальная или великая нация, а только конгломерат муниципалитетов», а Голландия – «провинция немецкая, отдалившаяся от Германии во времена немецких национальных раздоров» и «будучи лишь отрывком нации, хотела быть целой нацией» [*Лист*, 2017. С. 312, 373–374]. Последняя же книга Листа «Земельная система, мельчайшие держания и эмиграция» (1842) вводила в остроконфликтный геополитический контекст проблему сельскохозяйственной колонизации Среднего и Нижнего Подунавья как альтернативы массовой эмиграции молодых немцев в США. Придунайскую колонизацию Лист рассматривал как базу экспансионистского «Восточного царства немцев и мадьяр».

Эти «визионерские» преувеличения прямо вписывались в доктрины пангерманизма и «жизненного пространства» (*Lebensraum*), делая Листа предшественником геополитики «рейхов» – «Второго», а затем и «Третьего». После разгрома «Третьего Рейха» и превра-

щения кейнсианско-неоклассического мейнстрима в парадигму экономического анализа германская историческая школа в политэкономии ушла в глубокие «запасники» экономической мысли. По саркастическому замечанию мейнстримного теоретика экономического роста Р. Солоу никто не помнил бы о германской исторической школе, «если бы не Methodenstreit. Впрочем, о ней все равно никто не помнит» [цит. по: Арсланов, 2017. С. 5].

Классический посмертный труд Й.А. Шумпетера признал за Листом «одно свойство, которое характеризует великих ученых, а именно – великое видение положения своей страны» [Schumpeter, 1954. P. 479–480], но отрицал вклад Листа в аналитический аппарат экономической науки в противоположность такому вкладу, сделанному рикардовской «теоремой сравнительных издержек» [Schumpeter, 1954. P. 492]. В изложении истории экономической мысли на языке мейнстрима М. Блаугом Листу уже вовсе не нашлось места [Блауг, 1994].

Правда, игнорировать Листа в своем более позднем списке «100 великих экономистов до Кейнса» Блауг не мог. Но с оговоркой, что «Лист является одной из тех фигур прошлого, которые столь часто рекламировались и упоминались во вторичных источниках, что прочтение их собственных работ почти неминуемо приводит к разочарованию». Блауг отметил также, что в «последнее время Лист превозносится не столько как сторонник протекционизма, сколько как защитник амбиций развивающихся стран», и «сегодняшние защитники теории зависимости в экономическом развитии могут с полным основанием считать его своим предшественником» [Блауг, 2005. С. 167].

Упомянутые Блаугом идеологи, в первую очередь – латиноамериканские экономисты-«сепалисты», отправляясь от концепции «периферийного капитализма» Р. Пребиша [Пребиш, 1992], обосновывали импортозамещающую индустриализацию как стратегию преодоления структурной неоднородности экономики, отсталости и зависимости [Лав, 2015. С. 455–456]. Ф. Лист, с его убежденностью в необходимости «промышленного воспитания» для изменения структуры национальной экономики и «десятерной» полезности развития внутреннего рынка сравнительно с поисками богатств вне страны, действительно веком ранее этих идеологов критиковал фритредерский принцип сравнительных преимуществ как прикрытие ущербной односторонней специализации отсталых стран. Однако реализация стратегии «сепалистов», хотя и принесла прибегнувшим к ней латиноамериканским странам статус «новых индустриальных», не устранила их «зависимого развития» и была признана неудачной к 1980-м гг. Засим последовало «потерянное десятилетие для «третьего мира» [Ван дер Вее, 1994. С. 365] и улюлюканье адептов неолиберальной глобализации [см., напр.: Линдси, 2008. С. 164]. Стоит также заметить, что и в самой фундаментальной историко-экономической работе, имевшей отправным пунктом теорию зависимости экономически отсталых стран и вылившейся во внушительную попытку опровержения на историческом материале неоспоримого для неоклассических «ортодоксов» закона сравнительных преимуществ Д. Рикардо, – трактате И. Валлерстайна «Современная мир-система» – ссылок на Ф. Листа нет! [Валлерстайн, 2015. С. XXII].

По свидетельству Э. Райнерта, когда в 1984 г. Библиотека Бейкера при Гарвардском университете решила избавиться от книг, которые за последние 50 лет никто не запрашивал, среди них оказались почти все издания Ф. Листа. Еще через 10 лет один гарвардский профессор пожаловался Райнерту, что ему не хватает материалов этой библиотеки для статьи над сравнением идей Ф. Листа и А. Смита. «Я послал ему титульные страницы необходимых ему книг, на которых красовались аккуратные штампика с логотипом Гарвардского университета: «Списано». [Райнерт, 2011. С. 42].

Однако возрождение на рубеже XX и XXI вв. «структуралистской альтернативы» [Ореховский, 2014. С. 151] вновь оживило интерес к наследию Листа. В его аргументах о «производительных силах нации», включающих «интеллектуальный» (intellectual capital) [List, 1856. P. 218], или точнее «духовный капитал» (geistige Kapital) [List, 1841. P. 155], стали

усматривать отправной пункт идеи «национальных инновационных систем» [Freeman, 1995. P. 5–6].

В экспликации «Другого канона» экономической теории Э. Райнерт не только экстраполирует критику «космополитической экономии» Ф. Листом на современную ситуацию примитивизации структуры хозяйства стран, преждевременно вовлеченных в свободную мировую торговлю [Райнерт, 2011. С. 202–203]. Райнерт высвечивает вслед за Листом темную фигуру «меркантилиста» А. Серры, который первым уловил, почему изобилующие природными ресурсами страны остаются бедными, специализируясь на аграрно-сырьевых отраслях, а скудные ресурсами государства, наоборот, могут преуспевать [Райнерт, 2011. С. 67–68, 113]. Критерий – динамика отдачи: убывающей при закреплении односторонней аграрной специализации и возрастающей при рациональной поддержке зарождающихся отраслей промышленности и их диверсификации. В первом случае происходит, говоря словами Листа, «дальнейшее изуродование земледельческой нации», [Лист, 2017. С. 189]. Во втором возможны «экономические чудеса» вроде взлета «промышленного нового Востока» – Японии и поднявшейся за ней азиатско-тихоокеанской «стаи летящих гусей» [Райнерт, 2011. С. 171–172]. Ряд других современных авторов также проводит параллели между концепцией «воспитательного протекционизма» Листа и положительными результатами восточноазиатской промышленной политики [Jun Bogang, Gerybadze, Tai-Yoo Kim, 2016; Стадвелл, 2017].

225-летие со дня рождения Ф. Листа (2014) было отмечено международной конференцией в его честь в его родном городе Рейтлингене. Недавно вышел сборник статей на основе этой конференции [Hagemann, Seiter, and Wendler, 2018]; это уже не первая в XXI в. книга, посвященная наследию германского политэконома. «Национальная система политической экономии» дважды за последние годы издана в Российской Федерации, хотя и в плохом старом переводе 1891 г. Вековое досоветское противостояние «линии Смита» и «линии Листа» в отечественной экономической мысли [Гловели, 2009. С. 16] получило некоторое продолжение и в постсоветской России [Попов, 2007].

Ниже будет сделан ряд историко-экономических экскурсов, показывающих различные воплощения «воспитательного протекционизма», их противоречия и поучительные уроки.

Имперский опыт догоняющей индустриализации: «Второй Рейх», Мэйдзи исин, Россия

Стало привычным рассматривать покровительственные пошлины и другие «принципы промышленного воспитания нации» Ф. Листа как рецептуру «догоняющего развития» для стран поздней индустриализации [Гершенкрон, 2015. С. 84–85; Цедилин, 2014. С. 103], уделяя при этом первостепенное внимание опыту модернизации трех империй – Германской, Японской и Российской. Однако, как отметил А. Гершенкрон, во всех странах, проводивших индустриализацию после Англии, траектория роста отклонялась от линии развития британского первообразца в сторону иных институциональных механизмов [Гершенкрон, 2015. С.73]. В контексте обобщений Гершенкрона о градациях индустриальной отсталости стоит подчеркнуть, что ко времени, когда три указанные империи стали осуществлять набор рекомендаций Листа, в самых первых странах догоняющей индустриализации – Бельгии и Франции – был апробирован такой опыт промышленной политики, как стратегическое финансирование, ориентированное на крупные банки. Бельгийские инвестиционные банки Societe Generate de Belgique и Banque de Belgique «творили чудеса в стимулировании индустриализации своей маленькой страны» и упредили создание Национального банка Бельгии, с которого была скопирована модель Банка Японии [Cameron, 1997. P. 284, 273].

Французская система банкинга *Credit Mobilier* стала примером для уникальной модели долгосрочного кредитования промышленности и экспорта Германии универсальными «гроссбанками» [Гершенкрон, 2015. С. 69–70]. Координированный банкинг был интегрирован в политику «промышленного воспитания нации».

Особый интерес представляет выдвигаемое Ф. Листом в пику «космополитической экономии меновых ценностей» положение о том, что каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она способна усвоить и увеличить собственными приобретениями *духовный* («интеллектуальный», «умственный») капитал всего живущего человечества – «накопившуюся массу всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений». [List, 1841. P. 155; 1856. P. 218. Лист, 2017. С. 173], Опережающее промышленное развитие Германского «второго рейха» современники связывали с мировым лидерством, достигнутым тогда германской наукой (своего рода «научной империей»), опиравшейся на большое число поддерживаемых правительством университетов и высших технических школ, обилие справочной литературы и периодических изданий [Бернал, 1956. С. 318]. Достижения немецких ученых особенно были востребованы в новых отраслях промышленности – электрической, электрохимической, анилино-красочной, целлюлозно-бумажной и т.д. Промышленники создавали вместе с университетскими учеными лаборатории на предприятиях; но Германия также стала родиной техникумов – многочисленных школ ускоренного узкопрофильного технического образования, выпускники которых получали звание «инженера», отличное от «академически образованного инженера» [Техникум, 1901. С. 120].

О вкладе в мировую науку тогдашней Японии вопрос почти не стоял, однако Мэйдзи исин – эпоха «просвещенного правления» в Японии – принесла в ранее закрытую страну лозунг «мудрость и знание будут заимствоваться из всех стран света» [Азбелев, 1905. С. 74]. Политика открытости – «кайкоку» – стимулировала абсорбирование мировых знаний, посылку за границу студентов, государственных чиновников, ученых; приглашение «лучших мозгов» из западных стран [Fallows, 1995. P. 91–94]. Это и было разновидностью того «переноса производительных сил к нам» иностранцами, о котором писал Ф. Лист [Лист, 2017. С. 197].

В документе «Мнения об индустриальном развитии», принятом на основе материалов, собранных японскими посланцами в ходе посещения 15 государств Запада и Всемирной выставки в Вене, были определены приоритетные отрасли японской промышленности. Япония создала свою систему защиты интеллектуальной собственности, присоединившись к мировой патентной конвенции.

Ранние успехи Японии эпохи Мэйдзи были достигнуты при «удивительно малой численности собственных инженеров», но с обучением населения необходимым навыкам производства на рабочих местах [Стадвелл, 2017. С. 155]. Но одновременно была развернута сеть многочисленных школ промышленного образования, из которых более половины были дополнительными курсами для рабочих по различным специальностям. И к началу XX в. в «личном составе» выросших фабрик и контор западного образца, с импортным оборудованием и «всеми атрибутами западной деловой суеты», почти не осталось иностранцев [Азбелев, 1905. С. 75–76].

Различие накопленного инженерного потенциала обусловило, конечно, разницу результатов двух имперских модернизаций для международных рынков. Германские промышленные товары снискали высокую репутацию своим качеством. Известен казус с британским Законом о товарных знаках (1887) – требованием, чтобы иностранные товары были снабжены ярлыками с указанием страны-производителя. Эффект оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал британский парламент: ярлык «Made in Germany» не отпугивал британских потребителей от покупки, а, наоборот, привлекал [Cameron, 1997. P. 304]. Японские же фабриканты, устанавливая низкие цены благодаря

дешевизне труда, взяли за правило уловку «производства плохой имитации», ставя поддельные клейма зарубежных фирм [Исаев, 1910. С. 386].

Отсталость страны вынуждала японских реформаторов идти дальше «воспитательных пошлин» и рассчитывать не столько на тарифную защиту юных отраслей промышленности, сколько на стратегическое государственное предоставление капитала частным фирмам. Это, однако, было вполне в духе рекомендаций Ф. Листа о покровительстве «важнейшим отраслям, для которых потребны большие основные и оборотные капиталы, большое количество машин, равно как и масса технических знаний, ловкости и опытности, и большое количество рабочих сил» [Лист, 2017. С. 206]. После того как сравнительно окрепли оставшиеся от образованных в 1870-е гг. опытных фабрик предприятия, а экспорт шелка-сырца привнес иностранной валюты в японские финансы, правительство реинвестировало накопленный капитал в промышленность, начав новое широкомасштабное строительство заводов и продав при этом по низким ценам частным предпринимателям большую часть своих механизированных текстильных фабрик, предприятий в горной промышленности, судостроении, производстве цемента и листового стекла [Стадвелл, 2017. С. 155, 157].

Но быстрый, хотя по мировым меркам еще достаточно скромный, промышленный подъем Японии и впечатляющий промышленный рывок Германии не привели, как полагал Ф. Лист, к «разжатию» конкуренции на внутренних рынках этих стран после того как обозначились плоды «воспитательного протекционизма».

В начале XX в. германские политэкономы – как университетские последователи исторической школы, так и партийные идеологи социал-демократии – отметили, что протекционистская таможенная политика превращается в противоположность рекомендациям Листа. Вместо снижения и отмены охранительных пошлин, по мере того как крепнущие отрасли национальной промышленности выходят из «юношеского возраста», ставка тарифа возрастает, причем за высокие охранительные пошлины выступают как раз наиболее мощные, экспортно-способные отрасли промышленности, занятые, главным образом, производством средств производства и располагающие регулярным банковским кредитом для капиталовложений [Гильфердинг, 1959. С. 395, 394]. Совместное действие финансирования промышленности крупными банками и протекционистской политики при быстром темпе промышленного развития создало тенденции к картелированию. Тресты и синдикаты, в свою очередь, не только выдвинули новые протекционистские интересы, но и сомкнулись с интересами крупных земледельцев-юнкеров во главе с самим «железным канцлером» Бисмарком.

Лист рассматривал повышение цен на внутреннем рынке вследствие охранительных и покровительственных тарифов как временную жертву «выгодами в настоящем», приносимую ради «промышленного воспитания нации» и обеспечивающую «выгоды в будущем». Расцвет промышленности объединенной Германии казался сбывшимися «выгодами в будущем» и придал протекционистским призывам Листа ореол меткого экономического прогноза [Кондратьев, 2002. С. 562–563]. Но необходима существенная оговорка. Растущее влияние промышленных магнатов изменило функции высоких тарифов, предоставлявших возможность продавать дешевле на внешних рынках («бросовый» экспорт), а цены на внутреннем рынке взвинчивать благодаря картелированию, а затем синдицированию и трестированию. «Воспитательный протекционизм» переродился в «картельный протекционизм», стремящийся к постоянству «дани, наложенной на весь класс внутренних потребителей» [Гильфердинг, 1959. С. 391, 397].

Но этим германский «поворот в функциях протекционизма» не ограничился. Были преданы забвению рекомендации Ф. Листа не только о прекращении покровительства тем промышленным отраслям, которые уже достаточно окрепли для свободной конкуренции с иностранными производителями, но и о нераспространении «воспитательного про-

текциионизма» на сельское хозяйство. Бисмарк возглавил протекционистский «железный и ржаной» союз юнкеров и промышленных магнатов, заинтересованных в охранительных пошлинах, сдерживающих конкуренцию дешевого американского и российского зерна и британской тяжелой, особенно железоделательной, промышленности.

В Японии процессы концентрации и централизации промышленного капитала вследствие его финансиализации привели, как известно, к созданию дзайбацу – «финансовых клик». Они по гипертрофии охвата внутреннего рынка превзошли все формы монополистических объединений в ведущих индустриальных странах Запада. Старейший придворный торговый дом Мицуи разросся до финансового клана, охватившего сферы от добычи полезных ископаемых и оказания складских услуг до производства кроватей и лампочек. Молодой клан Мицубиси, возникший из дарованной правительством монополии на морские грузоперевозки, присоединял сначала смежные с морским транспортом предприятия: страховые, складские, ремонтные и угледобычу. (Заметим, что Ивасаки Яносукэ, брат основателя Мицубиси Ивасаки Ятаро, положил начало систематическому привлечению выпускников университетов на должности управляющих [Абе, 2001. С.342–344]). Дзайбацу были ориентированы на внутренний рынок и устанавливали на нем высокие цены, что избавляло их от необходимости завоевывать экспортные рынки, «оставленные» более мелким фирмам, производившим, как отмечалось выше, дешевую, но низкокачественную имитацию западных промышленных товаров.

Дисбалансы между внутренним и внешним рынками сопровождали и политику «воспитательного протекционизма», проводимую С. Витте и министерством финансов Российской империи. Несомненно, что в глазах Витте, сделавшего деловую и административную карьеру как инженер-путеец и снискавшего авторитет российского железнодорожного «тарифмейстера», особый вес «национальной экономии» Ф. Листа придавали подчеркивание роли «национальной системы путей сообщения» как важнейшего элемента национальной ассоциации производительных сил и та проницательность, с которой Ф. Лист оценил значение железных дорог. Сам Витте не только считал железные дороги «первостепенным орудием государственности», но и уделил специальное внимание повышенному значению этого вида транспорта именно для России. Помимо громадности расстояний и неблагоприятного положения относительно морских путей сообщения, проблемой для экономического роста России оказалась территориальная рассредоточенность месторождений каменного угля и металлических руд [Витте, 1997. С. 74] – в противоположность всем странам-лидерам индустриализации (Англия, Бельгия, США, Германская империя).

Много сказано о вкладе Витте в сооружение Транссиба и в целом о наибольшем именно в период руководства министерством Витте скачке прироста российской железнодорожной сети, но мало обращается внимания на тот факт, что наибольшей по грузообороту железнодорожной линией стала Екатеринбургская. Скромная по длине, она, однако, соединила Донецкий угольный бассейн и железные руды Кривого Рога, что, наряду с обеспеченным денежной реформой Витте приливом иностранных инвестиций, придало мощный импульс быстрому превращению Юга России в главный индустриальный район империи [Гловели, 2018. С. 427].

Министр финансов стремился использовать в целях «воспитательного протекционизма» и подъем совсем новой тогда не только для России, но и для мира отрасли промышленности – нефтяной. Витте увеличил акциз на главный продукт нефтепромышленности – «фотоген» (керосин), что привело к росту поступлений в бюджет от этого налога в 1893 – 1900 гг. с 16,4 млн до 25,5 млн руб. Однако при экспорте керосин не облагался пошлиной, что делало его выгодным для иностранного потребителя и позволяло российским нефтяным фирмам конкурировать на рынках Европы и Азии с североамериканцами и англичанами. В 1900 г. на долю Российской империи приходилось более 50% мировой добычи «черного золота», тогда как США – около 40%. Доходы, поступающие в казну от

нефтяного акциза, позволяли осуществлять крупные ассигнования на железнодорожное строительство, гарантировать казенный спрос на уголь, рельсы, подвижной состав, чтобы стимулировать транспортное машиностроение и разработку окраинных минеральных ресурсов. Однако созданные министром финансов ради проведения промышленной политики «тепличные» условия для нефтяного бизнеса потворствовали нефтеолигархическому демпингу и вздуванию внутренних цен на «фотоген». Керосин в России стоил около 2 руб. – более чем вдвое дороже, чем в Лондоне (83 коп.) и Гамбурге (98 коп.); внутреннее потребление нефтепродуктов почти не росло (за 1893–1900 гг. с 38 млн пудов до 40 млн пудов); в 1900 г. в стране, добывавшей более половины мировой нефти, среднечеловеческое потребление керосина (5,235 кг) было почти в 2,5 раза меньше, чем в Великобритании (12,270 кг), почти в 3 раза меньше, чем в Германии (15,133 кг), и впятеро меньше, чем в США (26 кг) [Степанов, 2018. С. 140].

Таким образом, с одной стороны, тарифное манипулирование позволило Витте осуществлять стратегическое финансирование в соответствии с выбранными отраслевыми приоритетами; с другой стороны, явно не соблюдались акцентированные Ф. Листом приоритеты внутреннего рынка. Результаты спекулятивной политики бакинских «нефтяных королей» отчетливо проявились в ходе промышленного кризиса 1900–1903 гг., когда вздутые цены резко упали (в 2,7 раза), а вместе с ними – и российская (бакинская) нефтепромышленность. К 1913 г. доля Российской империи в мировой нефтедобыче упала до 15%, а доля США возросла до 65%, причем российская нефтедобыча не достигла и 80% от пика 1901 г. [Гловели, 2018. С. 450]. Что, впрочем, не мешало баснословным доходам бакинских нефтеолигархов, извлекавших сверхприбыли из рентабельного недопроизводства в условиях несовершенной конкуренции.

Но все же, подводя итоги имперского опыта «воспитательного протекционизма», на первом плане следует отметить, что ускоренное возвращение отраслей промышленности стало заботой государств, преследовавших прежде всего военные интересы. На переоснащение армии и создание военного-морского флота была нацелена вестернизация Мэйдзинской Японии, превзошедшей все государства по доле военных расходов в бюджете. Первую оригинальную инновацию мирового уровня подданные микадо внедрили в производстве взрывчатых веществ [Азбелев, 1905. С. 177], а успехом в столкновении с Россией показали остальной Азии пример сдерживания «белого империализма» [Тоффлер, 1986. С. 278]. Германский картельный протекционизм подпитывал политику финансового капитала, толкавшую к милитаризму, маринизму и в итоге – к мировой войне, обрушившей «Второй рейх». Российская империя, также рухнувшая в ходе этой войны, была втянута в нее зависимостью от тех же французских капиталов, которые питали рост главного индустриального региона России [Гловели, 2018. С. 437, 448].

Примечательно, что в начале XX в. в Англии, теснимой на европейских рынках Германией, фритредеры стали обращаться к авторитету Ф. Листа, писавшего, при всех своих филиппиках против классической школы, что «воспитательный протекционизм» – мера временная и переходная к всемирному участию в свободной торговле стран «возмужалой развитой промышленности» [Рыкачев, 1903. С. 110]. Но мировая война заставила увидеть в «Национальной системе политической экономии», особенно в ее последней части, иное. «Знаменитое «Drang nach Osten», стремление завоевать – прежде всего, конечно, экономически, – Ближний Восток», набросанная «мастерской рукой» программа грядущей великодержавной политики Германии (борьба за Европейскую Турцию и Малую Азию, великий Багдадский железнодорожный путь и т.д.) – политики, «которая, к изумлению и ужасу патриотов завершилась Версалем, подытожившим разгром Германии на полях битв с Антантой» [Давыдов, 1927. С. 88–89].

Листовская идея «Срединной Европы» всплыла во время Первой мировой войны, а в годы послеверсальского унижения в Веймарской Республике возникло Общество

Фридриха Листа, издавшее многотомное собрание его произведений (1927–1932). В те же годы в разделенной Европе снискала некоторую популярность «Теория протекционизма» (1929) директора Центрального банка Румынии М. Мануилеску, идеи которого пересекались с распространившимися тогда корпоративистскими концепциями. Корпоративизм и автаркия, как известно, стали программными экономическими принципами «Третьего Рейха». В разгар Второй мировой войны была снята кинобиография Листа «Der Unendliche Weg» («Бесконечная дорога»), в главной роли с Э. Клёпфером, обладателем высшего в нацистской Германии актерского звания Staatsschauspieler. Такая «честь», конечно, не добавила Листу почета в истории экономических учений, однако в концепции «воспитательного протекционизма» стали видеть аргументы в поддержку «молодых отраслей», в которых изначально высокие затраты могут быть снижены в долгосрочном периоде за счет эффекта масштаба и внешней экономии [Лав, 2015а. С. 440]. Такие аргументы были сразу после войны развернуты в рамках структуралистской концепции импортозамещающей индустриализации как стратегии, используемой отсталыми экономиками во избежание ущерба от «ножниц цен» на мировом рынке, тяготеющем при свободной торговле к занижению цен на ограниченный круг сырьевых товаров из этих стран и завышению цен на разнообразную готовую продукцию передовых стран.

Импортозамещающий и экспортно ориентированный экономический рост

При рассмотрении «Национальной системы политической экономии» Листа, как правило, упускался такой ее аспект, как указание на опасность «раздвоения», сегментации национального рынка отсталой страны при ее свободной торговле с передовыми странами. Призывая к «национальной ассоциации производительных сил», германский политэконом настаивал, что развитие внутренней фабрично-заводской промышленности настолько увеличит емкость внутреннего рынка, что внутренняя торговля в 10–20 раз превзойдет внутреннюю торговлю наций чисто земледельческих и в 5–10 раз «самую цветущую внешнюю торговлю». При односторонней же земледельческой специализации во внешней торговле будут заинтересованы только приморские и приречные местности, но не большая часть национальной территории (внутренние области страны) [Лист, 2017. С. 268–269].

Историческим примером подобного пагубного «рассечения» своей территории под воздействием свободной внешней торговли для Листа была шляхетская Польша, чьи силы были «парализуемы опередившими ее в развитии нациями». Она экономически захирела и в итоге распалась как государство вследствие того, что ее дворянство предпочитало свободно «отпускать за границу бедные плоды труда своих крепостных и одеваться в более дешевые и нарядные заграничные одежды» [Лист, 2017. С. 237–238].

Век спустя экономисты-«сепалисты» описали похожую двойственную динамику стран периферийного капитализма. Под воздействием «ножниц цен» мирового рынка (и тем самым ухудшения условий торговли для периферийных аграрно-сырьевых производителей) и «демонстрационного эффекта» стандартов потребления передового «центра» экономика отсталых стран раздвоена на два сектора: архаичный, не связанный с мировым рынком, и внешнеориентированный, но обслуживающий воспроизводственный процесс капитализма «центра». Для преодоления этого дуализма была предложена стратегия импортозамещающей индустриализации как новая разновидность «промышленного воспитания» наций. Сепалисты обосновывали активное государственное вмешательство для перемещения факторов производства из экспортно ориентированных аграрного и сырьевого секторов в обрабатывающую промышленность, чтобы сократить долю отраслей, выпускающих товары с падающими ценами, и улучшить условия торговли.

Небезуспешное начало в 1950-е гг. стратегий импортозамещения в Латинской Америке, оживившее рост промышленного производства и занятости, довольно быстро сменилось разочарованием. Инициатор разработки концепции «периферийного капитализма» и альтернатив ему Р. Пребиш уже в начале 1960-х гг. признал неподконтрольность процесса импортозамещения, чрезмерное завышение пошлин, позволявшее развиваться в Латинской Америке неэффективным отраслям промышленности и еще более отдалявшее от конкурентоспособности на мировых рынках. [Лав, 2015. С. 463]. Выяснилось, что импортозамещение ограничивается в основном легкой промышленностью, не избавляя от продолжающегося импорта оборудования [Итуэлл, 2004. С. 431–432]. Правительство крупнейшей латиноамериканской страны – Бразилии, где сепалист С. Фуртаду возглавил специально созданное Министерство экономического планирования, – финансировало государственные предприятия по выпуску средств производства и стремилось привлечь иностранный капитал в отрасли, производящие предметы потребления длительного пользования. Однако процесс проведения импортозамещающей индустриализации в Бразилии был осложнен политическими обстоятельствами (т.е. попросту говоря, давлением США и военным переворотом).

Несмотря на то, что политика импортозамещения способствовала вхождению крупнейших латиноамериканских республик в число «новых индустриальных стран», ее теоретическое обоснование и практика подверглись в 1980-е гг. огульному отрицанию как ошибочный выбор на исторической развилке. Критики отмечали наслоения уровней протекционизма без соответствующего снижения защитных барьеров для уже развитых производств; усиление монополизма и влияния транснациональных корпораций, открывавших в Латинской Америке свои производства для преодоления таможенных барьеров [Лав, 2015. С. 458–461]. Нетрудно заметить сходство перечисленных проблем с теми, что возникали в странах имперского «воспитательного протекционизма» в конце XIX – начале XX вв. Снова задавался вопрос, оставшийся без ответа у Листа: каковы критерии установления «возраста» отрасли промышленности и определения того, достигла ли она зрелости, и, следовательно, протекционизм должен прекратиться [Шнигель, 2004. С. 603].

Латиноамериканскому импортозамещению, как неудачному «девелопментализму» и дестимулированию экспорта, стали противопоставлять стремительный экспортно ориентированный рост экономик Юго-Восточной Азии, сумевших «оседлать» новую волну расширения мировой торговли [Лав, 2015. С. 462]. Однако для успешных стран-экспортеров Юго-Восточной Азии первым шагом к построению экспортно ориентированной экономики была импортозамещающая индустриализация, что даже дает повод говорить об этих странах как странах «листианской девелопменталистской» политики [Metzler, 2006. P. 100].

Эталонным институциональным примером промышленной политики для «золотой эры» высокоскоростных темпов мировой экономики стало MITI (МВТП) – японское Министерство внешней торговли и промышленности (Ministry of International Trade and Industry). Оно было основано в 1949 г. для восстановления разрушенной войной экономики, но вело свою историю с 1925 г., когда было создано Министерство коммерции и промышленности вместо упраздненного Министерства сельского хозяйства. Первым министром был Такахаси Корэкиё (1854–1936), писавший тогда, что не считает противоположными доктрины А. Смита и Ф. Листа, так как оба великих политэконома стремились к утверждению теории, наиболее подходящей для их родной страны. Такахаси, политик и финансист, был ветераном преобразований эры Мэйдзи и другом Маеда Масана (1850–1921), который в 1884 г. выдвинул проект «Содействия промышленности», предлагавший создание Банка развития (*kogyo ginko*), который бы сосредоточил у себя дефицитные валютные ресурсы для направления их в приоритетные экспортные отрасли промышленности. Тогдашний министр финансов Мацуката, приверженец милитаризма, централизма и жесткой экономии, отверг план Маеда. Однако в самом начале 1950-х гг. такой Японский Банк развития был создан для долгосрочных кредитов отраслям, признанных ключевыми для промышленной и внешнеторговой политики MITI.

Через 10 лет японская экономика вышла на беспрецедентную траекторию высоких темпов промышленного роста, структурной трансформации и международной конкурентоспособности, проделав путь от «передовой развивающейся страны» до великой индустриальной державы. Следующее десятилетие, успешно осуществляя «план удвоения национального дохода» и поочередно обходя Италию, Францию, Великобританию и ФРГ по объему ВВП, Япония завершила триумфальным проведением своей первой Всемирной выставки (1970). Тогда замминистра МПТ И. Одзими позволил себе в докладе ОЭСР «Японская промышленная стратегия» покритиковать принцип сравнительных преимуществ, следование которому обрекло бы Японию на продолжение экспорта низкокачественного текстиля, дешевых игрушек и т.п. изделий и тем самым – «азиатского пути стагнации и бедности». С деятельностью МПТ Одзими связал иной путь Японии: выращивание «таких отраслей промышленности, как, например, сталеплавильная, нефтеперерабатывающая, нефтехимическая, автомобильная, производство машинного оборудования всех видов и электроника, включая производство компьютеров» (цит. по: [Ozawa, 2005. P. 50]).

Перечисленные Одзими отрасли, к которым, конечно же, надо добавить судостроение (первую отрасль, где Япония достигла, еще в 1955 г., мирового лидерства) и электротехнику (отрасль, с которой началось завоевание мировых рынков японской сложной потребительской продукцией высшего качества), соответствовали двум критериям, выработанным МПТ для максимизации темпов роста и оптимизации промышленной структуры: повышение производительности труда и эластичность спроса по доходу. Для стимулирования роста этих отраслей важное значение имели законы 1950 г. о контроле за иностранной валютой и внешней торговлей; эти законы предписывали направление ограниченных валютных резервов и помощь в лицензировании иностранных технологий промышленным отраслям с потенциально высокой международной конкурентоспособностью продукции. Для повышения международной конкурентоспособности, наряду с ограничением импорта конкурирующей продукции, использовались кредиты Японского Банка развития, предоставляемые под льготно низкий процент, и меры по интенсификации производства посредством координации инвестиционного процесса, слияний и кооперирования предприятий и др. [Ёнэмура, Цукамото, 1992. С. 88, 91].

Таким образом, промышленная и внешнеторговая политика МПТ была усовершенствована «воспитательного протекционизма», добавившим к нему, помимо разнообразия инструментов, еще целый ряд черт.

Она проводилась после демилитаризации и в условиях конституционно закрепленного запрета на рост военных расходов, а также после демонополизации (ликвидации дзайбацу, хотя прежние олигархические структуры и возрождались в иных организационных формах) и поощрения внутренней конкуренции.

Были четко обозначены сроки отмены «тепличных условий» для молодых отраслей промышленности, что «подстегивало» деловые круги к переоснащению и рационализации производства [Ёнэмура, Цукамото, 1992. С. 89].

«Воспитательный протекционизм» для зарождающихся отраслей (*infant industries*) был дополнен поддержкой «заходящих», стагнирующих вследствие структурных сдвигов отраслей (*declining industries*). Вопрос об отношении к таким отраслям остается открытым в мейнстримной экономической теории, в которой предполагается, что переток любых ресурсов из отрасли в отрасль осуществляется безболезненно и не стоит ничего или почти ничего. Но в реальности государству, которое не может и не должно предотвращать сокращение производства в старых, клонящихся к закату отраслях, приходится решать, какими способами обеспечить перелив трудовых ресурсов из этих отраслей в новые, находящиеся на подъеме, и «что делать с теми людьми, которые в результате этого перехода оказались за бортом» [Thurow, 1991. P. 162]. В самой Японии были осуществлены две пятилетние программы (1978–1988) по частичному сворачиванию этих «заходящих отраслей»: судо-

строительной, сталелитейной, алюминиевой, нефтехимической, текстильной, швейной. В результате получилась схема «селективного» протекционизма в форме конусовидной кривой [Тацуно, 1989. С. 72].

Реструктуризация промышленности была увязана с новым типом внешнеэкономических связей, который японские экономисты назвали «гусиным клином» [Akamatsu, 1962. P. 14] или «горизонтальным международным разделением труда» [Такэнака, 1988. С. 135–137]. Сущность этого типа заключается в разделении труда между странами в пределах одного – «вторичного – сектора, но высокоразвитая страна специализируется на высокотехнологичной и капиталоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью, тогда как страна догоняющей индустриализации – на низкотехнологичной и трудоемкой продукции, продолжая ввозить капиталоемкие и наукоемкие товары. Но затем догоняющая страна осваивает – при помощи лицензий и иностранных инвестиций – и производство высокотехнологичных товаров, экспортируя их в страны «клина», «летающие сзади» и также постепенно подбирающиеся к выпуску продукции с большей добавленной стоимостью.

Так Япония, наращивая производство сложной бытовой техники, «сбрасывала» лишние мощности отработавших свой ресурс некогда ключевых отраслей (судостроение, черная металлургия, нефтехимия) в «новые индустриальные страны» (малые «драконы», или «тигры») Юго-Восточной Азии, прежде всего в Южную Корею, которая, в свою очередь, «сбрасывала» текстильную промышленность в страны Южно-Китайского бассейна и переходила к тяжелой и химической промышленности, а затем – к производству автомобилей, бытовой электроники и компьютеров [Райнерт, 2011. С. 171–172]. Апробация этой «эстафетной» модели «воспитательного протекционизма» – «гусиной» последовательности импортозамещения и расширения экспорта – стала фактором продолжения «японского экономического чуда» в высокоскоростном развитии стран Юго-Восточной Азии. Одновременно это был процесс выноса «заходящих отраслей» японской экономики в зарубежные филиалы японских ТНК, получивший в Японии название «кудока» («вымывание»), изображенный на рис. 1 [Лебедева, 2007. С. 82].

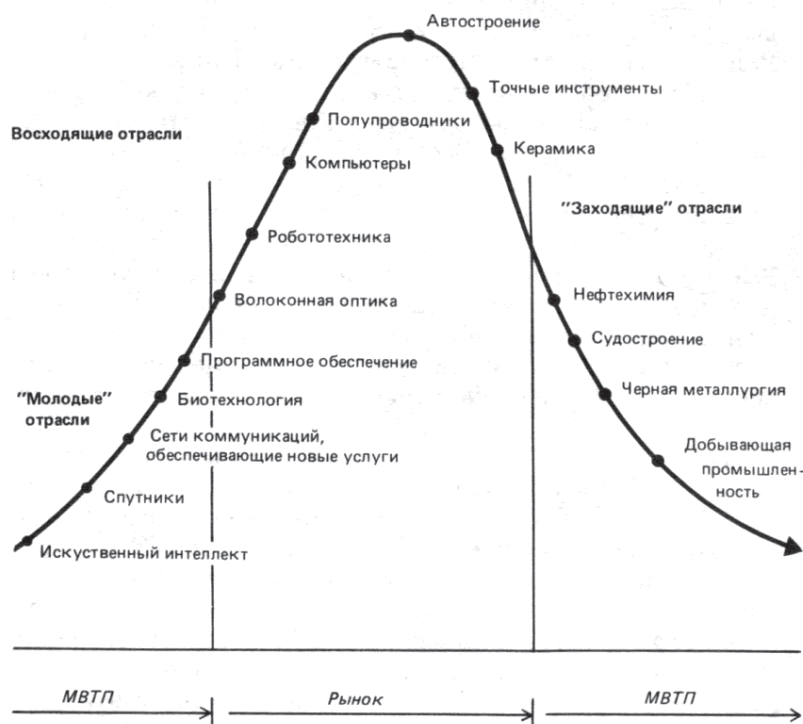

Рис. 1. Жизненный цикл отраслей и особенности регулирования
 Источник: Лебедева И.П. Японская экономика в условиях глобализации // Национальная экономика в условиях глобализации. М.: Магистр, 2007. С. 82.

Южная Корея, которая стала второй после Японии восточноазиатской страной, членом ОЭСР – по примеру Японии реструктурировала свою промышленность, прибегнув к поощрению почти того же набора отраслей – судостроения, черной и цветной металлургии, нефтехимии, машиностроения, электроники. Однако японская модель была ориентирована на финансовое самообеспечение инвестиционного процесса [Целищев, 2001], тогда как южнокорейская – на обильную инвестиционную помощь (США, ООН) и иностранные займы [Окрут, Фам За Минь, 1992. С. 37–39]. Последнее предполагало широкую открытость экономики, что изначально придало южнокорейскому экономическому росту отчетливые черты экспортно ориентированного. Заманчивое субсидирование поощряло предпринимателей к проникновению на зарубежные рынки: правительство кредитовало промышленные фирмы-экспортеры под проценты, вдвое-вчетверо меньшие, чем для остальных фирм [Стадвелл, 2017. С. 166].

Выход Южной Кореи на авансцену международной конкурентоспособности стал знаковым событием для мировой экономики. Примечательны (хотя достоверны ли?) свидетельства того, что в книжных лавках Сеульского университета в период «разгона» южнокорейской экономики были заметны издания «Национальной системы политической экономии» Ф. Листа [Стадвелл, 2017. С. 168]. Хотя едва ли «апостол протекционизма» одобрил бы столь ярко выраженную ориентацию на внешние рынки.

Перипетии восточноазиатского «чуда»

Успехи Южной Кореи и наряду с ней Тайваня, Гонконга и Сингапура в экспортно ориентированной индустриализации дали основание в начале 1990-х гг. признать регион Восточного и Южно-Китайского морей новым мировым полюсом экономического роста, а к тому времени широко размахивали «крыльями», то есть высокими темпами промышленного роста, следующие в «клине летящих гусей» Юго-Восточной Азии – Таиланд, Малайзия и Индонезия. Однако уязвимость модели экспортно ориентированного промышленного роста, зависимость от иностранного ссудного капитала и туземного неопотизма («crony capitalism»), болезненно проявилась в азиатском финансовом кризисе 1997–1998 гг. Одной из первых от кризиса пострадала Южная Корея, получившая тогда наиболее щедрый «пакет» финансовой помощи от МВФ (58 млрд долл.). Тем не менее обанкротилось 8 из 30 южнокорейских конгломератов-чеболей, включая второй по величине – «Дэу»; остальным пришлось реструктурироваться. А ведь чеболи формировались именно как экспортно ориентированные крупные частные компании, тесно связанные, однако, патрон-клиентскими отношениями с госчиновниками. Концентрация ресурсов в чеболях была прямым следствием «покровительственной» системы, поставившей размеры прибылей фирм и их развитие в прямую зависимость от величины экспорта их продукции. А гипертрофия заимствований и задолженности на международных рынках – следствием представлений о том, что благодаря тесным связям с правительственной бюрократией и огромным размерам чеболи неустойчивы.

Но если широко открытые экспортно ориентированные экономики «новых индустриальных стран» были поражены внешним экономическим шоком в конце 1990-х гг., то для Японии, остававшейся относительно закрытой, потерянным оказалось все последнее десятилетие XX в. Вплоть до начала 1990-х гг. Япония считалась претендентом на роль нового мирового экономического лидера, а японская промышленная политика, проводимая MITI, рассматривалась не только как образец правительственных действий, максимизирующих национальную конкурентоспособность, но и как альтернатива традиционной модели капитализма [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 43]. Известный эксперт по конкурентным преимуществам наций М. Портер как раз в те годы издал свой *Magnum*

Opus [Porter, 1990]. Но несколько лет невидимый миру японский финансовый пузырь лопнул в 1991 г., ввергнув страну в затяжную рецессию. А ветер неолиберальной глобализации раздул настроения о нецелесообразности промышленной политики вообще. МПТ, прославленное как институциональный «архитектор» японского «экономического чуда», прекратило свое существование, будучи в 2000 г. заменено МЕТИ – Министерством экономики, торговли и промышленности, ориентированным на либерализацию.

Именно в это время Портер подготовил с соавторами новую книгу – с характерным подзаголовком «Может ли Япония конкурировать?» и с пафосом отрицания эффективности японской промышленной политики. По мнению авторов, с одной стороны, японская политика «воспитательного протекционизма» – выделения целевых отраслей и селективной поддержки в соответствии с отраслевыми приоритетами – потерпела неудачу. Протекционистская поддержка не привела к конкурентоспособности таких отраслей, как самолетостроение, химия, фармацевтика, биотехнология, потребительские товары в упаковке, производство программного обеспечения и финансовые услуги; а с 1980-х гг. практически не появилось никаких новых экспортно-способных отраслей. С другой стороны, производство мотоциклов в 1960-х годах, аудиотехники в 1970-х, автомобилей в 1980-х и игрового программного обеспечения в 1990-х может служить примером конкурентоспособных отраслей японской экономики, развившихся без вмешательства правительства [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 13, 41].

Не вдаваясь в обсуждение вопроса, насколько корректны³ выводы Портера и его соавторов, в том числе и противопоставляющих принцип сравнительных преимуществ селективной поддержке отраслей с высокой эластичностью спроса по доходу, обратим внимание на один аспект проблемы. Как некогда Ф. Лист, а затем сепалисты, Портер, хотя и в принципиально ином контексте, обращает внимание на дуализм японской экономики.

Существовало «две Японии». Япония, которую знали на Западе, «непобедимая Япония», была очень конкурентоспособной. Такие отрасли, как бытовая электроника и автомобилестроение, тянули за собой всю японскую экономику, обеспечивая рост экспорта и производительности. Но проблема заключалась в том, что подобных отраслей было немного, и рядом с ними существовала совсем другая, неэффективная, Япония.

Эта «неконкурентоспособная Япония» объединяла многие отрасли, которые хронически отставали по производительности. В этой Японии было «два сегмента». Один из них – это группа отраслей, так и не достигших экспортно-способной зрелости. Другой – «внутренние отрасли, такие как розничная и оптовая торговля, транспорт и логистика, строительство, энергетика, медицинское обслуживание и пищевая индустрия. Практически все эти отрасли неэффективны, но в них создано большое число рабочих мест, и они фактически оказались аналогом системы социального обеспечения, консолидации и реструктуризации этих отраслей препятствовал целый комплекс мер японского правительства» [Портер, Такеути, Сакакибара, 2005. С. 23].

Таким образом, и в высокоразвитой экономике сохраняется проблема, сыгравшая столь большую роль в перипетиях «воспитательного протекционизма», – «раздвоение», сегментация национального рынка. Ее «поставили на вид» фритредерству Ф. Лист, а позже сепалисты. Но ее не удалось решить стратегиями импортозамещающего и экспортно ориентированного экономического роста. Но едва ли исчерпывающими будут и меры, к которым призвали Портер и его соавторы-японцы: большая открытость страны для иностранных инвестиций, развитие венчурного капитала и кластеров, «улучшение деловой среды в целом».

³ В частности, явно спорное утверждение, что правительство сыграло «удивительно скромную» роль в прогрессе японского автомобилестроения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абе И. (2001). Ивасаки Ятаро //Классики менеджмента / Под ред. М. Уорнера. СПб.; М.; Харьков; Минск: Питер. С. 340–344.
- Азбелев Н.П. (1905). О промышленности и торговле Японии // Мир Божий. № 10. С. 67–94.
- Арсланов В.В. (2017). Политическая экономия и государство: уроки «Methodenstreit»: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Бернал Дж. (1956). Наука в истории общества. М.: Иностранная литература.
- Бибииков П.А. (1869). Библиография замечательнейших сочинений по политической экономии // Бланки Ж.А. История политической экономии в Европе. Т. 2.: Пер. П.А. Бибиикова. СПб.: Тип. И.И. Глазунова. С. 321–422.
- Блауг М. (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб: Экономическая школа.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Валлерстайн И. (2015). Мир-система Модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Ван дер Вее Г. (1994). История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука.
- Вернадский И.В. (1858). Проспект политической экономии. СПб.: тип. П.А.Кулиша.
- Витте С.Ю. (1997). Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М.: Фонд «Начала».
- Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: ИД«Дело» РАНХиГС.
- Гильфердинг Р. (1959). Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным моделям (XIX – начало XX вв.). СПб.: Алетейя.
- Гловели Г.Д. (2013). Всемирные выставки как витрина и локомотив второй технологической революции // Экономическая политика. №1. С. 96–115.
- Гловели Г.Д. (2018). Экономическая история: Учебник для бакалавров. Т. 1. М.: Изд-во Юрайт.
- Давыдов И. (1927). Фридрих Лист – апостол протекционизма // Записки Научного общества марксистов. № 1 (7). С. 66–90.
- Ёнэмура Н., Цукамото Х. (1992). Опыт послевоенной Японии в реформировании экономики // Вопросы экономики. № 11. С. 82–92.
- Исаев А.А. (1910). Мировое хозяйство. СПб.: типо-лит. Шредера.
- Итуэлл Дж. (2004). Импортзамещающий и экспортно ориентированный экономический рост // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М. С. 430–433.
- Каннингем У. (1903). Западная цивилизация с экономической точки зрения. Средние века и Новое время. М.: тип. А.И. Мамонтова.
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения М.: Экономика.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев; Харьков: Южно-русское книгоиздательство.
- Кулишер И.М. (1908). Экономическая история как наука, и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. № 7. С. 53–79.
- Лав Дж. (2015). Подъем и упадок экономического структурализма в Латинской Америке: новые аспекты // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 453–490.
- Лав Дж. (2015а). Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 411–452.
- Лебедева И.П. (2007). Японская экономика в условиях глобализации // Национальная экономика в условиях глобализации / Под ред. И.П. Фаминского. М.: Магистр. С. 66–88.
- Линдси Б. (2008). Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: ИРИСЭН.
- Лист Ф. (2017). Национальная система политической экономии: Пер. с нем. В. М. Изергина / Под ред. К.В. Трубникова. М.; Челябинск: ИД «Социум».
- Никитский А.И. (1893). История экономического быта Великого Новгорода. Предисл. С.А. Харизоменова. М.: Университетская тип.
- Норман Г. (1952). Становление капиталистической Японии: М.: Иностранная литература.
- Окрут З.М., Фам За Минь (1992). Модель экономического развития Южной Кореи. Путь к процветанию. М.: Финансы и статистика.
- Ореховский П.А. (2014). Структурализм как памфлет (О книге Э. Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». 2-е изд.) // Вопросы экономики. № 12. С. 147–153.
- Попов Г.Г. (2007). Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист VS Классическая школа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 5. № 4. С. 71–85.

- Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. (2005). Японская экономическая модель: Может ли Япония конкурировать? М.: Альпина Бизнес Букс.
- Пребиш Р. (1992). Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Рыкачев А. (1903). Английские экономисты и протекционизм // Народное хозяйство. № 6. С. 104–112.
- Соболев М.Н. (1896). Лист, Фридрих // Энциклопедический словарь. Полутом 34. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 761–762.
- Стадвелл Дж. (2017). Азиатская модель управления: удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина паблишер.
- Степанов В.Л. (2018). Нефтяная политика С.Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 136–145.
- Струве П. (1894). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.
- Такэнака И. (1988). Структурные изменения и новый этап развития японской экономики // Япония. Ежегодник. 1988. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература». С. 124–142.
- Тацуно Ш. (1989). Стратегия – технополисы. М. : Прогресс.
- Техникум (1901) // Энциклопедический словарь. Полутом 65. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 120–121.
- Торфлер О. (1986). Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. С. 276–288.
- Цедилин Л.И. (2014). Промышленная политика по Фридриху Листу // Вестник Института экономики РАН. № 6. С. 102–110.
- Целищев И.С. (2001). Японская модель роста: сбережения, кредитование, инвестирование // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 87–96.
- Чупров А.И. (1918). История политической экономии. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.
- Шмоллер Г. (1902). Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М.: К.Т. Солдатенков.
- Шпигель Г. (2004). Национальная система политической экономии // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М. С. 601–605.
- Akamatsu K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, Preliminary issue No.1. Pp. 3–25.
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. Oxford: Oxford University Press.
- Fallows J. (1995). Looking at the Sun. The Rise of the New East Asian Economic and Political System. New York.
- Freeman C. (1995). The “National System of Innovation” in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics, Vol. 19, Issue 1, 1 February. Pp. 5–24.
- Gide C. et Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Goldschmidt F. (1878). Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirt. Berlin: Verlag von Julius Springer.
- Hagemann H., Seiter S. and Wendler E. (2018). Introduction // The Economic Thought of Friedrich List (Routledge Studies in the History of Economics). Bosa Roca, United States. Pp. 1–8.
- Jun Bogang, Gerybadze A., Tai-Yoo Kim. (2016). The legacy of Friedrich List: The expansive reproduction system and the Korean history of industrialization // Hohenheim Discussion Papers in Business, Economics and Social Sciences. No. 02. Pp. 1–38.
- List F. (1841). Das Nationale System der politischen Ökonomie. (на нем. яз.)
- List F. (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Metzler M. (2006). The Cosmopolitanism of National Economics: Friedrich List in a Japanese mirror // Global History: Interactions between the Universal and the Local. Ed by A. G. Hopkins. Basingstoke, N.Y. : Palgrave Macmillan. Pp. 98–130.
- Meyer H.C. (1955). Mitteleuropa in German Thought and Action (1815-1945). The Hague. Martinus Nijhoff Springer Dordrecht.
- Ozawa T. (2005). Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The Flying Geese Paradigm of Catch-up Growth. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Porter M. (1990). The Competitive Advantage of Nations. N. Y.: Free Press.
- Schumpeter J. A. (1954). The History of Economic Analysis. Oxford University Press, New York.
- Thurow L.C. (1991). Declining Industries // The World of Economics. The New Palgrave / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. 2 ed. L. and Basingstoke: The Macmillan Press Limited. Pp. 160–163.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Спадерова Анна Андреевна

spaderova.anya@gmail.com

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University «Higher School of Economics», head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ggloveli@hse.ru

Anna Spaderova

student, of National Research University «Higher School of Economics»

spaderova.anya@gmail.com

PERIPETICS OF «TUTELARY PROTECTIONISM»

Abstract. The article reviews the historical experience of implementing economic development strategies in the context of F. List's doctrine for the «promotion of industrial national education of the nation». Cases of imperial catch-up industrialization (Deutsches «Second» Reich, Meiji era in Japan, post-reform tsarist Russia), contradictions of Latin American import substitution and South-East Asian export-led economic growth, the industrial policy of the Ministry of Foreign Trade and Industry (MITI) during Japan «economic Miracle» are considered.

Keywords: *criticism of the principle of comparative advantage, «tutelary protectionism», national association of productive forces, industrial policy, infant industries, declining industries, dual dynamics*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Abe I. (2001). Iwasaki Yataro //Klassiki menedzhmenta [Iwasaki Yataro // Classics of Management] / Pod red. M. Uornera. SPb.; M.; Khar'kov; Minsk: Piter. Pp. 340–344.
- Akamatsu K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies, Preliminary issue No.1. Pp. 3–25.
- Arslanov V.V. (2017). Politicheskaya ekonomiya i gosudarstvo: uroki «Methodenstreit» [Political Economy and the State: Lessons from Methodenstreit]: Nauchnyy doklad. M.: Institut ekonomiki RAN.
- Azbelev N.P. (1905). O promyshlennosti i trgovle Yaponii [On the industry and commerce of Japan] // Mir Bozhiy. № 10. Pp. 67–94.
- Bernal J. (1956). Nauka v istorii obshchestva [Science in the history of society]. M.: Inostrannaya literatura.
- Bibikov P.A. (1869). Bibliografiya zamechatel'nykh sochineniy po politicheskoy ekonomii [Bibliography of the most remarkable essays on political economy] // Blanki ZH.A. Istoriya politicheskoy ekonomii v Yevrope. T. 2: Per. P.A. Bibikova. SPb.: Tip. I.I.Glazunova. Pp. 321–422.
- Blaug M. (1994). Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospective]. M.: Delo.
- Blaug M. (2005). Sto velikikh ekonomistov do Keynosa [One hundred great economists before Keynes]. SPb: Ekonomicheskaya shkola.
- Cameron R. (1997). A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. Oxford: Oxford University Press.
- Chuprov A.I. (1918). Istoriya politicheskoy ekonomii [The history of political economy]. M.: izd. M. i S. Sabashnikovykh.
- Cunningham U. (1903). Zapadnaya tsivilizatsiya s ekonomicheskoy tochki zreniya. Sredniye veka i Novoye vremya [Western civilization from an economic point of view. Middle Ages and New time]. M.: tip. A.I. Mamontova.
- Davydov I. (1927). Fridrikh List – apostol protektsionizma [Friedrich List – the apostle of protectionism] // Zapiski Nauchnogo obshchestva marksistov. № 1 (7). Pp. 66–90.
- Fallows J. (1995). Looking at the Sun. The Rise of the New East Asian Economic and Political System. New York.
- Freeman C. (1995). The “National System of Innovation” in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics, Vol. 19. Issue 1. 1 February.. Pp. 5–24.
- Gershenkron A. (2015). Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive [Economic backwardness in historical perspective]. M.: ID «Delo» RANKhiGS.
- Gide C. et Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Gloveli G.D. (2009). Geopoliticheskaya ekonomiya v Rossii: ot diskussiy o «samobytnosti» k global'nym modelyam (XIX – nachalo KHKH vv.) [Geopolitical economy in Russia: from discussions about “identity” to global models (XIX – early XX centuries)]. SPb.: Aleteyya.

- Gloveli G.D. (2013). Vsemirnyye vystavki kak vitrina i lokomotiv vtoroy tekhnologicheskoy revolyutsii [World exhibitions as a showcase and locomotive of the second technological revolution] // *Ekonomicheskaya politika*. 2013. №1. Pp. 96–115.
- Gloveli G.D. (2018). *Ekonomicheskaya istoriya: Uchebnik dlya bakalavrov. T. 1* [Economic history: a textbook for bachelors. Volume 1]. M.: Izd-vo Yurayt.
- Goldschmidt F. (1878). *Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirt*. Berlin: Verlag von Julius Springer.
- Hagemann H., Seiter S. and Wendler E. (2018). Introduction // *The Economic Thought of Friedrich List (Routledge Studies in the History of Economics)*. Bosa Roca, United States. Pp. 1–8.
- Hilferding R. (1959). *Finansovyy kapital* [Financial capital]. M.: Sotsekgiz.
- Isayev A.A. (1910). *Mirovoye khozyaystvo* [The World Economy]. SPb.: tipo-lit. Shredera.
- Itwell J. (2004). Importozameshchayushchiy i eksportoriyentirovanny ekonomicheskiy rost [Import-substituting and export-oriented economic growth] // *Ekonomicheskaya teoriya* /Pod red. Dzh. Ituella, M. Milgeyta, P. N'yumena. M.: INFRA-M. Pp. 430–433.
- Jun Bogang, Gerybadze A., Tai-Yoo Kim. (2016). The legacy of Friedrich List: The expansive reproduction system and the Korean history of industrialization // *Hohenheim Discussion Papers in Business, Economics and Social Sciences*. No. 02. Pp. 1–38.
- Kondrat'yev N.D. (2002). Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya [Big conjuncture cycles and the theory of foresight]. M.: Ekonomika.
- Kossa L. (1900). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [History of Economic Thought]. Kiyev; Khar'kov: Yuzhno-russkoye knigoizdatel'stvo.
- Kulisher I.M. (1908). *Ekonomicheskaya istoriya kak nauka, i periody v khozyaystvennom razvitii narodov* [Economic history as a science, and periods in the economic development of nations] // *Russkaya mysl'*. № 7. Pp. 53–79.
- Lebedeva I.P. (2007). *Yaponskaya ekonomika v usloviyakh globalizatsii* // *Natsional'naya ekonomika v usloviyakh globalizatsii* [Japanese economy in the context of globalization // National economy in the context of globalization]. / Pod red. I.P. Faminskogo. M.: Magistr. Pp. 66–88.
- Lindsay B. (2008). *Globalizatsiya: povtoreniye proydennogo. Neopredelennoye budushcheye global'nogo kapitalizma* [Globalization: a repetition of the past. The uncertain future of global capitalism]. M.: IRISEN.
- List F. (1841). *Das Nationale System der politischen Ökonomie*.
- List F. (1856). *National System of Political Economy*. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- List F. (2017). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii* [National System of Political Economy]: Per. s nem. V.M. Izergina /Pod red. K. V. Trubnikova. M.; Chelyabinsk: ID «Sotsium».
- Love J. (2015). Pod'yem i upadok ekonomicheskogo strukturalizma v Latinskoj Amerike: novyye aspekty [The rise and decline of economic structuralism in Latin America: new aspects // *Origins: qualitative shifts in economic reality and economic science*]. // *Istoki: kachestvennyye sdvigi v ekonomicheskoy real'nosti i ekonomicheskoy nauke*. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. Pp. 453–490.
- Love J. (2015a). Raul' Prebish i vozniknoveniye doktriny neekvivalentnogo obmena [Raul Prebisch and the emergence of the doctrine of non-equivalent exchange // *Origins: qualitative shifts in economic reality and economics*] // *Istoki: kachestvennyye sdvigi v ekonomicheskoy real'nosti i ekonomicheskoy nauke*. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. Pp. 411–452.
- Metzler M. (2006). *The Cosmopolitanism of National Economics: Friedrich List in a Japanese mirror* // *Global History: Interactions between the Universal and the Local*. Ed by A. G. Hopkins. Basingstok., N.Y.: Palgrave Macmillan. Pp. 98–130.
- Meyer H.C. (1955). *Mitteleuropa in German Thought and Action (1815–1945)*. The Hague. Martinus Nijhoff Springer Dordrecht.
- Nikitskiy A.I. (1893). *Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda* [The history of economic life of Veliky Novgorod]. Predisl. S.A. Kharizomenova. M.: Universitetskaya tip.
- Norman G. (1952). *Stanovleniye kapitalisticheskoy Yaponii* [Formation of capitalist Japan]. M.: Inostrannaya literatura.
- Okrut Z.M., Fam Za Min' (1992). *Model' ekonomicheskogo razvitiya Yuzhnoy Korei. Put' k protsvetaniyu* [The economic development model of South Korea. The path to prosperity]. M.: Finansy i statistika.
- Orekhovskiy P.A. (2014). *Strukturalizm kak pamflet (O knige E. Raynerta «Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi»*. 2-ye izd.) [Structuralism as a pamphlet (On E. Reinert's book "How rich countries became rich, and why poor countries remain poor." 2nd ed.)] // *Voprosy ekonomiki*. № 12. Pp. 147–153.
- Ozawa T. (2005). *Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The Flying Geese Paradigm of Catch-up Growth*. Northhampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Popov G.G. (2007). *Natsional'noye ekonomicheskoye razvitiye v usloviyakh globalizatsii: Fridrikh List VS Klassicheskaya shkola* [National Economic Development in the Context of Globalization: Friedrich List VS Classical School]. // *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 5. № 4. Pp. 71–85.
- Porter M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. N. Y.: Free Press.
- Porter M., Takeuti KH., Sakakibara M. (2005). *Yaponskaya ekonomicheskaya model': Mozhet li Yaponiya konkurirovat'?* [Japanese economic model: Can Japan compete?]. M.: Al'pina Biznes Buks.

- Prebish R.* (1992). *Periferiyyny kapitalizm: yest' li yemu al'ternativa?* [Peripheral capitalism: is there an alternative?]. M.: ILA RAN.
- Reinert E.* (2011). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor]. M.: ID GU-VSHE.
- Rykachev A.* (1903). *Angliyskiye ekonomisty i proteksionizm* [English economists and protectionism] // *Narodnoye khozyaystvo*. № 6. Pp. 104–112.
- Schmoller G.* (1902). *Narodnoye khozyaystvo, nauka o narodnom khozyaystve i yeye metody* [The national economy, the science of the national economy and its methods]. M.: K.T. Soldatenkov.
- Schumpeter J. A.* (1954). *The History of Economic Analysis*. Oxford University Press, New York.
- Sobolev M.N.* (1896). *List, Fridrikh* [Liszt, Friedrich // Encyclopedic Dictionary] // *Entsiklopedicheskiy slovar'*. Polutom 34. SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Pp. 761–762.
- Spiegel G.* (2004). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii* [National System of Political Economy // Economic Theory] // *Ekonomicheskaya teoriya / Pod red. J. Iwella, M. Milgeyta, P. N'yumena*. M.: INFRA-M. Pp. 601–605.
- Stadwell J.* (2017). *Aziatskaya model' upravleniya: udachi i provaly samogo dinamichnogo regiona v mire* [Asian management model: good luck and failures of the most dynamic region in the world]. M.: Al'pina publisher.
- Stepanov V.L.* (2018). *Neftyanaya politika S.YU. Vitte v Zakavkaz'ye (1892–1903 gg.)* [Oil Policy S.Y. Witte in Transcaucasia (1892-1903)]. // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 2. Pp. 136–145.
- Struve P.* (1894). *Kriticheskiye zametki k voprosu ob ekonomicheskoy razvitiy Rossii* [Critical notes on the issue of the economic development of Russia]. Vyp. 1. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova.
- Takenaka I.* (1988). *Strukturnyye izmeneniya i novyy etap razvitiya yaponskoy ekonomiki* [Structural changes and the new stage of development of the Japanese economy] // *Yaponiya. Yezhegodnik*. M.: Nauka. Izd. firma «Vostochnaya literatura». Pp. 124–142.
- Tatsuno S.* (1989). *Strategiya – tekhnopolisy* [Strategy – technopolises]. M.: Progress.
- Tekhnikum* (1901) // *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Technical School (1901) // Encyclopedic Dictionary]. Polutom 65. SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Pp. 120–121.
- Thurow L.C.* (1991). *Declining Industries* // *The World of Economics*. The New Palgrave. / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. 2 ed. L. and Basingstoke: The Macmillan Press Limited. Pp. 160–163.
- Toffler O.* (1986). *Rasa, vlast' i kul'tura* // *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [Race, power and culture // New technocratic wave in the West]. M.: Progress. Pp. 276–288.
- Tsedilin L.I.* (2014). *Promyshlennaya politika po Fridrikh Listu* [Friedrich List List Industrial Policy] // *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. № 6. Pp. 102–110.
- Tselishchev I.S.* (2001). *Yaponskaya model' rosta: sberezheniya, kreditovaniye, investirovaniye* [The Japanese model of growth: savings, lending, investment] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. № 6. Pp. 87–96.
- Van der Wee G.* (1994). *Istoriya mirovoy ekonomiki. 1945–1990* [The history of the world economy. 1945–1990]. M.: Nauka.
- Vernadskiy I.V.* (1858). *Prospekt politicheskoy ekonomii* [Prospect of political economy]. SPb.: tip. P.A.Kulisha.
- Wallerstein I.* (2015). *Mir-sistema Moderna I. Kapitalisticheskoye sel'skoye khozyaystvo i istoki yevropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [World-system of Modernity I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century]. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo.
- Witte S.Y.* (1997). *Konspekt lektsiy o gosudarstvennom i narodnom khozyaystve* [Summary of lectures on the state and national economy]. M.: Fond «Nachala».
- Yonemura N., Tsukamoto H.* (1992). *Opyt poslevoynnoy Yaponii v reformirovaniy ekonomiki* [Experience of post-war Japan in reforming the economy] // *Voprosy ekonomiki*. № 11. Pp. 82–92.

А.А. Мальцев

д.э.н., профессор, Уральский государственный экономический университет; ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия; докторант Университета Пикардии им. Жюль Верна, Амьен, Франция

В.В. Сухих

к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ИСТОКИ ОТСТАВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СЛУЧАЙ ОДНОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. Причины неудовлетворительного состояния российского сообщества экономистов и его невысокой международной репутации многократно обсуждались в литературе. Несмотря на многочисленные исследования, среди специалистов по-прежнему нет консенсуса по поводу возможных факторов, обусловивших отставание российской экономической науки от мировой. С точки зрения авторов статьи, одним из возможных и малоисследованных объяснений природы данного явления выступает внутрипартийная борьба 1920-х гг., приведшая не только к предельной догматизации экономической науки и ее изоляции от глобального экономического дискурса, но и к гиперцентрализации всей системы экономических исследований и подготовки экономистов в нескольких центрах. В данной статье на примере Екатеринбурга / Свердловска 1920-х гг. рассмотрены некоторые идеологические и политические мотивы, лежавшие в основе опасений государства по поводу предоставления регионам возможности развивать экономическую науку и готовить кадры экономических специальностей в высшей школе.

Ключевые слова: *российская экономическая наука, российские экономисты, влияние политики и идеологии на науку, экономические исследования на Урале.*

Классификация JEL: A14, B19.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10206

Если воспользоваться RePEC, крупнейшей на сегодняшний день библиографической базой данных по публикациям в области экономики, то выяснится, что по состоянию на июль 2019 г. в страновом рейтинге, составленном по числу цитирований, Россия занимает 51-е место, пропуская вперед не только Китай, Бразилию и Индию, но и Португалию, Грецию и Сингапур². В чем же кроются причины столь невысокого положения РФ в миро-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.

Авторы выражают искреннюю признательность В.А. Мальцевой за продуктивные обсуждения отдельных положений настоящей статьи.

² ideas.repec.org/top/top.country.all.html.

вой экономической науке? В литературе на этот счет существует несколько точек зрения. Предельно обобщая, можно выделить три основные интерпретации. Одни исследователи связывают природу «незаметности» российских экономистов в международных научных рейтингах с «догоняющим» характером развития экономики России, вынуждающего импортировать не только институциональные практики, но и экономико-теоретические наработки стран-лидеров мирового хозяйства, оставляющие местным специалистам скромную роль адаптаторов зарубежного концептуального багажа к отечественным хозяйственным реалиям [Федоров, 2001. С. 30–33]. Сторонники второго подхода считают, что решение задачи приближения стандартов занятия экономическими исследованиями в РФ к мировому уровню сдерживает нехватка финансирования и чрезмерная бюрократизация научно-образовательной сферы³. Другие усматривают корень проблемы в последствиях травмы, нанесенной российской экономической науке приходом к власти большевиков и последующим утверждением режима личной власти И.В. Сталина⁴.

Несмотря на различные точки зрения, большинство специалистов согласны с тем, что даже невзирая на огромные потери, причиненные Октябрьской революцией сообществу экономистов, с конца XIX в. и вплоть до конца 1920-х гг. экономическая наука в России в целом развивалась в русле мировых тенденций. Однако сталинский «Великий перелом» 1929 г., как справедливо замечает В. Барнетт, обернулся для нее «настоящей трагедией» [Barnett, 2005. P. 136]. В 1930–1940-е гг. наряду с физическим уничтожением целой когорты блестящих ученых произошел окончательный разрыв с мировой экономической наукой, последствия которого не удастся преодолеть по сей день.

Полностью разделяя данное мнение, следует заострить внимание еще на одном важном моменте, который, на наш взгляд, позволяет добавить в дискуссию об истоках проблемы недостаточного присутствия российских экономистов в мировой науке малоисследованный аспект. Традиционно принято считать, что 1920-е гг. в плане развития экономических исследований в СССР прошли под знаком относительного свободомыслия [Allison, 2015]. Такая точка зрения представляется полностью оправданной, но при одной оговорке: в экономических дискуссиях 1920-х гг. были слышны голоса преимущественно столичных экономистов, тогда как их коллеги с периферии были практически лишены возможности выразить свое мнение. В данной статье, на примере Свердловской области, мы покажем, чем мотивировалось недопущение властями создания в Екатеринбурге / Свердловске в 1919 – 1928 гг. центра экономических исследований, какое влияние на эти процессы оказали столкновения различных политических группировок и к каким последствиям это привело для занятия экономической наукой на Урале.

Разумеется, подробно осветить данные проблемы в рамках одной статьи невозможно. Кроме того, подробный анализ – по существу поставленных вопросов – требует проведения большой архивной работы, которая только планируется авторами этих строк. Поэтому мы предлагаем рассматривать настоящий материал как своеобразный призыв обратить внимание на необходимость изучения истории занятия экономическими исследованиями в регионах России и повод в очередной раз задуматься о причинах непростой судьбы социальных наук в нашей стране в целом и экономических дисциплин в частности.

³ По-видимому, к этой точке зрения склоняется значительная часть самих российских экономистов. См. подробнее, например: [Мальцев, 2016; 2018].

⁴ См. подробнее, например: [Boldyrev, Kragh, 2015; Melnik, 2018].

Идеологические истоки «москвоцентричности» российской экономической науки

«Экономисты диспропорционально сконцентрированы в Москве», – писали в 1971 г. авторы доклада ЦРУ, посвященного анализу структуры сообщества советских экономистов и обзору деятельности экономических институтов АН СССР, а также советских факультетов экономики [Survey of Soviet Economists, 1971. P. 1]. Спустя без малого 50 лет ситуация изменилась мало. Если вновь обратиться к ресурсам RePEc, то окажется, что в 2016 г. из 66 научно-образовательных учреждений в области экономики, вошедших в топ-25% российского рейтинга, $\frac{3}{4}$ располагались в столице⁵. Безусловно, подобную «москвоцентричность» можно списать на традиционную централизацию всех сторон российской общественной и академической жизни. Однако даже по меркам других наук столь значительное преобладание московских вузов и научных центров выглядит аномальным. Скажем, в рейтинге факультетов российских университетов журнала «Эксперт», делающим особый упор на оценку публикационной активности в международных реферируемых изданиях, доля учреждений, расположенных в Москве, в предметной области «физика и астрономия» в 2016 г. составила 30,4%, в предметной области «математика» – 26,9, в предметной области «химия» и вовсе лишь 25%⁶.

На наш взгляд, истоки подобной централизации в изучении экономики уходят корнями в первые годы становления Советской власти и будут отчасти объяснимы, если принять во внимание перипетии тогдашней внутрипартийной борьбы. В контексте настоящей статьи особый интерес представляют последствия данной политической схватки на развитие и характер занятия экономической наукой в регионах, а именно в Свердловской области. Однако перед тем, как мы перейдем к описанию ситуации с экономическими исследованиями в Екатеринбурге / Свердловске 1920-х гг., следует кратко остановиться на том, что из себя в этот период представлял Средний Урал в экономическом плане и почему к нему было приковано столь большое внимание центральных властей.

Как известно, к началу XX столетия уральская промышленность начала отставать в своем развитии от новых индустриальных центров Юга страны. Несмотря на осознание необходимости модернизации уральской промышленности государством и местным бизнесом, переломить ситуацию долгое время не удавалось. Это привело к череде банкротств, всплеску структурной безработицы и распространению среди уральских рабочих достаточно радикальных политико-экономических взглядов.

Ситуация начала меняться в годы Первой мировой войны, когда потеря польской промышленности и угрозы потери прибалтийской индустрии вынудили правительство и заводоладельцев заняться перестройкой и модернизацией уральских заводов для военных нужд. Советская власть с самых первых дней своего существования также уделяла Уралу особое внимание, которое обуславливалось, прежде всего, географическим положением региона, делающим его неуязвимым для иностранного вторжения. Как замечал в 1923 г. В.Е. Грум-Гржимайло: «Урал есть при наступлении с запада и востока главная военная тыловая база Советской Республики, что делает Урал сосредоточением всей военной промышленности государства» [Грум-Гржимайло, 1923. С. 310]. Это обстоятельство делало Средний Урал индустриальным гарантом существования советского строя и требовало повышенного идеологического контроля за общественными настроениями в стратегически важном регионе.

Данная задача углублялась еще и тем, что Урал оказался в глазах центра крайне неблагонадежной в политическом плане территорией. Дело в том, что именно Урал был

⁵ ideas.repec.org/top/old/1612/top.russia.html.

⁶ Рассчитано по: [Толмачев, Кузнецов, 2016. С. 59, 62, 64].

выбран Л.Д. Троцким в качестве хозяйственного плацдарма, призванного обеспечить влияние его фракции. 15 января 1920 г. на основе III армии РККА была создана Первая революционная армия труда (Уральская трудармия) со штабом в Екатеринбурге. Председателем ее Совета был назначен Троцкий, который лично приехал для ее руководства в феврале 1920 г. За время пребывания на Урале Троцкому удалось заручиться поддержкой местных властей и приступить к обоснованию необходимости создания на Урале независимой от ВСНХ РСФСР хозяйственной структуры, лично подчиненной председателю Совтрудармии. Не получив поддержки Совнаркома, Троцкий впоследствии еще неоднократно лоббировал создание органа, призванного координировать восстановление местной промышленности и ее последующего технического перевооружения. Однако все инициативы, направленные на создание Уральского областного хозяйственного центра, встретили мощное сопротивление, так как в случае его образования Троцкий и его сторонники получали бы контроль над огромными человеческими и материальными ресурсами [Хазиев, 2007. С. 63, 97].

Попытка Троцкого стала наглядным подтверждением опасений центральной власти, что любая хозяйственная самостоятельность регионов несет для нее серьезную угрозу. Впрочем, неприятие рассуждений о региональных особенностях и необходимости учета локальной хозяйственной специфики, по-видимому, было изначально свойственно руководству большевиков, усматривавшему в них лишь прикрытие теоретического и политического ренегатства. Прекрасной иллюстрацией этой позиции является сборник «Ленин об Урале» [Ленин об Урале, 1969], включающий в себя все упоминания основателя партии об Урале и его промышленности. В.И. Ленин охотно берет из сообщений с мест фактические данные, но или критикует, либо совершенно игнорирует теоретические размышления уральцев, заведомо отмечая их как ошибочные.

Неудивительно, что любая инициатива, направленная на расширение экономической самостоятельности регионов, не могла встретить поддержки центральных властей. В свою очередь, опасения по поводу предоставления дополнительных хозяйственных полномочий регионам приводили к тому, что все попытки уральцев начать обсуждение вопросов экономической политики жестко пресекались. Была четко указана граница, которую запрещалось переходить при обсуждении социально-экономических проблем. Скажем, в 1920 и 1921 гг., когда внутри партии шли горячие дискуссии по проблемам экономического строительства и выбора дальнейшего пути развития экономики РСФСР, в «Уральском рабочем» (главной общественно-политической газете Урала, появившейся еще в 1907 г.) практически все статьи, посвященные важнейшим вопросам экономической политики (использования иностранного капитала, народнохозяйственного планирования и путей модернизации промышленности, пр.), принадлежали московским лидерам партии [Андреев, 1920. С. 1; Рыков, 1920. С. 2–3; Троцкий, 1920. С. 2–3].

Несмотря на очевидные преграды, стоящие на пути развития экономической науки, начало 1920-х гг. внушало определенные надежды на возможность интенсификации экономических исследований на Урале⁷. Именно в этот период здесь начала выходить экономическая периодика, направленная на изучение прикладных проблем хозяйственного развития края (в частности, журнал «Промышленный Урал»), издания Уральского промышленного бюро ВСНХ, пр. В 1921 г. вышла книга А.И. Зака «Мировое снабжение углем». Уральское областное статистическое управление не ограничивалось подготовкой сборников статистической информации, но и выпускало различные аналитические обзоры, а его руководитель, будущий академик В.С. Немчинов, в 1923 г. опубликовал книгу «Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие)», в которой обосновал и рассчитал интегральный показатель экономической динамики уральского хозяйства.

⁷ Более подробно об особенностях организации экономических исследований на Среднем Урале в 1920-е гг. говорится в: [Сухих, Важенин, 2019].

В условиях отсутствия научно-исследовательских учреждений, занимавшихся вопросами изучения ресурсной базы Урала и ее использования, в сборе данной информации для нужд образованного в 1921 г. Уралплана помогало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), созданное в Екатеринбурге еще в 1870 г. Несмотря на эмиграцию и гибель многих своих членов в годы революции и гражданской войны, УОЛЕ к началу 1920-х гг. сохранило разветвленную сеть контактов с отечественными и зарубежными специалистами, что позволило продолжить координацию участия экспертов по различным аспектам (в том числе и хозяйственным) освоения недр и развития промышленности.

Другим важным каналом получения данных о состоянии экономики Урала уральскому руководству виделось развертывание массового краеведческого движения. В 1924 г. появилось Уральское областное бюро краеведения, а спустя год на Урале уже насчитывалось 83 краеведческие организации. Значимость краеведческой информации для экономистов видный специалист по экономике промышленности Урала М.И. Альтшуллер пояснял следующим образом: «В области экономического исследования, – писал экономист в 1927 г., – значение этого массового движения (краеведческого. – А.М, В.С.) увеличивается благодаря тому, что результаты изучения могут иметь быстрое практическое применение... Самые тщательные проекты капитального строительства, самая вдумчивая и глубокая кабинетная разработка вопроса о капитальных вложениях не смогут заменить коллективных сведений и ценных материалов, которые имеются у местного населения» [Альтшуллер, 1927. С. 14].

Не принижая значимости краеведения, нельзя не отметить, что краеведы могли лишь в лучшем случае помочь в сборе экономических данных, тогда для их обработки и последующей интерпретации требовались экономисты, дефицит которых становился все более очевидным по мере восстановления промышленности Урала. Между тем, по данным Уралоблисполкома зимой 1929 года в уральской промышленности насчитывалось лишь 50 инженеров-экономистов, 152 техника-экономиста и 258 так называемых «экономистов – практиков», то есть людей без какого-либо профессионального образования [Из истории Свердловской области, 1982. С. 120]. Подобные цифры наглядно демонстрировали необходимость появления собственного центра подготовки экономистов и проведения экономических исследований.

Преграды на пути появления уральского центра экономического образования

Шансы на обретение Екатеринбургом собственного центра экономической науки появились в 1920 г. с учреждением в городе университета, куда включили пострадавший в годы гражданской войны горный институт. В университете предполагалось создание института общественных наук, призванного, по мысли первого ректора А.П. Пинкевича, «готовить деятелей в области административно-хозяйственной, т.е. дать образованных статистиков, кооператоров, работников в коммунальном хозяйстве и в профессиональных союзах» (цит. по: [Главацкий, 2000. С. 56]). Более того, из телеграммы А.П. Пинкевича В.И. Ленину следует, что ректор считал целесообразным открытие в университете отдельного экономического и административного института. В довершение ко всему, в университете планировалось ввести преподавание политической экономии как части базового курса для студентов всех специальностей.

Однако этим начинаниям оказалось не суждено сбыться. Некоторые крупные советские деятели, такие, как, например, Г.Л. Пятаков, на тот момент зампреда в Уральской армии труда, сразу выступили против образования университета в Екатеринбурге [Главацкий, 2000. С. 39–40]. Если к этому добавить сложности с финансированием и привлечением преподавателей, то становится понятным, почему достаточно

долгое время университет балансировал на грани закрытия, институты в его составе сократились до нескольких факультетов, а экономический и вовсе не был создан.

Но почему в Екатеринбурге в 1920-х гг., учитывая высокую потребность в квалифицированных кадрах в столь важном для советской власти регионе, так и не возник экономический факультет, не появились специализированные научно-исследовательские институты, занимавшиеся экономическими исследованиями? Неужели проблема заключалась лишь в опасениях центра по поводу политической неблагонадежности уральцев, выразившейся, в частности, в связях многих работавших в данном крае экономистов и хозяйственных работников с Троцким?

Безусловно, эти соображения нельзя сбрасывать со счетов. Среди партийной оппозиции и сторонников председателя Реввоенсовета насчитывалось немало видных деятелей, так или иначе связанных с Уралом. Среди них, например, можно выделить А.Г. Белобородова, Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского, И.Т. Смилгу, Д.Е. Сулимова и многих других влиятельных персон. К тому же необходимо учитывать, что переход к НЭПу встретил отнюдь не безоговорочную поддержку в рядах уральских партийцев. Среди них скорее «преобладали настроения, состоявшие в восприятии НЭПа как временной меры, как политики крайне опасной для господствующего положения большевистской партии» [Азаров, 2015. С. 11]. В этом уральцы, с позиции Москвы, стояли на вполне троцкистских позициях. Согласно воспоминаниям Н.В. Валентинова, Троцкий в апреле 1923 г. в своем докладе на XII съезде партии говорил об опасности, порожденной тем, что «мы вызвали в свет рыночного дьявола». Затем Троцкий вопрошал: «Начинается эпоха капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?*». Осенью 1923 г. об угрозах, создаваемых НЭПом для социалистической экономики, постоянно говорил заместитель председателя ВСНХ Г.Л. Пятаков: «Зародыши товарной капиталистической системы выросли и грозят неисчислимыми напастями социалистической системе» [Валентинов, 1991. С. 69]. Поэтому с точки зрения Москвы появление в Екатеринбурге центра экономических исследований было чревато созданием опасного прецедента, когда несогласные с ее линией лица могли получить публичную площадку для выражения своей позиции. Неудивительно, что даже в образованном в 1924 г. и занимавшимся подготовкой партийных кадров Урало-Сибирском коммунистическом университете изучение и обсуждение теоретико-экономических вопросов не одобрялось.

У читателей может сложиться впечатление, будто бы все проблемы занятия экономическими исследованиями на Урале в 1920-е гг. сводились исключительно к перипетиям внутрипартийных конфликтов, обострившихся после Гражданской войны, и усугублялись стратегическим характером уральского региона. Однако, на наш взгляд, истоки этих трудностей лежат гораздо глубже и коренятся в самой природе ленинской партии. Если, например, меньшевики признавали плюрализм мнений по вопросам экономического толка, то Ленин последовательно отрицал какое-либо право своих сторонников и тем более оппонентов на самостоятельность в области теории. Уже только поэтому большевики не могли беспристрастно относиться к людям, полностью не разделявшим их убеждения. К своему несчастью многие уральские экономисты имели «неправильный» дореволюционный образовательный бэкграунд либо эсерское прошлое. К числу эсеров, скажем, относились арестованный в 1931 г. М.А. Сигов – преподаватель экономики и истории на рабфаке Уральского политехнического института и расстрелянный в 1941 г.; С.А. Бессонов – ректор Уральского университета в 1924–1925 гг., читавший там курс «Капитализм и пролетарская революция» [Ректоры Уральского государственного университета, 2010. С. 39].

При объяснении факторов, обуславливавших трудности с организацией экономического образования и исследований на Урале, нельзя также недооценивать и такие «прозаичные» причины, как банальную нехватку специалистов. К концу 1926 г. в Уральском

политехническом институте, крупнейшем вузе Свердловска, насчитывалось всего 87 ассистентов, доцентов и профессоров всех специальностей [Суворов, 2008. С. 65]. Кроме того, начавшаяся в 1930-е гг. стремительная индустриализация сделала первоочередной задачей форсированной подготовки инженерно-технических кадров, что привело к «втузизации» высшей школы [Кузьминов, и др., 2013. С.19] – созданию большого числа узкоспециализированных технических вузов. Так, в 1930 г. на базе Уральского политехнического института было создано 9 втузов, что, естественно, привело к размыванию и без того не очень обширной кадровой базы [Мартюшов, Суворов, 2017. С. 94].

Однако Урал, стремительно превращающийся в один из важнейших оборонно-промышленных центров СССР, не мог обходиться без специалистов экономического профиля. Для удовлетворения потребностей края в экономических кадрах в 1935 г. в Уральском индустриальном институте открывается инженерно-экономический факультет, а в 1941 г. в уральском филиале Академии наук создается группа экономических исследований.

Казалось бы, институциональное обособление экономистов должно было дать импульс исследовательской работе в области экономики, однако с начала 1930-х гг. попытки выйти за пределы прикладной сферы на Урале, по сути, практически не предпринимались. Самостоятельный экономический факультет, способный готовить экономистов-теоретиков, появился в Уральском государственном университете только в 1960 г., но уже в 1967 г. на его базе создается Свердловский институт народного хозяйства /СИНХ (ныне Уральский государственный экономический университет), ориентированный преимущественно на подготовку кадров для системы бухгалтерского учета, торговли и общественного питания. Лишь в 1983 г. в Уральском университете открывается первая за пределами Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Томска специальность «Политическая экономия», направленная на подготовку специалистов с фундаментальным – в советском понимании – теоретико-экономическим образованием [Кадочников, 2017. С. 265].

Вместо заключения

К началу 1930-х гг. окончательная сакрализация марксистско-ленинских догм в качестве светской религии резко затруднила обсуждение проблем экономико-теоретического толка. Из-за этого даже в послевоенный период советские экономисты-математики, чьи исследования велись в русле мировых тенденций⁸, были вынуждены «маскировать» свои исследования под прикладную математику и старались избегать концептуальных обобщений [Boldyrev, Kirtchik, 2017]. Заместитель директора ЦЭМИ АН СССР в 1973–1986 гг. Э.Б. Ершов в интервью, взятом у него И.А. Болдыревым и О.И. Кирчик, описывал эту особенность следующим образом: «в Советском Союзе математическое моделирование экономики рассматривалось сквозь призму практического использования, в противном случае оно бы расценивалось как антисоветская деятельность» [Boldyrev, Kirtchik, 2013. Р. 10].

В свою очередь, утверждение отношения к экономической науке как к «служанке партийных установок»⁹ обуславливало необходимость идеологического надзора за деятельностью экономистов. Разумеется, его осуществление облегчалось при нахождении объектов контроля в непосредственной близости от проверяющих. Это обстоятельство вкупе с характерной для России сверхцентрализацией всех ресурсов в нескольких крупных городах во многом обуславливало то, что теоретизирование на экономические темы, изучение зарубежных концепций и мировой экономики стали прерогативой представителей нескольких академических центров, расположенных, главным образом, в Москве и Ленинграде.

⁸ См. подробнее: [Boldyrev, Kirtchik, 2014].

⁹ См. подробнее: [Гловели Г.Д. Политическая экономия. bigenc.ru/economics/text/3154394].

Возрождение экономической науки во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., пожалуй, за исключением образования мощного экономико-математического центра в Новосибирске, мало изменило ситуацию. Советские экономисты, работавшие в регионах, в своей массе были вынуждены заниматься пусть востребованными на местном уровне, но, как правило, весьма далекими от принятых в мире стандартов исследованиями. Хуже того, даже в случае, если бы они захотели овладеть современным экономическим знанием, то им было просто не у кого его приобрести. Репрессии 1930-х гг. нанесли страшный удар и по без того немногочисленной группе носителей мирового экономического дискурса, а выжившие в годы сталинских чисток представители старых дореволюционных традиций получили настолько мощную социальную травму, что зачастую предпочитали уходить в более безопасные в политическом плане предметные области или заниматься защитой существующего status quo.

Таким образом, если представить, что какой-нибудь пытливым экономист из послевоенного Свердловска все-таки смог освоить математические методы анализа (скажем, под началом Ю.Ш. Гуревича – заведующего кафедрой высшей математики СИНХа, в будущем ставшим главным научным сотрудником Microsoft)¹⁰, то узнать что-то о современных достижениях в области экономической теории ему было неоткуда. По понятным причинам возможность восполнить этот пробел появилась лишь в 1990-е гг., когда уральские экономисты вслед за своими столичными коллегами стали пытаться приобщаться к мировой экономической науке. Результаты этого знакомства нуждаются в дополнительном изучении, а пока можно лишь с сожалением говорить о том, что последствия академической изоляции и уничтожения экономистов в 1920 – 1930-е гг. полностью не изжиты даже спустя практически 100 лет. Здесь весьма уместным выглядит замечание А.А. Аузана: «Не надо ученых превращать в лагерную пыль»¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаров В.Н. (2015). Политическая жизнь Урала в первые годы НЭПа // Научный диалог. № 4. С. 8–18.
- Альтшуллер М.И. (1927). Элементы экономического исследования в краеведении // Уральское краеведение. Выпуск первый. Свердловск: Издание уральского областного бюро краеведения. С. 14–19.
- Андреев А. (1920). Использование иностранного капитала // Уральский рабочий. № 291. 10 декабря. С. 1.
- Валентинов (Вольский) Н.В. (1991). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник.
- Главацкий М.Е. (2000). История рождения Уральского университета. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Грум-Гржимайло В.Е. (1923). Перспективы Екатеринбурга // Екатеринбург за двести лет (1723–1923) / Под ред. В.М. Быкова. Екатеринбург: Типография «Гранит» акционерного общества «Уралкнига». С. 307–311.
- Из истории Свердловской области: Сб. док. и материалов, 1917–1975. (1982). Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.
- Кадочников С.М. (2017). Екатеринбург / Под ред. Юдкевич М.М. Другие города. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 264–269.
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. (2013). Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-классу» // Вопросы образования. № 4. С. 8–69.
- Ленин об Урале (1969). Свердловск: Средне-Уральское издательство.
- Мальцев А.А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158.
- Мальцев А.А. (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения // Вопросы экономики. № 4. С. 129–148.
- Мартюшов Л.Н., Суворов М.Н. (2017). История образования в России и на Урале. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Ректоры Уральского государственного университета (2010). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Рыков А. (1920). Положение промышленности и меры к ее восстановлению // Уральский рабочий. № 308. 29 дек. С. 2–3.

¹⁰ История кафедры. pm.usue.ru/o-kafedre/istoriya.

¹¹ Москва, Тверская улица, дом 6 – Александр Александрович Аузан. www.youtube.com/watch?v=3mi6L2Tks4U.

- Суворов М.В. (2008). Становление и развитие школы высшего образования на Урале в 1917–1941 гг. // Педагогическое образование. № 2. С. 61–69.
- Сухих В.В., Важенин С.Г. (2019). Особенности организации экономических исследований в 1920-е годы (на примере Екатеринбурга/Свердловска) // Историко-экономические исследования. № 4.
- Толмачев Д., Кузнецов П. (2016). Рейтинг факультетов // Эксперт-Урал. № 23. С. 58–67.
- Троцкий Л.Д. (1920). Путь к единому хозяйственному плану // Уральский рабочий. № 272. 18 нояб. С. 2–3.
- Федоров В.П. (2001). Почему у нас нет великих экономистов? // Экономические стратегии. № 5–6. С. 30–33.
- Хазиев Р.А. (2007). Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. М.: РОССПЭН, 2007.
- Allison F. (2015). Russia and Ukraine / Barnett V. (Eds.). Routledge Handbook of the History of Global Economic Thought. Pp. 102–111.
- Barnett V. (2005). A History of Russian Economic Thought. L., N.Y.: Routledge.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2013). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union // HSE Working Paper No. WP6/2013/05.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich' // History of Political Economy. Vol. 46. Pp. 435–461.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2017). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, less than a Discipline // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Vol. 63. Pp. 1–10.
- Boldyrev I., Kragh M. (2015). Issak Rubin: Historian of Economic Thought During the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 37. Issue 3. Pp. 363–386.
- Melnik D. (2018). Repressive Fields: Economic Theory in Late Stalinism and the Leningrad Affair // Hass J. (Eds.). Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytical Tool from Field Theory. L.: Palgrave Macmillan. Pp. 153–182.
- Survey of Soviet Economists and Economic Research Organizations. (1971). Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence.

Мальцев Александр Андреевич

almalzev@mail.ru

Alexander Maltsev

doctor habilitatus in economics, professor of the Global Economy Department, Ural State University of Economics Yekaterinburg, Russia; leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Ural branch) Yekaterinburg, Russia; doctoral candidate, CRIISEA University of Picardie Jules Verne, Amiens, France
almalzev@mail.ru

Сухих Василий Валентинович

vsuhih@mail.ru

Vasiliy Sukhih

PhD in economics, senior researcher, The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Ural branch), Yekaterinburg, Russia; associate professor of the Global Economy Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
vsuhih@mail.ru

THE ORIGINS OF THE RUSSIAN ECONOMICS BACKWARDNESS: THE CASE OF ONE REGION¹²

Abstract. The reasons for the poor state of the Russian community of economists and its low international reputation have been widely discussed in the literature. Despite numerous studies, there is lack of consensus among scholars on the issues that caused backwardness of the Russian economics. We believe that one of the possible explanations for this phenomenon is the power struggle of the 1920s within Communist party that led not only to extreme dogmatization of the Soviet economics and its isolation from global economic discourse, but also to the hyper-centralization of economic research and training of economists in several centers. In this article, using the example of Yekaterinburg / Sverdlovsk of the 1920s, we examine the ideological and political motives behind Soviet government fears to provide regions with opportunity to develop economic research and professional training.

Keywords. *Russian economics, Russian economists, influence of politics and ideology on science, economic research in the Ural region.*

JEL Classification: A14, B19.

¹² The article was prepared with the support of the Grant of the President of the Russian Federation for the Young Scientists (Research Project No. MD-59.2019.6).

REFERENCES

- Allison F. (2015). Russia and Ukraine / Barnett V. (Eds.). Routledge Handbook of the History of Global Economic Thought. P. 102–111.
- Al'tshuller M.I. (1927). Jelementy jekonomicheskogo issledovanija v kraevedenii [Elements of economic research in regional studies] // Ural'skoe kraevedenie. Vypusk pervyj. Sverdlovsk Izdanie ural'skogo oblastnogo bjuro kraevedenija. Pp. 14–19.
- Andreev A. (1920). Ispol'zovanie inostrannogo kapitala [Use of foreign capital] // Ural'skij rabochij. № 291. 10 dekabnja. Pp. 1.
- Azarov V.N. (2015). Politicheskaja zhizn' Urala v pervye gody NJePa [Political life of the Urals in the early years of the NEP] // Nauchnyj dialog. № 4. Pp. 8–18.
- Barnett V. (2005). A History of Russian Economic Thought. L., N.Y.: Routledge.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2013). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union // HSE Working Paper No. WP6/2013/05.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich' // History of Political Economy. Vol. 46. Pp. 435–461.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2017). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, less than a Discipline // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Vol. 63. Pp. 1–10.
- Boldyrev I., Kragh M. (2015). Issak Rubin: Historian of Economic Thought During the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 37. Issue 3. Pp. 363–386.
- Fedorov V.P. (2001). Pochemu u nas net velikih jekonomistov? [Why don't we have great economists?] // Jekonomicheskie strategii. № 5–6. Pp. 30–33.
- Glavackij M.E. (2000). Istorija rozhdenija Ural'skogo universiteta [The history of the birth of the Ural University]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.
- Grum-Grzhimajlo V.E. (1923). Perspektivy Ekaterinburga // Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923) [Prospects of Yekaterinburg // Yekaterinburg for two hundred years (1723–1923)]/ Pod red. V.M. Bykova. Ekaterinburg: Tipografija «Granit» akcionernogo obshhestva «Uralkniga». Pp. 307–311.
- Haziev R.A. (2007). Centralizovannoe upravlenie jekonomikoj na Urale v 1917–1921 godah [Centralized management of the economy in the Urals in 1917–1921]. M.: ROSSPJeN.
- Iz istorii Sverdlovskoj oblasti: sbornik dokumentov i materialov, 1917–1975. [From the history of the Sverdlovsk region: a collection of documents and materials, 1917–1975]. (1982). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kadochnikov S.M. (2017)/ Ekaterinburg [Yekaterinburg] / Pod red. Judkevich M.M. Drugie goroda. M.: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki». Pp. 264–269.
- Kuz'minov Ja.I., Semenov D.S., Frumin I.D. (2013) Struktura vuzovskoj seti: ot sovetskogo k rossijskomu «master-klassu» [The structure of the university network: from Soviet to Russian “master class”] // Voprosy obrazovanija. № 4. Pp. 8–69.
- Lenin ob Urale [Lenin about the Urals] (1969). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo.
- Mal'cev A.A. (2016). Rossijskoe soobshhestvo jekonomistov: osobennosti i perspektivy [Russian community of economists: features and prospects] // Voprosy jekonomiki. № 11. Pp. 135 – 158.
- Mal'cev A.A. (2018). Diaspora jekonomistov i rossijskaja jekonomicheskaja nauka: v poiskah toček soprikosnovenija [Diaspora of economists and Russian economic science: in search of common ground] // Voprosy jekonomiki. № 4. Pp. 129–148.
- Martjushov L.N., Suvorov M.N. (2017). Istorija obrazovanija v Rossii i na Urale [History of education in Russia and the Urals]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Melnik D. (2018). Repressive Fields: Economic Theory in Late Stalinism and the Leningrad Affair // Hass J. (Eds.). Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytical Tool from Field Theory. L.: Palgrave Macmillan. Pp. 153–182.
- Rektory Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Rectors of the Ural State University] (2010). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Rykov A. (1920). Polozhenie promyshlennosti i mery k ee vosstanovleniju [The situation in industry and measures for its restoration] // Ural'skij rabochij. № 308. 29 dekab. Pp. 2–3.
- Suhij V.V., Vazhenin S.G. (2019). Osobennosti organizacii jekonomicheskikh issledovanij v 1920-e gody (na primere Ekaterinburga/Sverdlovskaja) [Features of the organization of economic research in the 1920s (by the case of Yekaterinburg / Sverdlovsk)] // Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. № 4.
- Survey of Soviet Economists and Economic Research Organizations. (1971). Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence.
- Suvorov M.V. (2008). Stanovlenie i razvitie shkoly vysshego obrazovanija na Urale v 1917–1941 gg. [Formation and development of a higher education in the Urals in 1917–1941]// Pedagogicheskoe obrazovanie. № 2. Pp. 61–69.
- Tolmachev D., Kuznecov P. (2016). Rejting fakul'tetov [Rating of the faculties] // Jekspert-Ural. № 23. Pp. 58–67.
- Trockij L.D. (1920). Put' k edinomu hozjajstvennomu planu [The path to a single economic plan] // Ural'skij rabochij. № 272. 18 nojab. Pp. 2–3.
- Valentinov (Vol'skij) N.V. (1991). Novaja jekonomicheskaja politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNH vo vremja NJeP [The new economic policy and the crisis of the party after the death of Lenin: Years of work in the Supreme Economic Council during the NEP]. Vospominanija M.: Sovremennik.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Ковалёв

*к.э.н., доцент, Белорусский национальный технический университет,
Минск*

ЯЗЫК КАК СПОНТАННЫЙ ПОРЯДОК: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ¹

Аннотация. В статье рассматривается случай закрепления деривата имени как идентифицирующего инструмента за конкретными людьми в населенном пункте с малым количеством имен и фамилий, не позволявшего организовать эффективную идентификации личности. Исследование проводилось на примере деревни Лыще Пинского района Брестской области Республики Беларусь. Методы исследования включают изучение архивных записей и опросы уроженцев и жителей деревни. Рассмотренный пример показывает бесконечную вариативность развития языка как спонтанного порядка.

Ключевые слова: *спонтанный порядок, язык, личные имена, дериваты.*

Классификация JEL: B13, B53, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10207

Введение

Современный этап развития научного знания как никогда ранее требует развития междисциплинарного подхода к исследованиям, при этом возрастает значение языка и как инструмента взаимодействия исследователя с исследуемыми субъектами, и как способа представления субъектами наиболее достоверной информации о своей деятельности – основы дискурсивной методологии [Ефимов, 2011].

Подход к рассмотрению общественных институтов как спонтанных порядков является одним из краеугольных камней теории эволюции австрийской школы экономики. Язык наряду с деньгами является одним из наиболее исследованных феноменов в рамках данной парадигмы [Уэрта де Сото, 2009; Holcomb, 2014].

Развитие языка проявляется в самых различных сферах, включая ономастику. История развития фамилий и личных имен в различных языках является достаточно глубоко изученным феноменом. Тем не менее некоторые любопытные случаи остаются вне поля рассмотрения филологов и социологов.

Цель настоящей статьи – проанализировать использование деривата как инструмента идентификации личности. Исследование проведено на примере деревни Лыще Пинского района Брестской области Республики Беларусь.

¹ Автор выражает огромную благодарность за помощь в сборе информации своей маме, Александре Владимировне Ковалёвой, учительнице русского языка и литературы Лыщанской средней школы в 1964–1969 гг., и тете, Надежде Владимировне Думанской, учительнице русского языка и литературы Лыщанской средней школы в 1968–2004 гг.

Язык как спонтанный порядок

Идею спонтанных (стихийных) порядков в явном виде сформулировал еще в XVIII в. шотландский моралист и философ А. Фергюссон, представивший сложившуюся систему собственности и политических институтов как «результат человеческих действий, но не человеческого замысла» [Хайек, 2000]. Аналогичные мысли высказывали Д. Юм о развитии системы правосудия и А. Смит о том, что «естественный ход вещей» не нуждается в мелочном контроле со стороны правительственной системы.

Основатель австрийской школы К. Менгер предложил теоретическое объяснение стихийной эволюции социальных институтов, основанное на человеческом взаимодействии. Человек действующий, являющийся ключевым актором, принимает решения на основании имеющейся у него субъективной информации, опыта и известных только ему целей. В результате бесчисленных действий некоторые из участников процесса методом проб и ошибок обнаруживают (открывают) такие формы взаимодействия, которые упрощают достижение поставленных целей. Другие люди (группы), перенимая такие «правильные практики», распространяют данный опыт – и в итоге децентрализованно формируется определенный социальный институт. Ключевой менгерианский вопрос «как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению» и «какова ... природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения» [Менгер, 2005. С. 404] заложил исследовательскую программу австрийской школы.

Дальнейшее развитие теория эволюции спонтанных порядков получила в работах Ф.А. фон Хайека [Хайек, 1992, 2000, 2006]. Замечательное представление этой теории дала американская исследовательница Карен Вон [Вон, 2009]. По ее мнению, спонтанный порядок состоит из трех логически взаимосвязанных частей. Во-первых, человеческие действия зачастую приводят к непреднамеренным и непредсказуемым для самих агентов последствиям. Во-вторых, эти непреднамеренные последствия действий большого числа людей могут с течением времени реализоваться в некий порядок, который люди способны осознать и могут воспринимать как результат сознательного замысла. Наконец, возникший порядок дает несомненное преимущество в достижении изначальных целей участникам процесса, причем совершенно необязательно тем способом, который они изначально имели в виду.

Формирование порядков происходит методом проб и ошибок, когда отбираются те правила, которые обеспечивают придерживающимся их группам преимущество относительно других (например, в экономическом аспекте – более высокий уровень благосостояния). Спонтанные порядки формируются и функционируют на основе абстрактных правил в смысле одинаковости их для всех членов общества (или больших групп). Обычно эти правила негативны («не убий, не укради»), хотя могут быть и позитивными («уважай собственность и соблюдай контракты»), распространяя свое действие на абстрактную, а не чью-то конкретную собственность или контракты, т.е. действуют в отношении всех, а не конкретных лиц и интересов.

Хайек подчеркивает необходимость отбора самих правил, «которые сделают возможным в любой момент удостоверить границу защищенных владений каждого» – границу области, в которой индивид «может действовать свободно... Собственность в широком смысле слова, включающая не только материальные вещи, но ... жизнь, свободу и имущество каждого человека, – единственное найденное людьми решение проблемы совмещения личной свободы с отсутствием конфликтов» [Хайек, 2006. С. 125–126]. Получение отдельными индивидами права самостоятельного распоряжения в узаконенной сфере частной жизни привело к сети коммерческих отношений, связавших между

собой отдельные общины... Порядок такого рода... мог быть сформирован только на основе индивидуализированной (*several*) собственности [Хайек, 1992. С. 53–54].

При этом и сама «концепция собственности явно не упала готовой с небес. Если в результате изменения обстоятельств возникают новые проблемы и делается необходимой ... демаркация границ собственности там, где прежде вопрос о владельце прав не имел значения... возникнет задача найти решение, которое служило бы общей цели...» [Хайек, 2006. С. 126].

Абстрактные правила не могут однозначно гарантировать в результате некий заранее спланированный результат. Эти правила являются по Хайеку «*ends-independent*» в том смысле, что могут привести к достижению множества конечных состояний [Horwitz, 2015]. Важно подчеркнуть, что для развития различных спонтанных порядков требуются различные правила; сами правила также являются результатом непреднамеренных последствий человеческих действий; наконец, взаимодействие различных порядков может приводить к еще более многовариантным конечным результатам, даже не всегда положительным.

Язык является одним из социальных институтов, наиболее соответствующим вышеописанным критериям. Язык есть «высокосложный инструмент оральной коммуникации, который возникает в результате вербальной активности миллионов людей в течение тысяч лет без чьего-либо замысла его развития» [Blanchard, 2015. P. 16].

Цели различных людей и групп в процессе пользования языком различны – и в этом аспекте он, безусловно, «*ends-independent*» – вряд ли можно было предсказать появление тюремного сленга, который благодаря наличию специфических слов и специфического значения слов позволил членам определенной группы быть понятыми между собой и недоступными для понимания другими.

Язык является саморазвивающимся – изменения и новации происходят в нем не по иерархическому указанию, а в процессе живого развития и слов, и норм выговора и правописания: «...в языке все время появляются новые структуры и формы. При этом в акте языкового творчества случайность может приобретать самые разные формы» [Молчанова, 2009. С. 204]. Хайек отмечает важность развития языка как для вербальной формулировки правил, формирующих спонтанные порядки, так и для формирования новых порядков (например, системы права) [Хайек, 2006. С. 95–96].

В языке существует набор правил, которым должен следовать любой, кто хочет быть вовлечен во взаимодействие в рамках данного института. Носитель языка становится понятным, если он правильно использует грамматические конструкты и употребляет слова в их общепринятом значении – и в этом смысле важно подчеркнуть роль научных институтов, от которых требуется выполнение функций кодификации вновь возникающих в языке явлений и понимание невозможности искусственного конструирования языка. Люди, составляющие словари, авторы учебников филологии, безусловно, имеют значительную степень воздействия на развитие языка, но их влияние – это малая часть сложной культурной эволюции языка, свою лепту в которую вносит каждый [Blanchard, 2015] – и совершенно нет необходимости наделять кого-то правом реформировать язык «сверху донизу», чтобы он якобы стал лучше.

Язык не является завершённой системой, и каждый человек встраивается в данный порядок, чтобы быть понятным: при усвоении первого, родного языка мы в основном имеем дело с процессом спонтанного укоренения языковой системы [Воейкова, 2011], и вносит свой вклад в его развитие, даже не представляя этого. Языки развиваются под действием войн, миграций, торговли, но никак не в соответствии с некими непреложными и заранее определенными внутренними правилами развития.

Спонтанные порядки создаются без Создателя. По мнению И.А. Астафьевой, язык может быть охарактеризован как «открытая нелинейная система, подверженная внутрен-

ним и внешним колебаниям, допускающим как нестабильность и хаотичность структур, так и их упорядоченность» [цит. по: Молчанова, 2009. С. 203], то есть вполне удовлетворяет признакам самоорганизующейся системы, спонтанному порядку.

Спонтанный vs. упорядоченный путь происхождения антропонимов

Под антропонимами понимается «отдельный класс имен собственных, объединяющий любые собственные имена, которые может иметь человек, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним и т.д.» [Воронцова, Чаплин, 2014. С. 136].

Имена собственные, помимо собственно эволюции языка, несут в себе отпечаток истории, антропологии, социологии, этнографии, потому каждый народ имеет свою антропонимическую систему, обусловленную и продолжительностью, и характером цивилизационной среды своего развития.

Представляется, что и исторически, и логически первым антропонимом человека было личное имя, позволявшее идентифицировать его и выделить из определенной группы лиц. В семье зачастую ребенок получал имя в соответствии с очередностью появления на свет (*Первак, Вторак, Третьяк*), по каким-либо внешним признакам (*Беляк, Кудряш*), по отношению родителей (*Ждан, Томилко*), по черте характера (*Добрыня, Несмеяна*) – и этого было достаточно для идентификации. В «большом» мире такого имени оказывалось недостаточно – и, как правило, человек получал еще и другое имя, отражающее его характер, деятельность или положение в социуме (*Кисляк, Гуляйко, Горемыко*).

С принятием христианства в большинстве европейских стран именем человека становится лишь полученное при крещении, а остальные с точки зрения церкви превращаются в прозвища. Однако и в таком статусе они помогают достичь изначальной цели – идентификации конкретного человека – и еще долгое время сохраняются. Общеизвестно, что переписчик Остромирова Евангелия подписался «в крещении Иосиф, а мирски Остромир». Кроме привычки использовать мирские имена, причиной их сохранения может быть малое количество крестильных имен, которые давались в соответствии со святыми, церковным календарем.

В конце XIV в. имя *John* было примерно у четверти всего мужского населения Англии. Как отмечал J. Hughes, если бы в то время где-нибудь на рынке в Уэльсе было произнесено имя *John Johnes*, то на него откликнулись бы либо все, либо никто: «все, потому что каждый подумал бы, что зовут его; никто, потому что к имени не было добавлено никаких особых отличительных характеристик» [цит. по: Леонович, 2002. С. 20].

Первая массовая поземельная перепись в Англии в фискальных целях («Книга Судного дня») показала наличие прозвищ у землевладельцев уже в конце XI в. Интересно, что «в судебных архивах, в монастырских ...картуляриях, составленных на средневековом латинском языке, а позднее, в XII–XIV вв., и на французском языке, прозвища записывались рядом с личными именами» [Кузьмин, 2015. С. 252].

Логичным и естественным процессом было превращение прозвищ в наследуемые фамилии, причем процесс этот для разных социальных групп и регионов мог достигать по длительности нескольких столетий и происходил различными способами. Анализ позволяет исследователям [Леонович, 2002] выделить несколько групп этимологии прозвищ, давших основу английским фамилиям: отантропонимические (использование в качестве фамилии личных имен с префиксами – *сын* или *дочь*, например, *Johnson*), по месту проживания (*Hill, Fields* или *Scott, Welsh*), по роду занятий (*Smith, Baker*), описательные (*Small, Brown*).

Обнаруживается сходство способов образования фамилий в русском и английском языках: от личных имен (*Иван – Иванов, John – Jones, Johnson*); от названий профессий

(кузнец – *Кузнецов*, smith – *Smith*); от названий животных (волк – *Волков*, fox – *Fox*); от названий цветообозначений (белый – *Белов*, brown – *Brown*); по принадлежности к какой-либо национальности, по месту проживания (поляк – *Поляков*, french – *French*); по внешним признакам и особенностям человека (big – *Bigg*, большой – *Большов*); от библейских имен (от имени святого St. Lawrence образовались фамилии *Lawrence*, *Lawson*, *Лаврентьев*) [Воронцова, Чаплин, 2014].

Нехватка официальных фамилии и имени собственного для идентификации личности приводили к поиску дополнительных инструментов (например, второе имя в Англии, отчество в Российской империи).

Весьма интересной темой представляется способ происхождения фамилии. Процесс этот не всегда представлял собой спонтанный порядок, когда прозвище закреплялось в качестве фамилии методом проб и ошибок. Известны случаи «иерархического» присвоения фамилий. В Дании, например, королевский указ в 1526 году обязал всех дворян иметь фамилию. В 1465 году англичане попытались обязать всех ирландцев перейти на английские фамилии, означающие название английских городов, название ремесла или цвета – но попытка была обречена на провал, и таких фамилий в Ирландии сегодня крайне мало. Зачастую крепостных крестьян в России записывали по фамилии помещика – отсюда редкая для других славянских языков форма фамилии на *-их* (будете чьих?) – *Тонких*, *Долгих*.

Еще одним важным явлением в антропонимике является наличие дериватов – сокращенных форм личного имени, иногда значительно отличающегося от базового. В английском языке примером может послужить такой вариант: *James – Jim – Jimmy*. В русском языке благодаря наличию уменьшительно-ласкательных форм вариаций имени может быть гораздо больше. При этом в английском языке какой-то из дериватов может закрепиться в качестве основного имени человека – например, Президент США *Jimmy Carter*. В русском же языке [Воронцова, Чаплин, 2014] в зависимости от эмоционального смысла, возраста человека, социальной группы и личных вкусов могут применяться самые различные дериваты, которые практически никогда не заменяют личного имени (*Александр – Саша, Сашка, Сашенька, Сашуля, Шурик* и т.д.).

Таким образом, появление и развитие системы имен собственных, прозвищ, фамилий было обусловлено логикой эволюции, имело целью четко идентифицировать человека, носило преимущественно спонтанный характер.

Дериваты как инструмент идентификации личности (кейс д. Лыще)

Деревня Лыще расположена в Пинском районе Брестской области Республики Беларусь. По переписи 1998 г. в деревне 252 хозяйства, 543 жителя. Резкий спад населения по сравнению с 1970-ми гг. связан как с естественной убылью населения, так и с массовой миграцией в города. Подавляющая доля населения – белорусы. Разговорный язык представляет собой специфический микроязык, относящийся к западнополесской группе говоров.

Точная дата основания деревни неизвестна, впервые упоминается как остров Лыщич села Заборович в Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств 1552–1555 гг. [Писцовая, 1884]. В 1793 г. по второму разделу Речи Посполитой включена в Российскую империю – и на карте Минской губернии 1800 г. отмечена среди немногих населенных пунктов Пинского уезда.

Динамика изменения численности населения в соответствии с Ревизскими сказками и Переписью населения Польской республики 1921 г. приведена в табл. 1.

Таблица 1
Численность населения деревни Лыще, чел.

Год	1811	1816	1834	1850	1858	1921
Мужчин	131	110	152	161	138	289
Женщин	Н/д	85	152	156	146	315
Всего	131	195	304	297	284	604

Источник: [НИАБ, ф. 333. оп. 9, дела 217, 67, 369, 370, 668, 672, 1138, 1139; Pierwszy, 1927].

Невзирая на достаточно большой размер и удобное местоположение (на дороге «Пинск – Клецк – Несвиж»), деревня не была сколь-либо значима до 1950-х гг., когда стала центром сельского совета. В XIX – начале XX вв. в разное время деревня относилась к приходам костела и церквей соседних деревень – Логишинского костела Св. Петра и Павла, Доброславской Троицкой церкви и Логишинской Преображенской церкви.

Как и в большинстве деревень Беларуси, в Лыще наблюдается незначительное количество фамилий. Изучение Метрических книг Доброславской и Логишинской церквей показало, что во второй половине XIX – начале XX вв. при более чем 300 жителях свыше 90% носили 4 фамилии [НИАБ, ф. 36, оп. 17, д. 54–55, 70; НИАБ, ф. 36, оп. 25, д. 96–100, 165–170]. По Ревизским Сказкам 1858 г. в деревне на 35 дворов было 11 семей² *Занковцов*, 25 семей *Пригодичей*, 16 семей *Счастливых* и 5 – *Корзунов*. По данным Метрических книг, в 1880-е гг. число семей с фамилией Пригодич превысило 60. Если учесть количество браков между носителями самых распространенных фамилий, представляется очевидной сложность идентификации человека только по фамилии. В начале XX в. в деревне появились новые фамилии (женившиеся здесь после первой мировой войны солдаты, приезжие из других сел) – Думанские, Яворские, Трушко, Боровские. Фамилия в качестве основы идентификации использовалась только в случаях, когда она была редкой/единственной: например, *Думанский*.

Личные имена также не изобиловали разнообразием. В 1858 г. из 138 мужчин более половины носили 8 имен: Иван – 16, Иосиф – 13, Василий – 9, Пётр – 9, Михаил – 8, Яков – 7, Андрей – 6, Антон – 6; из 146 женщин более половины – 7 имен: Мария и Екатерина – по 17, Анна – 11, Франциска – 9, Настасья – 7, Агафья и Наталья – по 6.

Имена были привязаны к церковному календарю (святкам): священник нарекал младенца при крещении именем приходящегося на этот день святого/святой, потому иногда все крещенные в один день носили одинаковые имена. Наблюдались случаи, когда после смерти ребенка в младенческом возрасте еще один новорожденный получал такое же имя, как умерший. Представляется, что происходило подобное скорее по причине совпадения «дня святого», чем по инициативе родителей. Наконец, интересной представляется ситуация, когда у братьев/сестер в одной семье встречаются различные дериваты одного имени: *Иосип – Иосиф, Марьянна – Марыся*. В церковных Метрических книгах данные имена указаны в официальной форме (Иосиф и Мария), в Ревизских же сказках переписчики опирались на информацию, получаемую непосредственно от жителей, потому в них встречаются различные дериваты: *Григур и Григор; Марыля, Марина, Марьянна и Марыся; Мутруна, Настуся, Виктуся, Дамян, Удутка (Авдотья)* [НИАБ, ф. 333, оп. 9, д. 369, 672, 1138, 1139].

² Как правило, в одном дворе жили несколько семей близких родственников. Под семьей понимается наличие мужа и жены либо вдовца/вдовы с неженатым сыном/незамужней дочерью. Овдовевших родителей, живущих вместе с женатыми сыновьями, при подсчетах мы включали в семью последнего.

Сложившаяся ситуация с малым количеством фамилий и небольшим количеством имен не способствовала эффективной идентификации человека, что потребовало применения дополнительных знаков-прозвищ.

В литературе представлены образование и применение индивидуальных прозвищ [Трубецкой, 2005]. В Лыще стандартными прозвищами являлись прозвища по имени предка или супруга (и не обязательно мужчины) – например, *Надя Василикова* (по мужу *Василику*), *Люба Пруськина* (по маме *Пруське – Ефросиньи*), *Коля Мартынчиков* (по деду *Мартыну*). Закрепленные прозвища в течение нескольких поколений иногда трансформировались в уличную фамилию: например, *Мынусёвы* (от имени Мина). Другим вариантом было прозвище по месту проживания / происхождения: *Коля Табулчанчын* (его мать была из деревни Табулки и соответственно была *Табулчанка*), *Крыло Подгородцов* (из деревни Подгородье), *Пучынка* (из деревни Пучины). Существовали и прозвища «отпрофессиональные»: *Маня Поштарка*, *Саможэня* (сама себя «женила» – инициировала замужество).

Как отмечалось выше, происхождение таких прозвищ является общераспространенным. Вместе с тем в Лыще появился дополнительный элемент данного инструмента идентификации – закрепление определенной формы деривата за конкретными людьми на всю жизнь. Дериватов было достаточно много и с их помощью проблема идентификации была решена.

Для сбора информации по дериватам использовался опрос жителей и уроженцев деревни, а также изучение Метрических книг конца XIX – начала XX в. Приведенные в приложении дериваты охватывают пласт жителей, родившихся в 1880–1980 гг.

Представим данный феномен на основе одного мужского и одного женского имени – *Владимир* и *Мария*. Базовые формы данных имен на местном микроязыке звучат как *Ладзё* и *Марыля*. В деревне жили одновременно *Ладзё*, *Ладзь*, *Лодзь*, *Ладо*. Самое популярное женское имя имело варианты *Марыля*, *Марылька*³, *Маня*, *Маруся*, *Марыйка*, *Марина*.

В качестве иллюстрации применения деривативов для идентификации человека приведем диалог.

В пригородном автобусе две бабушки-жительницы Лыща пытаются выяснить у городского мальчика, к кому он едет:

— *До кого ты йидэш, хлопэц?*

— *До диды з бабою.*

— *А хто твуй дид?*

— *Дид Володя.*

— *А хвамылия яка?*

— *Прыгодич.*

— *То много таких. А бабу як зваты?*

— *Баба Марыля.*

(в замешательстве задают уточняющий вопрос) – *А дэ жынуть?*

— *Коло болутца.*

— *А, то вун йидэ до Ладзя и Марыльки.*

Иногда «закрепленный» дериватив сочетался с прозвищем – например *Ладзё Мостыский* (по названию фольварка Мостыще) или *Марыля Годэлёва* (по прозвищу мужа – *Годэль*), но употребление прозвищ было излишним, поскольку дериваты практически не повторялись – и все жители деревни имели четкое представление, о ком идет речь именно по деривату. Интересно, что иногда дериват употреблялся даже для единственного на тот момент обладателя редкой фамилии – *Пэтюша (Думанский)* – и использовался для

³ Конечно, уменьшительно-ласкательные формы имен употреблялись не только в целях идентификации, особенно в отношениях близких людей, в семье. Однако именование таким деривативом «вовне» коррелировалось с определенным человеком.

идентификации активнее фамилии. Выяснить происхождение того или иного деривата не представляется возможным. Единственные подтвержденные версии – «так называла в детстве мама», «так называли с детства сверстники».

Схожая ситуация сложилась в соседних деревнях Заборовцы с двумя «базовыми» фамилиями и Липники. При этом в соседней же Доброславке явление мало распространено, а в Мокрой Дубраве подобное явление не наблюдается. Объяснением может служить наличие большего числа внешних мигрантов в эти деревни и соответственно большее разнообразие фамилий (в Доброславке во второй половине XIX – начале XX вв. – около двух десятков).

Выводы

В статье рассмотрен нетрадиционный инструмент идентификации личности в одной из белорусских деревень – закрепление определенной формы деривата за конкретным человеком на всю жизнь.

Рассмотренный пример использования деривата как идентифицирующего знака показывает бесконечную вариативность развития языка как спонтанного, стихийного порядка. С высокой долей вероятности можно утверждать, что условием формирования такой системы является ситуация, когда в населенном пункте существует ограниченное число фамилий-имен, по которым нельзя эффективно организовать идентификацию личности.

Развитие исследования может быть построено в двух направлениях: объяснении происхождения и закреплении деривативов за их носителями; поиск аналогичных случаев в других регионах/странах и их сопоставление.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Список имен и их дериватов

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
1	Агафья	Агафа	Огапа, Огапка
2	Адам	Адам	Адась, Дасё
3	Александр	Санё	Олександрэр, Саша, Шурык, Шуро, Санько, Салько, Санечко
4	Александра	Саня	Шура, Саша, Олеся
5	Алексей	Алёша	Алёшка, Алёх
6	Анастасия	Насьця	Настуся, Насьцечка, Тася, Настуля
7	Анатолий	Толё	Толик
8	Анна	Ганна	Ганя, Гандзя, Гэнушка, Нися, Ганюта, Ганэля
9	Антон	Тонё	Антон, Антось
10	Антонина	Тоня	Антося, Антоська
11	Варвара	Варвара	Вара, Барбара, Боба, Барбарка
12	Валерия		Валерця
13	Василий	Васыль	Базыль, Базё, Васё, Вась, Василик, Васенька, Вацё

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
14	Виктор	Вицё	
15	Виталий	Виталь	Талё
16	Владимир	Ладзё	Володя, Ладо, Ладэк, Ладзик, Ладзюнё, Лодзь
17	Галина	Галя	Гэля
18	Григорий	Грыша	Рыгур, Грыц
19	Дмитрий	Мытёр	Мытрук, Мытик
20	Домника	Домныкия	Дэмэныся, Дэмэныська
21	Евгения	Женя	Женька, Ёўгэня
22	Екатерина	Катя	Катеруша
23	Елена	Олена	Оленка
24	Ефросинья	Пруся	Пруська
25	Зиновий	Зэно	Зэнык, Зэнэк, Зэнко
26	Иван	Иван	Иван, Ясь, Ванюшка, Янэк, Яно
27	Игнат	Гнат	Гналё
28	Иосиф	Юзё	Юзик, Осип
29	Илья		Льяш, Ляшко
30	Ирина	Ира	Ярынка, Яра, Ярына
31	Казимир	Казё	Казик
32	Кирилл	Кирыло	Крыло
33	Константин	Костя	Костик, Костё
34	Корней	Корний	Корнийчык
35	Кузьма	Кузьма	Кузёмка
36	Леонид	Лёнё	Лёнчык, Лёня
37	Лука	Лука	Лукаш
38	Любовь	Люба	Любка
39	Максим	Максым	Максымко
40	Мария	Марыля	Марылька, Марылечка, Маня, Маруся, Марина
41	Марта	Марта	Марточка
42	Матрона	Матруна	Мутруна
43	Меланья	Меланья	Малания
44	Михаил	Миша	Михал, Мишка, Мыхалко, Мыхуль, Мыхась
45	Надежда	Надя	Надька

№	Имя на русском языке	Имя на местном микроязыке	Дериваты
46	Наталья	Наталля	Наташа, Наталка
47	Никита	Мыкита	Мыкитка
48	Николай	Коля	Колик, Колюсь, Колян, Мыколай, Мыколайко
49	Ольга	Голя	Голька, Голюшка
50	Павел	Павэл	Павлюк, Павэлко
51	Павлина	Пава	Паўка
52	Пётр	Пэть	Пэтько, Пэтюша, Пэтюшко, Пэтрुक, Пэтрусь
53	Пелагея	Поля	Пулюшка
54	Прасковья	Параша	Параська
55	Роман	Роман	Ромык, Романчик
56	Серафима	Сарахвына	Сарахвынка
57	Семён	Симон	Симык, Сёма, Сёмка, Сенчик
58	Сергей	Сергей	Серожка, Сей, Сергей
59	Софья	Зоня	Зонька, Зося, Зоська
60	Станислав	Стась	Станё
61	Степан	Сцёпа	Сцёпчык
62	Стефанида	Стэпа	Стэпка
63	Татьяна	Тэтяна	Тэтянка
64	Феликс	Хвэлё	Хвэлько
65	Тихон	Тыхон	Тыхунко
66	Устинья	Юстына	Юста, Юсточка
67	Февронья	Ўруня	Ўрунька
68	Феодосий	Хвэдось	Хвэдосько
69	Филипп	Пылип	Пылипка
70	Фома	Хома	Хомэчко, Хомка, Томаш
71	Франц	Фрэно	Фрэнык
72	Христина	Христина	Хрысця, Крыся
73	Юрий	Юрый	Юрко
74	Яков	Ясь	Яша, Яковко

ЛИТЕРАТУРА

- Воейкова М.Д. (2011). Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак.
- Вон, Карен И. (2009). Невидимая рука // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. С. 226–231.
- Воронцова И.И., Чаплин С.Г. (2014). Особенности образования антропонимов (сравнительный анализ русской и английской традиций) // Новый филологический вестник. № 3 (30). С. 136–144.
- Ефимов В.М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. Т. 12. № 3 (Май). С. 15–53.
- Кузьмин А.А. (2015). К вопросу происхождения средневековых английских фамилий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2–1. С. 251–253.
- Леонович О.А. (2002). В мире английских имен: Учебное пособие по лексикологии. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: АСТ, Астрель.
- Менгер К. (2005). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Молчанова Г.Г. (2009). О синергетике и синергетическом сцеплении концептов «жизнь» и «текст». // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур. С. 199–207.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 36, оп. 17, д. 54–55, 70.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 36, оп. 25, д. 96–100, 165–170.
- Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 333, оп. 9, д. 67, 217, 369, 370, 668, 672, 1138, 1139.
- Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленная Пинскимъ старостою Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552–1555 г. (1884). Вильна: Издание Виленской археографической комиссии.
- Трубецкой В.С. (2005). Особенности именования жителей пос. Атиг Нижнесергинского района Свердловской области // Вопросы ономастики. № 2. С. 147–150.
- Уэрта де Сото Х. (2009). Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество: Пер. с англ. Б.С. Пинскера. Под ред. А. В. Куряева. Челябинск: Социум.
- Хайек Ф. (2000). Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф.
- Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Хайек Ф. (2006). Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН.
- Blanchard Jr., K.C. (2015). Natural Right and natural Selection // Darwinian Conservatism: A Disputed Question / ed. by K.C. Blanchard Jr. Charlottesville: Imprint-academic.com.
- Holcomb R.G. (2014). Improving Spontaneous Orders// Austrian theory and economic organisation: reaching beyond free market boundaries / ed. by G. Nell. New York: Palgrave Macmillan.
- Horwitz S. (2015). Hayek's Modern Family: classical liberalism and the evolution of social institutions. New York: Palgrave Macmillan.
- Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 wrzesnia 1921 roku (1927). Warszawa, Wydawnictwa Głównego Urzedu Statystycznego.

Ковалёв Александр Васильевич

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Aliaksandr Kavaliou

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Department of Management of Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

LANGUAGE AS A SPONTANEOUS ORDER: PRIVATE CASE

Abstract. The article deals with the case of assignment of a name derivative as an identifying tool for specific people in a settlement with a small number of names and surnames that did not allow organizing an effective identification of an individual. The study was conducted on the example of the village of Lyshe, Pinsk district, Brest region of the Republic of Belarus. Research methods include the study of archive records and surveys of natives and villagers. The considered example shows the infinite variability of language development as a spontaneous order.

Key words: *spontaneous order, language, personal names, derivative.*

JEL classification: B13, B53, Z13.

REFERENCES

- Blanchard Jr.K.C.* (2015). Natural Right and natural Selection. In Blanchard Jr., K.C. (ed.) *Darwinian Conservatism: A Disputed Question*. Charlottesville: Imprint-academic.com.
- Hayek F.A.* (2000). Individualizm i ekonomicheskij poriadok [Individualism and Economic Order]. M.: Isograph (in Russian).
- Hayek F.A.* (1992). Pagubnaya samonadeyannost. Oshibki socializma [Fatal Conceit: Errors of Socialism]. M.: Novosti (In Russian).
- Hayek F.A.* (2006). Pravo, zakonodatelstvo i svoboda [Law, Legislation, and Liberty]. M.: IRISEN (in Russian).
- Holcomb R.G.* (2014). Improving Spontaneous Orders // Austrian theory and economic organisation: reaching beyond free market boundaries / In Nell, G. (ed.). New York: Palgrave Macmillan.
- Horwitz S.* (2015). Hayek's Modern Family: classical liberalism and the evolution of social institutions. New York: Palgrave Macmillan.
- Huerta de Soto J.* (2008). Avstrijskaja ekonomicheskaja shkola: rynek i predprinimatel'skoje tvorchestvo [The Austrian School: Market Order and Entrepreneurial Creativity]. Cheliabinsk: Sotsium. (In Russian).
- Kuzmin A.A.* (2015). K voprosu o proishozhdenii srednevekovykh anglijskikh familij [On the Question of the Origin of Medieval English Names] // Aktualnyje problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2–1, 251–253. (In Russian).
- Leonovich O.A.* (2002). V mire anglijskikh imion [In the world of English names]. M.: Astrel (in Russian).
- Menger C.* (2005). Issledovanije o metodah socialnykh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti. [Investigations into the Method of the Social Sciences with special reference to Economics]. M.: Publishing House "Territory of the Future" (in Russian).
- Molchanova G.G.* (2009). O sinergetike i sinergeticheskom sčeplenii konceptov 'zhizn' i 'tekst' [On the synergy and synergetic engagement of the concepts of "life" and "text"] In *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: tradicii i novatorsvo Sbornik v chest E.S. Kubrakovoj* [Horizons of modern linguistics: Tradition and innovation. Collection after E.S. Kubrakova] (Pp. 199–207). M.: Yaziki slavianskikh kultur. (In Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 36, op. 17, d. 54–55, 70 (in Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 36, op. 25, d. 96–100, 165–170 (In Russian).
- Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus], f. 333, op. 9, d. 369, 672, 1138, 1139 (in Russian).
- Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 wrzesnia 1921 roku (1927). [First total census of Republic of Poland at September, 30, 1921]. Warszawa: Wydawnictwa Glownego Urzedu Statystycznego (in Polish).
- Piscovaya kniga Pinskogo i Kleckogo kniazhestv, sostavlenная Pinskim starostoyu Stanislavom Hvalchevskim v 1552–1555 g. (1884) [Scribal book of Pinsk' and Kleck' principalities compiled by Stanislav Hvalchevsky, Pinsk elder, in 1552–1555]. Vil'na: Izdanije Vilenskoj arheograficheskoy komissii (in Polish).
- Trubeckoy V.S.* (2005). Features of naming residents of the village of settlement Artig, izhneserginsky district Sverdlovsk region // *Voprosy onomastiki*. № 2. P. 147–150 (in Russian).
- Vaughn Karen I.* (2009). Nevidimaja ruka [Invisible Hand] // In Eatwell, John, Murray Milgate, and Peter Newman (eds.) *Nevidimaja ruka rynka* [Invisible Hand of the Market] (Pp. 226–231). M.: Izdatelskij dom GU-VSE. (in Russian).
- Voejkova M.D.* (2011). Rannije etapy usvoenija detmi imennoj morfologii russkogo jazyka [The early stages of the assimilation of nominal morphology of Russian language by kids]. M.: Znak (in Russian).
- Vorontsova I.I. & Chaplin S.G.* (2014). Osobennosti obrazovanija antroponimov (sravnitelnyj analiz russkoj i anglijskoj trasicii) [Features of formation of personal names (comparative analysis of Russian and English traditions)]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 3 (30), 136–144 (in Russian).
- Yefimov V.M.* (2011). Diskursivnyj analiz v ekonomike: peresmotr metodologii i istorii ekonomicheskoy nauki [discourse analysis in the economics: review of the methodology and the history of economic science] // *Ekonomicheskaja sociologija*, 12, 3 (May), 15–53 (in Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Е. Шестакова

к.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН, Москва

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПАТРОН ИЛИ ПОМОЩНИК?

Аннотация. В статье рассматриваются современные процессы постепенного перехода от государства всеобщего благосостояния к государству участия, в котором каждый несет ответственность за свою финансовую безопасность. Анализируются процессы роста межпоколенческих противоречий, усиления неравенства различных профессиональных групп, снижения социальной мобильности, изменения структуры и усиления финансовой уязвимости среднего класса. Делается вывод о необходимости сочетания курса на повышение гибкости рынка труда с мерами по сокращению различий в социальной защите различных видов занятости, повышения универсальности социальных пособий, формирования нового варианта общественного договора, который не должен вступать в противоречие с принятыми в обществе нормами справедливости.

Ключевые слова: *государство всеобщего благосостояния, социальный контракт, социальная мобильность, социальное страхование.*

Классификация JEL: H51, H55, I38, J18.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10208

Современные социальные трансформации в европейском эталонном «государстве всеобщего благосостояния»: растущее неравенство, снижение доли труда в общих доходах, замедление или даже блокирование социальной мобильности и рост уязвимости больших групп еще недавно вполне успешного населения заставляют западных экспертов говорить о начале процесса демонтажа или эрозии государства благосостояния. Технологические изменения, глобализация, экономические и социальные реформы по-разному влияют на отдельные отрасли экономики, регионы, разные группы населения. Целые сектора экономики теряют свое значение, многие профессии находятся под угрозой исчезновения. У современных проблем нет быстрого решения: меры по частичной компенсации потерь не работали в прошлом, не заработают и в будущем. Но и бездействие тоже не лучший вариант.

Хотя нет единой «европейской социальной модели» в узком смысле, этот термин используется для описания коллективного опыта формирования европейского государства благосостояния, основанного на широком социальном контракте, предполагающим одновременно и экономический рост, и социальный прогресс, обеспечение достойного уровня жизни для самых широких слоев населения, удовлетворение базовых потребностей практически каждого гражданина в соответствии с принятыми в обществе нормативами.

Реформы последних лет пенсионного обеспечения (увеличение периода страхования, повышение пенсионного возраста, введение индивидуальных пенсионных счетов), занятости (уменьшение защищенности трудовых контрактов), «рационализации» медицинского обслуживания (сокращение расходов в государственных учреждениях здравоохранения, рост требований по совместному финансированию) фокусируются на структурных аспектах, сокращении государственного субсидирования социальной сферы

и достижении макроэкономической стабильности. Снижается роль социального диалога и общественного контроля как важных инструментов достижения социальной стабильности и сплоченности. Изменения в сфере труда, помимо прочего, предполагают ограничение индексации зарплат, децентрализацию коллективных переговоров, меры по увеличению гибкости занятости, многие из которых не столько генерируют создание рабочих мест, сколько способствуют росту «неустойчивости» рынка труда и стагнации трудовых доходов. Для населения, которое привыкло к высокому и постоянно растущему уровню социальных расходов, режим «социальной экономии», отказ от «распространения патерналистской активности государства на всех членов общества независимо от их социальной принадлежности» [Рубинштейн, 2018. С. 41] и переход к государству участия могут стать серьезным испытанием и свидетельством об изменении условий социального контракта, снижения влияния трудящихся на ход социально-экономических процессов.

Термин «социальный контракт» (в традиционной трактовке общественный договор), возникший в политической философии, касался договора между индивидами по передаче гражданами части своей свободы в обмен на защиту, обеспечиваемую государством¹. С позиций социальной философии социальный контракт – это неформальное соглашение в отношении норм поведения, формируемых на основе задач, позиций, убеждений отдельных групп и сообществ людей. Дж. Ролз определяет общественный договор как механизм регулирования имманентного конфликта интересов, возникающего при распределении результатов человеческого труда [Rawls, 1999. P. 109]. В современной социально-экономической интерпретации данный термин можно рассматривать как обмен обязательствами и ожиданиями между гражданами и носителями власти (как законодательной, так и исполнительной) по вопросам налогообложения, социального обеспечения и организации системы социального обслуживания. Хорошо функционирующий социальный контракт позволяет странам эффективно управлять кризисами и шоками и формировать новое социальное равновесие. Население принимает широкий спектр социальных и экономических мер, если их результаты соответствуют общественным ожиданиям и предпочтениям. Противоречия в сфере распределения, которые не корректируются соответствующим образом государственными и общественными институтами, могут генерировать разрыв социального контракта и блокировать социально-экономическое развитие. Одним из важнейших вопросов современного общественного развития является вопрос меры вклада социальных и гражданских институтов в развитие общества, границы ответственности государства, работодателей, некоммерческих организаций, каждого члена общества за себя и за общество в целом, особенно в условиях не только ограниченности ресурсов, но и возможностей их перераспределения [Чубарова, 2017. С. 44].

Среди факторов, которые можно рассматривать как причины изменения действующего социального контракта, помимо глобализации и вхождения в мировой рынок Китая, Индии, других государств с переходной экономикой, фигурируют прежде всего снижение спроса в силу автоматизации и развития цифровой экономики на рутинные знания и рабочие места; рост временной, неполной, случайной занятости, обеспечивающий доход, но не нужный уровень социальной защиты; усиление не только вертикального, но и горизонтального неравенства представителей различных возрастных групп, лиц лишенных социальной поддержки, живущих в различных (развивающихся и застойных) регионах. Граждане, которые планировали (рассчитывали) войти в состав среднего класса благодаря полученному образованию или приобретенному опыту, оказались в состоянии постоянной борьбы за финансовую стабильность и безопасность. Повысилась ценность таких неэкономических факторов, как социальное происхождение и наличие социальных связей,

¹ Теория общественного договора разрабатывалась Т. Гоббсом, Д. Локком, Ж.-Ж. Руссо, Р. Нозиком, Дж. Ролзом и др. с разных позиций в отношении наиболее приемлемого порядка в обществе.

накопленный человеческий капитал и низкая вероятность оказаться в состоянии нестандартной занятости.

Стабильность социального контракта связывается с нахождением динамичного баланса между 1) инициированным рыночными отношениями распределением ресурсов и доходов; 2) мерами государственной социально-экономической политики, влияющими на это распределение, которые включают регулирующие налоги, трансферты и обеспечение социально значимыми услугами и товарами; 3) личными и общественными предпочтениями в отношении равенства и отношения к возможностям перераспределения и его результатам. Длительный дисбаланс между данными компонентами ведет к риску разрыва социального контракта.

Рыночные диспропорции в распределении ресурсов и доходов

К относительно новым формируемым рынком проблемам распределения доходов можно отнести, например, рост межпоколенческих противоречий, усиление неравенства между работниками различных профессиональных групп, изменение структуры среднего класса и характера внутривоколенческой мобильности.

Для молодежи (в возрастной группе 20–30 лет) характерными становятся распространение нестандартной занятости, снижение времени пребывания на одном рабочем месте, сокращение «бонусов» от высшего образования, рост безработицы. Доля нестандартной занятости молодых людей в возрасте 20–24 лет с начала 80-х гг. в странах Западной Европы увеличилась с 15 до 40%, а в Южной Европе до 60%, а среднее время работы на одном рабочем месте снизилось с 4,4 года до 3,5 лет (для лиц в возрасте 25–29 лет) [Bussolo et al, 2019. P. 52, 60]. По данным на 2017 г. доля молодых людей до 30 лет, которые не учатся и не работают, составляет в среднем в странах ОЭСР 13,4%, из них большинство работу не ищут (а общая доля безработных – 7% экономически активного населения) [OECD 2019b. P. 88]. Молодые работники сталкиваются с более высоким уровнем неравенства по доходам на каждом этапе своего жизненного цикла по сравнению со старшими поколениями. Они с более высокой вероятностью, учитывая современные пенсионные реформы, должны будут дольше работать и больше копить, чем их родители для финансирования своего пенсионного обеспечения.

Проблемы дестабилизации положения работников средней и частично высокой квалификации и поляризации профессиональных групп многоаспектны. Понятие средней квалификации имеет различные определения: может ассоциироваться с работниками, получающими среднюю заработную плату, но чаще – с полученным образованием (низкоквалифицированные – лица без полного среднего или среднего специального образования, среднеквалифицированные – с полным средним или средним специальным образованием и высококвалифицированные – с высшим образованием). Доля взрослого населения со средним уровнем квалификации по образованию в ЕС – 46%, с неполным средним – 26, с высшим образованием – 28%, и доля последнего постоянно увеличивается (в начале 2000-х гг. она составляла чуть более 20%) [Palme, 2019. P. 20]. Однако наличие образования не является гарантией занятия качественного рабочего места. Практически общей тенденцией многих стран ОЭСР является занятие уволенными работниками высокой и средней квалификации рабочих мест более низкого уровня, а низкоквалифицированные работники с большей вероятностью теряют работу, чем 20 лет назад [Green, 2019. P. 35].

Для общей характеристики изменения профессионально-квалификационной структуры используется и классификация ISCO-88 (International standard classification of occupations, в соответствии с которой низкоквалифицированные рабочие места в сфере торговли, услуг и др. относятся к 5 и 9 группам, среднего уровня квалификации – 4, 7

и 8, высокой квалификации – 1, 2 и 3 группам: управленцы, профессионалы, технические специалисты). Как свидетельствуют исследования, проводившиеся в 18 странах ОЭСР с использованием данной классификации, за период с начала 1990-х до 2010-х гг. агрегированная доля рабочих мест средней квалификации снизилась почти на 8%, низкой – на 2,8%, но одновременно во всех 18 странах увеличилась доля занятых высокой квалификации (хотя и не везде в полной мере компенсировало утрату рабочих мест других квалификационных уровней) [Salvatori, 2019. P. 2]. В ЕС доля высококвалифицированных специалистов (ISCO 88, коды 1–3) увеличилась с 35% (2002 г.) до почти 40% [Palme et al., 2019. P. 8–9].

Для оценки риска сокращения рабочих мест в силу их автоматизации используется и группировка по 6 категориям занятости: 1) нерутинные, когнитивные, аналитические (как правило, относительно хорошо оплачиваемые); 2) нерутинные, когнитивные, персональные; 3) рутинные когнитивные; 4) рутинные ручные; 5) нерутинные, неручные, связанные с использованием физической силы; 6) нерутинные, ручные, персональные. Доля рутинных рабочих мест (3 и 4 категории) в общем объеме оплачиваемой занятости сократилась в среднем с 40 (1995 г.) до 33% (2013 г.), нерутинных, хорошо оплачиваемых, увеличилась за тот же период с 25 до 32%, нерутинных, а низкоквалифицированных и плохо оплачиваемых (5,6 группы), увеличилась с 35 до 38% [Bussolo, 2019. P. 40]. Сокращение средней части спектра и поляризация рабочих мест, как правило, за редким исключением сопровождалось и поляризацией заработной платы. За период с середины 1990-х гг. до середины 2000-х коэффициент Джини для заработной платы в Германии и Испании, например, увеличился на 8 процентных пунктов, наиболее значительное снижение трудовых доходов было у работников, находящихся в нижней части распределительной шкалы, но и работники средней части столкнулись со снижением заработной платы и увеличением ее нестабильности [Bussolo, 2019. P. 7].

Свой вклад в процессы поляризации заработной платы и рынка труда внесли и процессы увеличения многообразных форм нестандартной занятости. Доля занятых неполное рабочее время в ЕС-15 только с начала 2000-х гг. увеличилась с 18 до 23%, на срочных контрактах с 15 до 17% работающих [Palme, 2019. P. 6]. Если все больше рабочих мест предоставляются на условиях временных и нестандартных контрактов, то страховая система, основанная на традиционных трудовых договорах, условиях стабильного пожизненного найма не является в полной мере адекватной, не защищает от новых социальных рисков.

Занятость (в силу роста нестандартных ее форм, случайного характера, низкого уровня вознаграждения) не гарантирует достойного положения при распределении доходов. Получение «хорошей» (стабильной и хорошо оплачиваемой) работы, которая, по общему мнению, является ключевым фактором для достижения стандартов жизни среднего класса, становится все более сложной задачей: помимо формального образования, требуются новые навыки и ресурсы. В экономически развитых странах в результате распространения массового образования передача образовательных привилегий от родителей к детям значительно сократилась, но снизились в целом и бонусы в виде более высокой заработной платы от высшего образования. Сохраняется разница в качестве образовательных услуг между социально-экономическими группами и между городскими и сельскими районами. Более того, для улучшения положения детей растет использование частного образования и частной медицины. В будущем можно прогнозировать рост не только высококвалифицированных, но и низкооплачиваемых, малоперспективных рабочих мест, поэтому особое значение могут приобрести меры по стимулированию мобильности и переподготовке в течение всей жизни.

Высокое материальное неравенство идет рука об руку с неравенством возможностей, блокирует социальную мобильность более бедных и уязвимых слоев. С начала 90-х гг. в странах ОЭСР прослеживается тенденция на сохранение достигнутых позиций в нижнем и верхнем сегментах доходного распределения, то есть снижается вероятность изменения

позиции у лиц данных доходных групп. В конце 90-х гг. 53% лиц из нижнего квинтиля (20% населения с наиболее низкими доходами) сохраняли свое положение в течение 4 лет, в 2010-х – 58%, из наиболее обеспеченного квинтиля в 90-х гг. 65%, в 2010-х – 70% оставались на тех же позициях по уровню доходов. Более высокая мобильность в целом характерна для представителей среднего класса (2 – 4 квинтили). Но в течение двух последних десятилетий проявляются признаки повышения риска нисходящей мобильности нижней части среднего класса (2 квинтиль и часть 3) в течение жизни, а вероятность восходящей снижается. И наоборот, лица, относящиеся к верхушке среднего класса, стали менее уязвимы по сравнению с 90-ми гг. Среди лиц трудоспособного возраста (18 – 65 лет) доля опустившихся в течение 4 лет в первый квинтиль по доходам из второго составляет в среднем 23%, из третьего – 7, из четвертого – менее 3% [OECD, 2018. Р. 32–33].

Помимо традиционного деления населения по статистическим доходным группам (децили, квинтили, квартили), для анализа тенденций изменения экономических позиций различных групп населения и причин усиления нестабильности положения среднего класса используются и другие абсолютные и относительные критерии выделения нижних, средних и высших страт по доходам². Если использовать относительные критерии ОЭСР, определяющие средний класс как домашние хозяйства, располагающие доходами в пределах 75 – 200% от национальных медианных,³ их доля с середины 1980-х гг. по середину 2010-х сократилась с 64 до 61%. Доходы ниже 75% медианных в среднем по странам ОЭСР имело около 30% населения, в том числе ниже 50% (критерий относительной бедности для стран ОЭСР) – 11% [OECD, 2019с. Р. 48].

Постепенно меняется не только численность, но и в большей степени экономическое положение и структура среднего класса. Средний класс становится все более высококвалифицированным. Если в 90-е гг. 35% представителей среднего класса относились к категории высококвалифицированных специалистов, то в 2010-х этот показатель составляет 47%, а в ряде стран и более 50% [Salvatori, 2019. Р. 24–25]. В настоящее время, чтобы оставаться в составе среднего класса в домашних хозяйствах лиц трудоспособного возраста должно быть 2 работника, из которых, по крайней мере, один должен иметь высокую квалификацию, тогда как 20 лет назад было достаточно одного работника высокой квалификации. Перспективы финансового и трудового положения представителей среднего класса становятся все менее предсказуемы. Не менее 36% домашних хозяйств, относящихся к средней части социальной лестницы, являются финансово уязвимыми, то есть не могут нести неожиданные расходы и противостоять резкому снижению доходов (болезнь, потеря работы, распад семьи) в течение 3 месяцев, и около 20% этой группы расходуют больше, чем зарабатывают [Balestra, 2018. Р. 10]. В целом более половины домашних хозяйств 28 стран ОЭСР (по которым есть соответствующая информация) имеют какую-либо форму задолженности (ипотечную, кредиты на образование, потребительские товары). Особую опасность представляет чрезмерная закредитованность (более 75% от активов домашнего хозяйства или превышение долгом текущих доходов более чем в 3 раза), в благополучных государствах Северной Европы в таком положении находится около 30% всех домашних хозяйств [Balestra, 2018. Р. 41]. Реформы последних лет: сокращение субсидирования ряда социальных услуг, усиление адресного характера социальных пособий, рост налогов на потребление, трансформации в сфере труда существенно увеличивают риски и уязвимость

² Например, абсолютные показатели доходов среднего класса 10–50 долл./день по паритету покупательной способности [Atkinson, Brandolini, 2013], по другим источникам не менее 40 долл./день [Bussolo, 2019]. Люксембургское исследование домашних хозяйств в 20 странах Европы (LIS, Luxembourg Income Study) определяет средний класс в относительных параметрах 75–125% медианных доходов, показатели ниже расцениваются как нижние группы, выше – высокодоходные домашние хозяйства.

³ Близкие критерии использует и МОТ – 60–200% от медианных доходов.

среднего класса, особенно нижней его части (так называемого нижнего среднего класса с доходами в пределах 75–100% медианного дохода).

Средний класс несет наибольшее бремя прогрессивного налогообложения личных доходов, так как наиболее обеспеченные слои имеют более диверсифицированные источники доходов, а для бедных предусмотрены льготы или отсутствие налогообложения. 58% домашних хозяйств, относящихся к среднему классу в странах ОЭСР, считают, что они не получают достаточно от системы общественных трансфертов, учитывая объемы налогов и страховых платежей, которые они делают [OECD, 2019. P.30].

В среднем в ОЭСР в структуре доходов домашних хозяйств полученные трансферты и выплаченные налоги почти одинаковы по размеру, трансферты составляют 25%, налоги и страховые платежи – 28% от доходов. Но данные цифры серьезно варьируют по странам и разным возрастным и доходным группам [OECD, 2019с. P. 66]. Так, семьи пенсионеров являются нетто-получателями трансфертов во всех доходных группах, а семьи с трудоспособными членами являются нетто-получателями только в нижней доходной группе⁴. Относительно более стабильная занятость, длительная трудовая карьера, высокие пенсии (в основном схемы с установленными выплатами) повышают шансы лиц старших возрастных групп (прежде всего поколения бэби-бумеров) находиться среди представителей среднего класса. В середине 80-х гг. половина пожилых относилась к категории лиц с низкими доходами, в середине 2010-х эта доля сократилась до 1/3, а доля лиц, относящихся к среднему классу по доходам, в возрастной группе 65 лет и старше, выросла с 46 до 58%. Одновременно в составе среднего класса снизилась доля детей (до 18 лет) и молодежи (18–29 лет): детей с 66 в середине 80-х до 60%, молодежи – с 66 до 58% за тот же период и увеличилась их доля в группе с доходами ниже 75% медианных до 34% у обеих групп [OECD, 2019с. P. 56].

Что касается вопросов бедности, то западная общественная мысль прошла ряд этапов в трактовке данного понятия. Исторически первой, но сохранившей свое значение в форме национальных стандартов, используемых для выявления семей, нуждающихся в государственной социальной поддержке, была концепция абсолютной бедности. Начиная с С. Роунтри, основу данного концептуального подхода составляло конструирование определенных минимальных нормативов потребления продуктов питания и других элементов потребительского набора, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и их стоимостная оценка. На определение состава данных потребностей влияли как субъективные представления экспертов, осуществляющих разработку данных минимумов, так и потребительские стандарты общества, что делало абсолютные показатели бедности в определенной степени относительными. Пороговые значения абсолютной бедности дифференцировались на уровне крайней нищеты (уровне, не обеспечивающем физиологического минимума), нищеты (невозможности удовлетворять элементарные социальные потребности) и бедности (прожиточного минимума- удовлетворения крайне скудных физиологических и социальных потребностей). Американский вариант расчета границы абсолютной бедности, разработанный еще в начале 60-х гг. XX в., исходил из определения расходов на питание семей из 4 человек, относящихся к двум нижним децильным группам. На основе полученных данных о доле расходов на питание в общих расходах этих семей конструировался минимальный потребительский бюджет.

Следующим этапом считается переход к линии более высокого порядка – относительной бедности, учитывающей состояние исключенности из сложившегося в обществе стиля и образа жизни. Ее теоретической базой послужила методология определяемой экс-

⁴ В государствах с формирующимися рынками ситуация противоположная, средний класс больше получает в виде трансфертов, чем платит налогов.

пертым путем бедности на основе лишений, отсутствия ресурсов для реализации образа жизни стандартного для данного общества.

При разработке современной действующей методики оценки монетарной относительной бедности были учтены результаты эмпирических исследований факторов многомерной депривации, свидетельствующие, что основная масса лиц, испытывающих лишения, располагает текущими доходами в пределах 40 – 60% от медианного дохода в стране. За основную черту относительной бедности в ЕС был принят уровень 60%, в ОЭСР – 50% медианного дохода. Считается, что доходы ниже данного уровня не дают возможности ведения нормального для данного общества образа жизни. Граница равная 40% медианного дохода, рассматриваемая уже как крайняя бедность, как правило, превышает абсолютную линию бедности.

Важной для целей социальной политики является классификация бедности на устойчивую (хроническую, многолетнюю бедность с накоплением дефицита доходов и формированием особого образа жизни) и плавающую (за чертой и близко к черте бедности). При отнесении домашних хозяйств к категории бедных в западной практике традиционно учитывается и специфика расходов домашних хозяйств в зависимости от их численного состава, для чего применяются различные так называемые шкалы эквивалентности. Шкала эквивалентности, используемая Евростатом, присваивает первому взрослому члену домохозяйства коэффициент 1, каждому следующему – 0,7, каждому ребенку – 0,5. Модифицированная шкала эквивалентности ОЭСР использует для первого взрослого 1, второго – 0,5, каждого ребенка – 0,3 [Flame work, 2013. P. 177].

В международных исследованиях часто применяются комплексные методики, сочетающие разные подходы к определению бедности, и несколько многокритериальных линий бедности для различных групп населения (одиноких пенсионеров, семей с детьми, инвалидов и др.). С точки зрения А. Аткинсона и его коллег, занимавшихся разработкой показателей бедности и лишений в ЕС, невозможно сконструировать единую границу бедности для всего комплекса задач социального управления, так как бедность является относительным, многоаспектным и изменяющимся во времени явлением [Atkinson et al., 2002. P. 102]. Неоднородная в качественном плане бедность должна определяться на основе использования различных критериев, с учетом национальных минимальных стандартов.

Определение бедности связано с низкими доходами и низкими стандартами жизни. Не считается бедным домашнее хозяйство с низкими доходами, но удовлетворительными стандартами жизни или с низкими стандартами жизни, но высокими доходами. Для отдельных категорий лиц, нуждающихся в расширенном по сравнению с базовым набором товаров и услуг для текущего потребления, требуются особые подходы к преодолению нужды. Различные критерии нужды (фильтры включения в программы), помимо уровня доходов (и в некоторых странах имущественного ценза), используются при предоставлении социального жилья, оплате дошкольного ухода и образования, медицинского и лекарственного обеспечения, содействия занятости.

Понятие бедности в экономической теории и практике довольно условно, что позволяет как завышать, так и занижать количество бедных. Меры по борьбе с бедностью привлекают значительно больше внимания, чем меры по снижению неравенства доходов, особенно в отношении бедности детей, пожилых, инвалидов, имеющих ограниченные возможности преодолеть данное положение.

Детство – критический период в развитии человека: дети, растущие в бедности, с меньшей вероятностью будут успешны в учебе, здоровы и полностью реализуют свой потенциал во взрослой жизни. Тем не менее с начала 90-х гг. при стабилизации общих относительных показателей бедности более чем в половине стран ОЭСР детская бедность увеличилась. Причины более менее очевидны: два основных социальных института, определяющих экономическое положение подрастающего поколения – рынок труда и семья

– в последние годы сильно изменились. Межстрановые различия в объеме и глубине детской бедности определяются различиями в составе семей, уровне занятости родителей, интенсивности их работы. Хотя риск бедности наиболее высок в семьях, где родители не имеют работы, но занятость не обеспечивает достаточной защиты для выхода из состояния бедности. Страны с низким уровнем детской бедности (менее 5% – в основном Скандинавские государства) сочетают низкий уровень семейной безработицы с эффективной перераспределительной политикой (использование целевой поддержки вместе с универсальными детскими пособиями) и развитием сферы социальных услуг. Высокие показатели бедности среди детей (выше среднего уровня 13%) и выше показателей по всему населению отмечаются в государствах англо-саксонской группы (США, Канада) и странах Южной Европы (Италия, Испания), где выше не только показатели объема, но и глубины бедности [Thevenon, 2018. P. 15]. Сложно найти оптимальный баланс между защитой семьи с детьми и «ловушкой бедности», дестимулирующей поиск работы взрослыми членами семьи. Во многих странах социальные пособия переводятся из системы гарантированного минимального дохода в систему социальной поддерживающей сети, гарантирующей получение пособия при наличии занятости. Но данный переход оставляет незащищенными семьи при возникновении периодической незанятости. Еще один вопрос: что эффективнее – денежные пособия или социальные услуги? Существует ряд аргументов в пользу предоставления помощи в натуральной форме, которая автоматически корректируется в соответствии с инфляцией и больше отвечает потребностям детей. Но помощь в натуральной форме обходится дороже государству, чем денежные пособия.

Социальное государство или государство участия?

Достигнутый на предыдущем этапе развития прогресс на пути обеспечения всеобщего благосостояния и социального мира в группе экономически наиболее развитых стран связывается с рядом факторов, в том числе внедрением массового образования, развитием профсоюзного движения, политикой перераспределения доходов через прогрессивное налогообложение и денежные трансферты. В настоящее время социальная политика в сфере перераспределения меняется, снижается налогообложение наиболее высоких доходов, (в том числе в восточноевропейских государствах массово вводятся плоские шкалы налогообложения личных доходов), используются таргетированные меры социальной поддержки. В целом структура налогообложения и государственных расходов на социальную защиту колеблется в широком диапазоне в силу разных подходов стран к организации социального обеспечения. В Европе, например, в среднем налоги и страховые взносы составляют около 40% ВВП (в том числе налоги на личные доходы – $\frac{1}{3}$ от данной суммы, страховые взносы – также $\frac{1}{3}$, чуть менее $\frac{1}{3}$ – налоги на товары и услуги). Наиболее высокая доля налогов на доходы в Швеции и особенно в Дании (47%), где всему населению гарантируется обеспечение базового уровня услуг и предоставление универсальных пособий. В начале 80-х гг. максимальные ставки налогов на личные доходы в целом ряде стран превышали 70%, после нескольких снижений, по данным на 2017 г. в среднем по ЕС этот показатель составляет 39%, в Дании и Швеции – 57%. Снизилась и максимальные ставки налогов на дивиденды для целей потребления домашних хозяйств с 75 до 42%, что способствовало росту доходов наиболее обеспеченной части общества [Bussolo, 2019. P. 134–135].

Если изменение налоговой политики оказало существенное и в основном положительное влияние на доходы верхней части социальной лестницы, то изменение в области трансфертной политики повлияло, но уже негативно, на положение ее нижней части. Перераспределение в пользу домашних хозяйств с низкими доходами за два последних десятилетия снизилось в основном за счет относительного сокращения денежных транс-

фертов. Для нижних 40% населения доходы от занятости составляют около половины медианных располагаемых доходов, а нетто-трансферты (с учетом прямых и косвенных налогов) около 9% от медианных доходов [Causa, 2017. P. 66].

Анализ изменений государственной трансфертной политики в разных странах осложняется в силу того, что действующие системы социальной поддержки различаются по уровню охвата, щедрости, условиям предоставления, порядку и источникам финансирования. В соответствии с институциональным подходом к классификации выделяются следующие модели социальной поддержки: целевая адресная, модель добровольного субсидирования государством, базового обеспечения, корпоративная и универсальная.

Денежные пособия, выплачиваемые в рамках адресной модели, как правило, ограничиваются обеспечением минимальных жизненных стандартов и применяются в пограничных зонах социальной защиты (социальная помощь, гарантированный минимальный доход) для определенных групп населения. Модель добровольного субсидирования в комплексном виде не применяется ни в одной из стран, но используется при страховании по безработице в ряде Скандинавских государств или по болезни в Швейцарии. Данная модель базируется на независимых фондах, которые организуются в целях добровольного коллективного страхования отдельными группами работающего населения, обычно с участием профсоюзов и с финансовой поддержкой государства. В отличие от корпоративной модели здесь, как правило, не предусмотрена представительная форма участия государства и работодателей в управлении фондами.

Модель базового обеспечения гарантирует относительно скромные пособия, как правило, в едином размере. В случаях, когда в данной модели предусмотрена связь с заработной платой, верхний лимит учета заработков очень низкий. В практике стран ОЭСР действуют два варианта модели базового обеспечения: 1) основанный на участии в страховании (Ирландия, Великобритания) и 2) основанный на резидентстве (Дания). Государственная корпоративная модель базируется на комбинации участия в страховании и принадлежности к определенной профессиональной группе, а размер пособий непосредственно связан с занятостью. Прямой характер связи пособий с заработной платой обеспечивает и более высокий уровень трансфертов, чем в системе базового обеспечения. Данная модель доминирует в континентальной Европе (Франция, Германия). В универсальной модели сочетаются и важные характеристики системы базового обеспечения, и государственных корпоративных программ. Эта модель доминирует в государствах Северной Европы.

Адресная модель финансируется за счет общего налогообложения; в отношении базовой модели действуют разные традиции: одни страны рассчитывают в основном на страховые взносы, другие – на налоги. Государственная корпоративная и добровольная с государственным участием модели финансируются в основном на страховой основе, но при финансовой поддержке государства. Универсальная модель использует налоги для финансирования универсальных пособий и страховые платежи для пособий, связанных с заработной платой. Эти различия важны не только с точки зрения источников получения средств, но и с позиций легитимности прав получателей. Наличие квалификационных условий в виде определенного страхового стажа или объема внесенных средств являются эффективным способом отбора претендентов на пособие. Чем в большей степени система основывается на финансировании за счет страховых взносов, тем отчетливее наблюдается связь финансирования с правом на пособия и их размерами. К категории страховых традиционно относятся пенсии, отчасти пособия по болезни и безработице. Другая категория – нестраховые пособия, предоставляемые на условиях универсальности или оценки нуждаемости.

У адресного и универсального подходов к социальной защите есть свои плюсы и минусы. Адресные схемы с оценкой нуждаемости широко используются в ряде стран для поддержки ограниченных контингентов наиболее нуждающихся и, как правило, не

ведут к значительным государственным расходам⁵. Гарантированный минимальный доход обычно ниже относительных лимитов бедности. Но разброс здесь может быть очень значительный (в Дании и Бельгии для одинокого человека без детей – 80%, Германии – 43, США – 20, Италии – 10% от национального медианного дохода) [Browne, 2018. P. 15]. Тем не менее этот подход в силу сложных правил отбора, эффекта стигматизации, нехватки знаний и информации у потенциальных получателей и административных барьеров при назначении и получении пособий, может лишать многих нуждающихся в защите. Универсальный подход к социальной помощи решает эти вопросы. Наиболее распространенными универсальными выплатами считаются категориальные выплаты: детские (семейные) пособия, пособия (помощь) по инвалидности и безработице, базовые пенсии (действующие в половине стран ОЭСР).

Не одно десятилетие обсуждается идея внедрения базового безусловного дохода. Концепция базового дохода рассматривается в том числе и как новый подход к перераспределению благ в обществе и преодолению неравенства, замене многочисленных субсидий и льгот единым базовым пособием, позволяющим избегать нищеты. Ограниченные эксперименты по его внедрению проводились в Канаде, США, Финляндии, Индии, Бразилии, но подтвердить эффективность такого подхода не смогли. В отличие от действующих систем социальной помощи в теории базовый доход должен быть единым и не зависеть от предыдущих и настоящих доходов и активов, охватывать все население, а не фокусироваться на определенных группах, носить индивидуальный характер, то есть не зависеть от состава семьи и ее материального положения. Среди его предполагаемых преимуществ – улучшение распределения рабочих мест и улучшение условий труда благодаря усилению переговорных позиций работников, сокращение бюрократии и злоупотреблений с системе оказания социальной помощи. А среди недостатков – предполагаемая высокая стоимость, неясные источники его финансирования и сомнительное влияние на трудовую мотивацию и социальную мобильность. Поскольку в зависимости от своего дизайна безусловный доход может вести к большим бюджетным расходам, то конструируются и различные типы базового дохода: только для лиц трудоспособного возраста, предполагающие прогрессивное внедрение, начиная с бедных и уязвимых, учитывающих размеры доходов.

Растущая экономическая нестабильность, охватывающая небедные домашние хозяйства, может вести к переоценке дизайна и охвата социальной помощью. В частности, изменение природы труда способствует переоценке роли социального страхования. Традиционные страховые пенсионные системы не обеспечивают адекватной защиты пожилых, ранее занятых на нестандартных условиях.

Серьезным вызовом для государственной социальной политики являются процессы, идущие в сфере занятости. Рынок труда меняется, цифровизация и роботизация экономик снижает востребованность многих профессий, под средним и высоким риском автоматизации находится от 30 до 50% рабочих мест [OECD, 2019b. P. 87]. Традиционно в арсенал методов государственной политики на рынке труда входят регулирующие, институциональные меры и прямое вмешательство. К регулирующим мерам можно отнести нормативы, касающиеся прежде всего минимальной заработной платы, обязательного страхования, требования и ограничения к процедуре увольнения, правила найма и заключения трудовых договоров. В арсенал институциональных мер входят организация коллективных переговоров, профсоюзное движение, юрисдикция трудовых судов. Кроме этого, действуют системы пособий и помощи по безработице, субсидирование заработной платы вновь нанятых безработных, программы по переподготовке и поиску работы и др. Основными индикаторами регулирования рынка труда выступают минимальная заработ-

⁵ Доля адресных пособий в структуре социальных пособий (без пенсий) в Нидерландах составляет 80%, Германии – 50, Франции и Великобритании – 45, в Финляндии и Швеции – 10–15% [Bussolo, 2019. P. 133].

ная плата, охват трудящихся коллективными переговорами, участие в профсоюзном движении и комплексные (композиционные) индикаторы защиты занятости.

Практически общей тенденцией в большинстве стран стало снижение защищенности трудовых контрактов, внедрение новых форм трудовых договоров, снижающих финансовые и юридические издержки работодателей при их расторжении. В ряде стран (Бельгии, Германии, Нидерландах) реформы рынка труда фокусировались на облегчении процесса заключения различных временных контактов (при сохранении основных позиций защиты для постоянных). В других странах (Португалия, Испания) использовался более широкий подход к либерализации процессов заключения и прекращения трудовых контрактов и снижение степени социальной защиты всех категорий работников. Эти изменения первоначально привели к небольшому росту занятости, особенно среди молодежи и в периоды экономического роста. Но общим результатом реформ стало углубление дуальности рынка труда и сокращение постоянной занятости за счет постепенной замены постоянных рабочих мест временными [Fries-Tersch, 2017]. Разработанный в ЕС индикатор защиты занятости, включающий 21 позицию (рассчитывается в балльной системе от 0 до 6), показывает минимальный уровень защиты постоянных работников от увольнений в Великобритании и Швейцарии и наиболее высокий – во Франции и Нидерландах [Palme, 2019. P. 25].

Тенденцией становится увеличение длительности и частоты временных (срочных) контрактов, но что еще более важно, они перестают быть шагом к постоянной занятости. В свою очередь, работники с нестандартными контрактами в большей степени могут сталкиваться с перерывами в карьере, более низкой заработной платой в течение трудовой жизни и с меньшим доступом к страхованию, например, по безработице. С другой стороны, более короткий период занятости на предприятии или в организации, частая смена работы снижают заинтересованность работодателя в повышении специфического трудового капитала таких работников.

Постепенно распадается и традиционное, хорошо отлаженное взаимодействие работники /работодатели. Членство в профсоюзах наиболее значительно и резко сократилось в государствах Восточной Европы с 90–100% до 15–16%. В Западной и Южной Европе, начиная с 60–80-х гг., шел процесс постепенного сокращения участия с 40 до 25–30%. В Северной Европе, где в прошлом отмечались очень высокие показатели юнионизации, в настоящее время в профсоюзах состоит около 40% работников. Тем не менее охват трудящихся коллективными переговорами разного уровня в странах Европы (кроме ЦВЕ) пока сохраняется на относительно высоком уровне (60–70%), так как достигнутые договоренности распространяются на широкий круг предприятий отрасли или региона. Коллективные переговоры и определение минимальной заработной платы играют большую роль в сокращении неравенства в оплате труда и решении других вопросов социальной защиты работников. Страны, в которых в большей степени централизован процесс определения параметров заработной платы, испытывают меньшее зарплатное неравенство.

Еще одним важным элементом социальной политики является обеспечение универсальных прав на качественные услуги для формирования человеческого капитала. Всеобщее образование, медицинское обслуживание, уход за детьми и пожилыми, общественный транспорт и водоснабжение действуют во всех экономически развитых странах, но доступны не для всех. Так, простое расширение доступа к образованию не гарантирует равного результата. Требуется развитие когнитивных и социально-эмоциональных навыков и умений детей и молодежи вне зависимости от их социального происхождения и места жительства. А после окончания школы – готовность адаптироваться к изменениям природы и видов труда, обучения в течении всей жизни. В то же время общие расходы на образование (от начальной школы до высшего звена) за период 2010–2015 гг. снижались в 20 из 28 стран ОЭСР, по которым есть данные, главным образом за счет начального и среднего образования [OECD, 2019b. P. 92]. Особенно важны качественные услуги для

наиболее уязвимой части общества. Согласно предварительным оценкам, сделанным на основе изучения структуры общих располагаемых доходов населения в 9 странах ОЭСР, услуги (натуральные трансферты) составляют в структуре общих доходов первого квинтиля 38%, второго – 20 от располагаемых доходов, третьего – 14, четвертого – 10% [Causa, 2017. P. 66].

Наконец, третий важный аспект стабильности социального контакта – общественные и личные предпочтения в отношении равенства и возможностей перераспределения. Слом ожиданий среднего класса в отношении социальной политики государства может стать серьезным испытанием для социальной стабильности общества. Неуверенность в своем будущем, в своей защищенности продемонстрировало широкомасштабное социологическое исследование, проведенное в 2018 г. в 21 стране ОЭСР⁶. В среднем только 20% респондентов считают, что они смогут без серьезных проблем получать государственные пособия, в случае необходимости, и 50% высказывают сомнение в такой возможности. Главные риски, вызывающие наибольшие опасения – это возможность болезни и инвалидности (включая страны с высоким уровнем социальной защиты, такие как Бельгия, Франция, Финляндия) и вторая по значимости проблема, особенно в краткосрочной перспективе, – это материальная депривация и бедность (60-70% всех респондентов отмечают сложность покрытия всех необходимых текущих расходов, несмотря на занятость) [OECD, 2019a. P. 12–13]. Менее половины респондентов считают, что имеют доступ к качественным медицинским услугам. Есть и существенные различия в восприятии главных рисков по возрастным и доходным группам. Для респондентов с низкими доходами (3 нижние дециля) главными проблемами являются жилищные условия и текущие расходы, для высокодоходных групп – обучение детей и уход за пожилыми родственниками. В среднем в 21 стране около половины респондентов из высокодоходных групп высказывают опасения, что их дети не смогут достичь такого же социального статуса, как у них [OECD, 2019a. P. 22].

Достижения «европейской социальной модели», которая кардинально сократила бедность и способствовала росту благосостояния населения во второй половине XX в., размываются краткосрочными мерами корректировки социальной политики. Вопреки постоянно провозглашаемым целевым установкам не снижаются, а для отдельных групп населения (дети и молодежь) повышаются показатели относительной бедности, что является результатом не только общих экономических проблем, но и политики государства по сокращению государственных расходов и таргетированию мер социальной поддержки. Отход от принципов социального государства проявляется в снижении защищенности трудовых контактов и роли социального диалога, появлении множества профессиональных групп, не имеющих автономных организаций для выражения своих интересов, перекладывании бремени основных социальных рисков на самих работников, экономии почти на всех статьях социальных расходов, кроме пенсий, повышение уязвимости среднего класса.

Новый вариант социального договора в силу изменения структуры социальных рисков требует движения к равномерной защите всех работающих без учета типа занятости, расширение использования универсального подхода в обеспечении социальной помощью, социальным страхованием, качественными базовыми услугами, использование широкого арсенала новых форм социальной поддержки для значительных групп формально небедного населения, сталкивающегося с высокими рисками нисходящей мобильности.

⁶ Обследование охватывало 22 тыс. жителей в возрасте 18-70 лет и касалось определения основных опасений населения как в краткосрочной перспективе (1-2 года), так и в долгосрочной (будущие 10 лет).

ЛИТЕРАТУРА

- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. Т. 10. №4. С.39–59.
- Чубарова Т.В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. №6. С. 43–54.
- Atkinson A.B., Catillon B., Marlier E., Nolan B. (2002). Social indicators: the EU and social inclusion. Oxford: Oxford University press.
- Atkinson A., Brandolini A. (2013). On the identification of the middle class // Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries /J. Gornick, M.Jantti (eds.) Stanford, CA: Stanford University Press.
- Balestra C., Tonkin R. (2018). Inequalities in household wealth across OECD countries. Evidence from the OECD wealth distribution database //OECD statistics Working papers №88.
- Browne J., Immervoll H. (2018). Mechanics of replacing benefit systems with a basic income: comparative results from a microsimulation approach // OECD Social, employment and migration. Working papers №201.
- Bussolo M., Davalos M.E., Peragine V., Sundaram R. (2019). Toward a new social contract. Taking on distributional tensions in Europa and Central Asia // Europa and Central Asia studies. International Bank for Reconstruction and Development/ World Bank.
- Causa O., Hermansen M. (2017). Income redistribution through taxes and transfers across OECD countries // OECD Economic Department. Working papers. №1453.
- Flame work for statistics on the distribution of household income, consumption and wealth. (2013). Paris: OECD publishing.
- Fries-Tersch E., Tugran T., Bradly H. (2017). 2016 Annual report on intra-EU labour mobility. Brussels: European Commission.
- Green A. (2019). What is happening to middle skill workers? // OECD Social, employment and migration. Working papers №230.
- OECD (2018). A broken social elevator? How to promote social mobility. Overview and main findings. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019a). Risks that matter. Main findings from the 2018 OECD Risks that matter survey. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019b). Society at a glance 2019: OECD social indicators. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019c). Under pressure: the squeezed middle class. Paris: OECD publishing.
- Palme J., Ruhs M. (2019). Indicators of labor markets and welfare states in European Union // Working paper Uppsala University.
- Rawls J. (1999). A Theory of justice. Revised ed. Cambridge. Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Salvatori A., Manfredi T. (2019). Job polarization and middle class: new evidence on the changing relationship between skill levels and household income levels from 18 OECD countries.// OECD Social, employment and migration. Working papers №232.
- Thevenon O., Manfredi T., Govind Y., Klauzner I. (2018). Child poverty in the OECD: trends, determinants and policies to tackle it. // OECD Social, employment and migration. Working papers №218.

Шестакова Елена Евгеньевна

EEShestakowa@gmail.com

Elena Shestakova

Ph.D (economics), Leading Researcher o of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences

EEShestakowa@gmail.com

MODERN WELFARE STATE: PATRON OR ASSISTANT?

Abstract. The article deals with the modern processes of transition from the welfare state to the state of participation, in which everyone is responsible for their financial security. The author analyzed the processes of intergenerational contradictions growth, increasing inequality of various professional groups, decrease social mobility, changes in the structure and financial vulnerability of the middle class. In is concluded that it is necessary to combine the policy of increasing the labor market with measures to reduce the differences in the social protection of different types of employment, increase the universality of social benefits, the formation of a new version of social contract, which should not conflict with the accepted norms of justice in the society.

Keywords: *welfare state, social contract, social mobility, social insurance.*

JEL Classification: H51, H55, I38, J18.

REFERENCES

- Atkinson A., Brandolini A.* (2013) On the identification of the middle class // *Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries* /J.Gornick, M. Jantti (eds.) Stanford, CA: Stanford University Press.
- Atkinson A.B., Catillon B., Marlier E., Nolan B.* (2002). *Social indicators: the EU and social inclusion*. Oxford: Oxford University press.
- Balestra C., Tonkin R.* (2018). Inequalities in household wealth across OECD countries. Evidence from the OECD wealth distribution database // *OECD statistics. Working papers*. No. 88.
- Browne J., Immervoll H.* (2018). Mechanics of replacing benefit systems with a basic income: comparative results from a microsimulation approach.// *OECD Social, employment and migration. Working papers №201*.
- Bussolo M., Davalos M.E., Peragine V., Sundaram R.* (2019). *Toward a new social contract. Taking on distributional tensions in Europa and Central Asia* // *Europa and Central Asia studies. International Bank for Reconstruction and Development/World Bank*.
- Causa O., Hermansen M.* (2017). *Income redistribution through taxes and transfers across OECD countries* // *OECD Economic Department Working papers*. No. 1453.
- Chubarova T.V.* (2018). *Paternalizm v sovremennom obschestve: ot produktivih kartochek do bezuslovnogo dohoda* [Paternalism in modern society: from grocery cards to unconditional income] // *Obschestvennie nauki i sovremennost. [Social science and contemporary world]*. No. 6. Pp. 43–54.
- Flame work for statistics on the distribution of household income, consumption and wealth. (2013). Paris: OECD publishing.
- Fries-Tersch E., Tugran T., Bradly H.* (2017). *2016 Annual report on intra-EU labour mobility*. Brussels: European Commission.
- Green A.* (2019). *What is happening to middle skill workers?* // *OECD Social, employment and migration. Working papers*. No. 230.
- OECD (2018). *A broken social elevator? How to promote social mobility. Overview and main findings*. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019a). *Risks that matter. Main findings from the 2018 OECD Risks that matter survey*. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019b). *Society at a glance 2019: OECD social indicators*. Paris: OECD publishing.
- OECD (2019c). *Under pressure: the squeezed middle class*. Paris: OECD publishing.
- Palme J., Ruhs M.* (2019). *Indicators of labor markets and welfare states in European Union* // *Working paper Uppsala University*.
- Rawls J.* (1999). *A Theory of justice. Revised ed.* Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Rubinshteyn A.Y., Gorodetskiy A.Ye.* (2018). *Gosudarctvenniy paternalizm i paternalistskiy proval v teorii onekaemih blag* [State paternalism and paternalist failure in the theory of patronized goods] // *Zhurnal institutsionalnih.. issledovaniy. [Journal of institutional studies]*. T. 10. No. 4. Pp. 39–59.
- Salvatori A., Manfredi T.* (2019). *Job polarization and middle class: new evidence on the changing relationship between skill levels and household income levels from 18 OECD countries* // *OECD Social, employment and migration working papers*. No. 232.
- Thevenon O., Manfredi T., Govind Y., Klauzner I.* (2018). *Child poverty in the OECD: trends, determinants and policies to tackle it* // *OECD Social, employment and migration. Working papers*. No. 218.

М.А. Безнин

д.и.н., Вологодский государственный университет, Вологда

Т.М. Димони

д.и.н., Вологодский государственный университет, Вологда

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСКАПИТАЛИЗМА: ОТ СТАЛИНА ДО БРЕЖНЕВА¹

Аннотация. В статье с точки зрения институционального подхода рассмотрена эволюция институтов собственности, товарности, классов и др. в России 1930–1980-х гг. В отношении института собственности в статье предпринято описание его функционирования в рамках разделенного права собственности, оформившегося в советский период. Институт товарности рассмотрен с позиции его работы в рамках вынужденной товаризации продукта, особенно в сельской экономике. Классовая структура общества в советский период, как полагают авторы, эволюционировала в сторону классового плюрализма и дифференциации классовых интересов. Основной источниковой базой для рассмотрения трансформации институтов общества стали законодательные акты, статистическая информация, в частности, межотраслевые балансы. Делаются выводы о глубокой революционной трансформации экономических и социальных институтов России, произошедшей на рубеже 1950–1960-х гг. Суть этой трансформации характеризуется как становление государственно-капиталистической системы, с присущими ей чертами превалирования капитала среди факторов производства, формированием новой классовой системы общества. Авторы статьи оставляют открытыми вопросы о завершенности трансформации крупных институтов общества в советскую эпоху, оставляя возможность разворачивания дискуссии по описанным сюжетам.

Ключевые слова: *Россия, советский период, социальные и экономические институты, отношения собственности, государственный капитализм.*

JEL: N01, N14, N50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209

В начале статьи стоит несколько слов сказать о трактовке дефиниции «институт» и об институциональном подходе в целом, так как мнения о них у представителей общественных наук серьезно разнятся. Институциональный подход является довольно распространенным в экономике, социологии, государственно-правовых науках, однако историки несколько размыто дают характеристику того, что является институтами общества.

Скажем несколько слов о дефиниции «социальные институты», широко применяемой современной социологией. Как правило, социологи используют этот термин для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя, таких как правительство, семьи, человеческие языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы. Одно из наиболее принятых на сегодняшний день разъяснений предложил Д. Тернер, определив, что *социальные институты это* «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженных в конкретных видах социальных структур и организаций, отно-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».

нительно стабильные стандарты деятельности человека по отношению к фундаментальным проблемам производства жизненных ресурсов для поддержания жизни, воспроизводства человека и поддержания жизненно важных социальных структур в пределах данной окружающей среды» [Turner, 1997. С. 6].

Историки довольно поздно начали использовать в своих исследованиях институциональный подход – во второй половине XX в. Они используют институциональный подход как метод анализа динамики социальных, политических, экономических изменений общества на длительных промежутках исторического времени. Как писал один из основоположников применения институциональной теории в истории Ч. Тилли, этот подход применим для изучения «больших структур, крупных процессов и грандиозных сравнений» [Tilly, 1984].

В современной исторической науке крен в изучении институтов перемещается от изучения формальных институтов к неформальным, особенно связанных с историей идей и сферы обычного права (новый институционализм). Зарубежные и российские историки, по сути, отрицают существование государства и политической элиты как единственного источника права и считают агентами институциональных изменений также различные социальные группы и устоявшиеся особенности их поведения. У истоков нового институционализма стояли исследователи С. Хантингтон [Huntington, 1968], Б. Мур [Moore, 1966], Т. Скочпол [Skocpol, 1979]. Теде Скочпол принадлежит одно из самых популярных среди зарубежных исследователей определений «революции»: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу» [Скочпол, 2017. С. 26]. Представители институционального подхода в истории видят богатство и многообразие исторических изменений, происходящих как через посредство революций, так и экономических реформ. При этом они обращают внимание на то, что действующие лица истории (акторы) и производное и движущая сила исторического процесса. Исторический процесс для историков институционального направления не линеен, историческая траектория для них – результат действия многообразных сил и конструкций.

Одним из основных понятий, которыми оперируют исторические институционалисты, является «путь зависимости» (т.е. зависимость от предшествующего пути развития). Т. Скочпол и П. Пирсон пишут, что «зависимость от прошлого пути» не имеет пока четкого определения, в целом же в данном контексте можно говорить о том, что результаты развития в критический момент запускают механизмы обратной связи (как положительные, так и отрицательные), которые усиливают повторение определенных процессов в будущем [Pierson, Skocpol, 2002. С. 693–721]. В определенный момент акторы истории, решившись на движение по какому-либо пути, лишают себя возможности альтернатив, которые оказываются безвозвратно потерянными.

Таким образом, институциональный подход – относительно новое направление в методологии исторической науки. Как любое динамично развивающееся научное течение, он позволяет достичь новых результатов в изучении процессов, особенно крупных и длительных, найти новый ракурс в изучении знакомых сюжетов, затронуть новые пласты всего спектра исторических событий.

В данной статье авторы обращаются к анализу некоторых важнейших институтов советского общества конца 1920–1980-х гг. – собственности, социальным классам, характеристике типа социально-экономического устройства России от сталинского до брежневского времени.

С точки зрения институционализма один из важнейших общественных институтов – институт собственности. В отношении советского общества он исследовался непропорционально мало. В советский период собственность по умолчанию считалась «общенарод-

ной» или «личной» (согласно формулировкам Конституции СССР 1936 г.), в постсоветский период об институтах советского времени также, к сожалению, принято говорить устоявшимися в советское время штампами. Что касается изучения проблем права собственности в советский период – можно с уверенностью сказать, что эта тема не привлекала внимания исследователей. Новым подходом могло бы отличаться исследование А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» [Венедиктов, 1948], где он начал разговор о действии механизма разделенного права собственности, однако в отношении советского общества автор не дал развернутых характеристик.

Институт собственности в советской России обладал серьезной спецификой, обусловленной складыванием в 1930-е гг. особого типа социально-экономического устройства – государственного капитализма. По нашему мнению, капитализм – это такое устройство социально-экономической жизни общества, при котором капитал (прошлый труд²) становится главным фактором производства по отношению к живому труду³, а основная социальная градация общества предопределяется местом групп населения в отношении реализации права собственности на средства производства. Государственный капитализм, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризуется отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами, с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования у высшего класса – по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки госкапиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки) могут серьезно отличаться от классического индивидуализированного капитализма [Безнин, Димони, 2016. С. 301–337].

Важнейшая особенность российского советского госкапитализма, по нашему мнению, состояла в действии системы разделенного права собственности. Уникальность этой системы позволила сформировать специфичную, присущую только России, когорту управленцев, «разделивших» между «отрядами» политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков и др. права со-собственников, прежде всего, в отношении производственного капитала (по советской терминологии – основные фонды производства). Это, в свою очередь, привело к исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс и окончательно оформить его. История возвышения правящей элиты в СССР привлекала исследователей еще с 1930-х гг. В 1936 г. Л.Д. Троцкий обвинил партийных управленцев в буржуазном перерождении [Троцкий, 1991], эту линию продолжили исследования А.Г. Авторханова [Авторханов, 1976], М. Джиласа [Джилас, 1958], М.С. Восленского [Восленский 2005] и др. Следует отметить также оригинальное предположение К. Виттфогеля об ирригационном (гидравлическом, менеджериальном) обществе в СССР, основанном на высокой роли бюрократии в государстве с трудными климатическими условиями ведения сельского хозяйства [Wittfogel, 1957].

Особенности «разделенности» прав собственности прослеживаются и в действиях реального законодательства и обычного права. Рассмотрим на этот предмет, например, право земельной собственности в СССР. В основе сложившихся в СССР после 1917 г. земельных отношений лежали законодательные акты об отмене частной собственности на землю и ее национализации. Вся земля вместе с ее недрами, лесами и водами стала государственной собственностью («всемирным достоянием»). К середине 1930-х гг. сложились

² Под «капиталом» (прошлым, или овеществленным трудом) здесь и далее мы понимаем ресурсы, используемые в производстве и воплощенные в ранее созданных средствах производства и предметах труда.

³ Под «живым трудом» мы понимаем непосредственные трудовые усилия, связанные с обеспечением функционирования овеществленного труда (капитала).

основные формы советского землепользования. Одна часть земли использовалась государством непосредственно через государственные организации, учреждения и предприятия (совхозы, фабрики, заводы и т.д.). Другая значительная часть была передана в пользование колхозов (сельхозартелей). Земля закреплялась за сельхозартелями в бессрочное и бесплатное пользование, а колхозный двор мог иметь в личном пользовании приусадебный участок земли в размерах, установленных Примерным Уставом сельхозартели 1935 г. Таким образом, государство предоставляло землю в пользование колхозам (по сути дела – в долгосрочную аренду), а те в свою очередь – колхозным дворам (в субаренду). Следовательно, земля становилась объектом неоднократно накладывающихся друг на друга прав собственности, влекущих соответствующие «тягловые» обязанности землепользователей. Арендная плата за пользование земельной собственностью с колхозов и колхозных дворов взималась государством в натуральной и денежной формах. К натуральной форме относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС (из доли валового продукта); к денежной – сельхозналог. Колхозный двор нес обязательства перед колхозом, главным из которых было выполнение отработочной повинности в общественном хозяйстве сельхозартели с выработкой обязательного минимума трудодней [Безнин, Димони, 2002. С. 96–111]. Зависимость между размерами приусадебного участка и активностью участия в колхозных работах неоднократно подтверждалась крупными законодательными актами (1939 г., 1946 г., 1956 г.) [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 707–713; 1968. Т. 3. С. 336–340; 1968. Т. 4. С. 290–297].

Другой характерной чертой отношений собственности на землю периода 1930–1950-х гг. была уникальность соединения земли и сельскохозяйственного капитала. До 1958 г. была запрещена продажа крупной сельхозтехники колхозам, она оставалась во владении государства. Таким образом, система отношений в части собственности на землю 1930–1950-х гг. позволяет говорить о наличии «разделенной» земельной собственности, когда право владения землей и основными средствами производства оставалось у государства, но часть полномочий собственника – распоряжение и пользование – передавалась основному землепользователю – колхозу и, частично, приусадебным землепользователям.

Описанный тип поземельных отношений определял существование особой формы политической власти, опирающейся на систему «внеэкономического» и, в гораздо меньшей мере, экономического принуждения. «Разделенное» право собственности давало возможность властвовать над личностью: этой цели служила паспортная система 1932 г., «прикреплявшая» крестьянина к земле, многочисленные акты, распоряжавшиеся работником на земле (через систему оргнабора, переселений, привлечения к различным неземледельческим повинностям и т.д.). Часть функций властвования передавалась в низовые органы. Так, по Уставу сельхозартели 1935 г. правление колхоза обладало правом наложения взысканий на колхозника и т.д. [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 528].

Эволюция права собственности на землю претерпела серьезные изменения во второй половине 1960-х – 1980-е гг. На данном этапе система отношений собственности становится более «свободной», землепользователи освобождаются от тягловых обязательств. С 1958 г. были отменены обязательные государственные поставки сельхозпродуктов колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата колхозов за работы МТС [Решения партии..., 1968. Т. 4. С. 349, 428]. Продажа сельхозтехники колхозам после 1958 г. означала новую форму «соединения» основных средств производства с землей, был сделан революционный шаг к консолидации «разделенных» прав собственности. Это повлекло за собой частичный переход титулов права земельной собственности к первичным землепользователям. Менялась иерархическая структура поземельных отношений, они становились более однородными. Две основные формы землепользования – колхозная и совхозная – быстро сближались. Происходило устране-

ние связанности оборота земель – государственное законодательство с 1954 г. разрешало обмен земельными участками между колхозами, совхозами, другими землепользователями [Сборник законодательных..., 1962. С. 44]. Таким образом, к концу 1960-х гг. неформально и формально нарушалась монополия государственной земельной собственности. Многие вопросы хозяйственной деятельности решались руководителями колхозов, госпредприятий и совхозов, что означало сосредоточение в их руках основных функций собственника – владения и распоряжения средствами производства хозяйства (частично это распространялось и на землю). В обществе шло становление нового класса (протобуржуазии), заинтересованного в легальном и полном осуществлении прав собственности на землю. Эволюция отношений собственности на землю привела к тому, что с конца 1980-х гг. произошла правовая легализация нового земельного строя, связанного с рыночным характером поземельных отношений. В 1990 г. в законодательство о земле был введен новый титул – пожизненное наследуемое владение, а также право аренды земли. В 1993 г. указом Президента РФ о регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы было установлено, что земельные фонды сельхозпредприятий должны быть разделены на индивидуальные пай, внутри коллективов был разрешен оборот земли. Еще более выражены эти процессы были в отношении земель личного подсобного хозяйства (ЛПХ), которые с 1992 г. передавались в собственность со всеми полномочиями, включая право продажи, аренды и залога.

Основную роль в формировании новых социально-экономических институтов и изменениях в их содержании играл новый советский класс протобуржуазии – носитель прав собственности. Класс протобуржуазии, который осуществлял функции разделенного права собственности, включал тех, кто реализовывал основные права собственника, а именно владения, распоряжения и пользования капиталом. В частности, это руководители предприятий (промышленных и сельскохозяйственных), руководители структур планирования, администрирования и финансирования экономики, политическое и хозяйственное руководство в центре и на местах. Как уже говорилось выше, система разделенного права собственности не давала возможности высшему классу СССР трансформироваться в полного собственника, т.е. сдерживала его на позициях протокласса (отсюда и применяемый нами термин – протобуржуазия). По мнению академика В.М. Полтеровича, рассмотревшего эволюцию права собственности в советском обществе, «в известной триаде, определяющей право собственности как право владеть, распоряжаться и пользоваться, первый элемент был наиболее консервативным. Государство реализовывало его в полной мере вплоть до 1988 г., назначая и сменяя высших руководителей предприятий. Права распоряжаться и пользоваться частично делегировались, причем соответствующие механизмы заметно эволюционировали» [Полтерович, 1993. С. 533–547].

Стратегия управления собственностью сосредотачивалась, прежде всего, в центральных и региональных комитетах ВКП(б) – КПСС. Внешне это выражалось в определении направленности экономического развития страны в долгосрочном и краткосрочном (пятилетнем) форматах, рассмотрении конкретных вопросов развития отраслей народного хозяйства, обсуждении контрольных показателей развития и др.

«Отряд» протобуржуазии, непосредственно отвечавший за управление экономикой, концентрировался в правительстве страны и региональных исполкомах. К ведению правительственной верхушки (сосредоточена в СНК СССР – председатель, наркомы, затем – в Совете Министров – председатель, министры) в хозяйственном плане относилось непосредственное осуществление народно-хозяйственного плана и формирование государственного бюджета. Деятельность правительства была организована по отраслевому признаку, совнаркомы (позднее – министерства, краткий период времени – совнархозы) руководили не только отраслью, но и предприятиями, объединениями, учреждениями и организациями.

Через институт планирования реализовывала свою часть права собственности протобуржуазия Госплана. Госплан являлся центральным органом управления в области планирования, был построен в основном по отраслевому признаку, его задачи состояли в подготовке, согласно решениям съездов КПСС и постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР, планов хозяйственного развития и контроле за их выполнением. Госплан работал в тесной сопряженности с министерствами, комитетами и ведомствами.

Финансовая часть функций со-собственника, связанная с реализацией разделенных прав собственности, была отдана Госбанку. Протобуржуазия Госбанка управляла налично-денежным оборотом, Госбанк проводил безналичные расчеты, осуществлял краткосрочное кредитование всех основных отраслей народного хозяйства и долгосрочное кредитование сельского хозяйства, на него было возложено кассовое исполнение государственного бюджета. В процессе реализации возложенных на него функций Госбанк СССР осуществлял общегосударственный контроль за выполнением предприятиями и организациями установленных для них планов производства и реализации продукции и за соблюдением финансовой дисциплины.

Внизу пирамиды протобуржуазного класса со-собственников были непосредственные руководители предприятий и организаций. В 1930 – начале 1960-х гг. объем их прав был относительно невелик, особенно на государственных предприятиях, где была особенно сильной регламентация деятельности. Парадоксально, но председатели колхозов, находясь в самом низу пирамиды со-собственников, обладали нередко большим объемом прав в реализации отношений собственности. Они избирались общим собранием артели и по Примерному уставу сельхозартели 1935 г. обладали довольно большими полномочиями по распоряжению колхозным имуществом: заключали договоры на продажу или приобретение имущества, подписывали платежные чеки и поручения, накладные на выдачу колхозной продукции, выдавали колхозникам денежные суммы под отчет и т. д. [740 вопросов..., 1961. С. 84] Объем прав председателей в отношении колхозной собственности резко возрос после укрупнения колхозов, проводившегося с конца 1940-х гг., а особенно в связи с реорганизацией машинно-тракторных станций. Председатель колхоза получал право постановки вопроса о приобретении в ремонтно-технических станциях основных орудий производства [Закон Верховного Совета..., 1968. Т. 4. С. 392–398], возрастала его роль в распоряжении серьезно увеличившимися колхозными капиталами.

Протобуржуазные тенденции были характерны не только для высшего класса – протобуржуазии, но и для других классов советского общества [Безнин, Димони, 2011. С. 90–102]. По нашему мнению, в российском социуме 1930–1980-х гг. сложились, как минимум, пять основных социальных классов, по-разному участвующих в реализации права собственности. Основным помощником протобуржуазии, «рычагом» в осуществлении социально-экономического переустройства общества был довольно многочисленный социальный класс *менеджеров*. Если протобуржуазия была больше других категорий населения связана с реализацией полного права собственности, постепенно овладевала капиталами народного хозяйства, то менеджеры осваивали собственность через непосредственное распоряжение и управление ресурсно-товарными потоками (трудовыми ресурсами, финансовыми средствами, производственными капиталами и др.). Третий крупный социальный класс – *интеллектуалы* – переносили в стоимость продукта интеллектуальный капитал (прежде всего, специальные знания о производственном процессе и его технологиях), собственниками которого они являлись⁴. Социальный статус класса *рабочей аристократии* строился на овладении техникой – главным материальным фак-

⁴ Данное рассуждение строится на теории интеллектуального капитала, разработанной в 1970–1980-е гг. П. Друкером и др.

тором капитализировавшейся экономики. Место рабочей аристократии в отношении собственности базировалось на реализации ими потенциала прошлого труда (капитала). Пятый социальный класс – *пролетариат* – был классом, наиболее отдаленным от участия в реализации прав собственности, его труд в наибольшей степени эксплуатировался. Место пролетариата в капитализированной экономике было связано с переносом в стоимость продукта потенциала живого труда (данный класс затрачивал в наибольшей степени физические усилия в производстве продукции).

Одним из важнейших составляющих классовой динамики было отстаивание места в праве реализации отношений собственности. В числе достаточно обсуждаемых тем современной российской историографии находится проблема так называемых «злоупотреблений» собственностью. В число этих явлений включается многообразный спектр действий: кражи продуктов, так называемые «разбазаривания», «растаскивания» имущества, «самоснабжение», использование техники, другого имущества, земли для личных нужд и т.д. Однако исследователи практически не задаются вопросом о природе этих действий, их глубинных причинах, связанных, по нашему мнению, с глобальными изменениями экономического строя России – проникновением государственного капитализма в советские общественные и экономические институты. Тот факт, что данные явления были довольно привычными в советской повседневности, говорит о системной встроенности «внезаконной» реализации права собственности. «Внезаконная» реализация права собственности рассматривалась «высшими» и «средними» классами как своеобразная плата за должность. «Низшие» классы – рабочая аристократия и пролетариат – явочным порядком осуществляли свои собственнические права, что чаще всего расценивалось государством как «воровство».

Совокупность эволюции экономических и социальных институтов привела к формированию нового типа социально-экономического устройства советского общества – государственно-капиталистическому. Гранью перехода к этому новому типу стали конец 1920-х – начало 1930-х гг. Суть данной революции состояла в переходе от аграрного общества к обществу капитализированному. Аграрное общество в России, как и в других странах, характеризовалось подавляющей ролью в экономике сельскохозяйственного производства, существованием крестьянства как основной массы населения, доминированием натурального крестьянского хозяйства как главной производственной и потребительской единицы. Государственный капитализм в экономическом смысле для нас – денатурализация и, соответственно, капитализация средств производства, господство крупных форм товарного производства, превалирование капитала (прошлого труда) над живым трудом в структуре издержек производства.

Политическая элита России в первые десятилетия XX в. представляла два пути перехода к капиталистической стадии. Идея строительства в России классического индивидуализированного капитализма потерпела фиаско в связи с поражением представлявших ее сил между февралем и октябрем 1917 г. Советская власть и ее лидеры провозгласили строительство социализма. Однако, «бухаринский» путь (как и ранее «стольпинская» альтернатива) не могли радикально решить проблему решающей стадии первоначального накопления.

И.В. Сталин осуществил государственно-капиталистическое строительство в СССР. В первую очередь был нанесен удар по устоям аграрного общества – мелким крестьянским хозяйствам, натуральности жизни и др. Этот процесс известен в историографии под названием «коллективизация». По сути дела в 1930-е гг. произошел форсированный рывок в процессах первоначального накопления капитала. Социально-экономические революционные перемены в России заняли долгий промежуток времени. Государственно-капиталистическое переустройство России прошло через два крупных этапа. Первый этап охватывал 1930–1950-е гг. Это был период реставрации отношений, напомилавших те, которые в советской историографии назывались феодализмом, возврата системы

повинностей в деревне. Основной упор госкапиталистических изменений в этом периоде делался на сельскохозяйственную составляющую. Второй этап госкапиталистического переустройства охватывал 1960–1980-е гг. Это был период сформированного строительства госкапитализма в России. Произошло отмирание полномасштабной системы внеэкономической эксплуатации: в конце 1950 – первой половине 1960-х гг. ушла в прошлое система крестьянских повинностей, сформировалась система экономического принуждения к труду.

Самое крупное изменение в экономическом устройстве России советского периода было связано с переменами соотношения факторов производства. Как известно, среди основных факторов производства выделяют труд, землю и капитал. От того, какой фактор играет доминирующую роль, во многом зависит тип хозяйства и общества в целом. В потребляющем хозяйстве основным фактором производства была земля. В аграрном обществе среди факторов производства на первое место выходит живой труд. Когда же в России среди факторов производства начал доминировать капитал? Ответ на этот вопрос важен и потому, что соотношение между затратами живого и овеществленного труда является важнейшим из экономических параметров. Кроме того, он тонко отражает сложный процесс взаимодействия социальных, экономических, технологических и прочих моментов.

Абстрактную количественную оценку роли факторов труда и капитала в производстве продукции позволяет дать экономический показатель себестоимости. В советской экономической школе себестоимость и рассчитывалась на основании исчисленных затрат живого труда и капитала на производство продукции. Конечно, большой особенностью этого расчета была «нерыночность» складывания цены на труд и капитал. Более того, в колхозной системе до 1965 г. заработная плата отсутствовала (была оплата трудоднями). Тем не менее существуют расчеты, которые позволяют выявить динамику соотношения факторов живого труда и капитала (прошлого труда) в производстве продукции.

Индустриальная промышленность практически сразу сформировалась как капитализированное производство. По представленным ЦСУ СССР данным о себестоимости промышленной продукции, прошлый труд (капитал) в затратах на производство продукции промышленности составлял в 1960 г. 77,5%, заработная плата – 19,3%, прочие затраты – 3,2%, в 1968 г. – соответственно 80,3, 16,6, 3,1% [Себестоимость промышленной..., 1970. С. 25].

Показатель себестоимости впервые был введен в колхозную отчетность в середине 1960-х гг. Однако история исчисления себестоимости имела более давние традиции. Например, этот показатель использовал выдающийся историк-аграрник В.П. Данилов. По его расчетам, в 1925 г. в крестьянском хозяйстве удельный вес капитала в себестоимости зерна и картофеля составлял около 40%, льна – 25% [Данилов, 1977. С. 265, 266]. По нашим расчетам соотношение затрат капитала (материальных издержек) и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в конце 1950-х гг. составляло 55 к 45% в пользу живого труда, что говорит о генетической близости экономики колхозов этого времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества. Преодоление 50%-ой грани, когда капитал становится ведущим фактором производства колхозов, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что овеществленный в капитале труд составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% себестоимости сельхозпродукции, в 1965 г. – 57% [Хозрасчет..., 1969. С. 256; Сельское ..., 1971. С. 506]. Сравнивая эти данные с показателями 1970–1980-х гг., мы видим коренное изменение соотношения удельного веса капитала и живого труда в себестоимости сельхозпродукции. По расчетам статуправления СССР в РСФСР в 1970 г. капитал составлял около 70%, в 1980 г. – около 80% в структуре себестоимости сельхозпродукции колхозов, а в совхозном производстве в 1980 г. приближался к 90% [Уровень..., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень..., 1983. С. 8–9].

Продолжить рассуждения о соотношении факторов производства позволяет целый ряд малоиспользуемых историками источников по советской экономике, хранившихся в спецхранах. Речь идет, в частности, о балансах народного хозяйства, а также о межотраслевых народнохозяйственных балансах [Безнин, Димони, 2016. С. 6–11].

Истоки метода межотраслевых балансов восходили к работам советских экономистов и статистиков 1920-х гг. Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым в Берлине [Леонтьев, 1925]. Впервые межотраслевой баланс был разработан в СССР в 1959 г., с 1960-х гг. межотраслевые балансы создавались уже с определенной периодичностью.

Одной из составных частей межотраслевых балансов был межотраслевой баланс затрат труда, представлявший собой экономическую таблицу, в которой процесс производства продукции (услуг) и взаимосвязи между отраслями были выражены в затратах труда. Данные межотраслевого баланса затрат труда позволяли определить общие размеры затрат живого и овеществленного труда на производство отдельных продуктов (услуг), установить соотношения этих затрат по каждой отрасли в отдельности. Показатели затрат овеществленного труда по каждой отрасли определялись на основе данных о затратах живого труда отрасли, распределяемых пропорционально использованию продукции данной отрасли в других отраслях. Каждая строка межотраслевого баланса затрат труда показывала, как распределяются затраты живого труда на производство продукции данной отрасли между всеми отраслями, потребляющими ее продукцию, а также на конечное потребление и валовое капиталообразование. Если рассматривать данные баланса по вертикали, то эти же затраты труда выступали уже как затраты прошлого труда, овеществленного в продукции, используемой отдельными отраслями в промежуточном потреблении. Кроме того, по вертикали в каждой колонке были показаны затраты живого труда. В итоге по каждой группе отраслей получалась сумма затрат живого и овеществленного труда на производство продукции по каждой отрасли (совокупные затраты труда). Основным источником информации для составления межотраслевого баланса затрат труда являлись данные межотраслевого баланса и данные статистики труда [Баланс..., 1997].

Важные стороны завершенности капитализации в СССР в конце существования «социалистического» типа хозяйства позволяют выявить данные межотраслевых балансов 1975, 1980, 1985 гг. (табл. 1).

Согласно расчетам за 1975, 1980, 1985 гг. в СССР по всем отраслям материального производства доля живого труда колеблется вокруг показателя в 60%, а прямые затраты овеществленного труда – в 40%. Однако в данных межотраслевого баланса мы видим в промышленности явное преобладание прямых затрат овеществленного труда над затратами живого труда [Основные..., 1987. С. 21].

Приведенные данные о соотношении факторов труда и капитала пока не позволяют дать окончательной оценки уровня и завершенности процессов капитализации в СССР. Ясно, что роль капитала с 1960-х гг. была очень высокой, роль живого труда как фактора постепенно сокращалась. Серьезных дальнейших изысканий заслуживает изучение методики составления такого рода расчетов, сравнение с удельными весами ручного и механизированного труда в производстве, данными об амортизации капитала и т.д.

На последнем сюжете остановимся несколько подробнее, так как уровень амортизации основных капиталов является важным показателем доли капитала, перенесенной в стоимость создаваемого продукта⁵. Уровень нормы амортизации в СССР исчислялся согласно принятой законом величиной. Эта величина зависела от темпов технического прогресса, возможностей выпуска новой техники и т.д. В СССР нормы амортизации пере-

⁵ Под амортизацией понимается постепенное перенесение стоимости основных фондов в процессе их эксплуатации на стоимость готовой продукции.

Таблица 1

Удельный вес живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за 1975–1985 гг. по данным межотраслевого баланса затрат труда СССР* (в % к итогу совокупных затрат труда)

В отраслях материального производства	1975		1980		1985	
	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)
Всего	59,9	40,1	60,3	39,7	60,4	39,6
в том числе в: промышленности	43,1	56,9	45,0	55,0	45,0	55,0
из нее в:						
электроэнергетике	49,1	50,9	48,3	51,7	48,9	51,1
нефтегазовой промышленности	13,9	86,1	13,0	87,0	11,8	88,2
угольной промышленности	50,8	49,2	52,2	47,5	53,8	46,2
черной металлургии	40,8	59,2	41,2	58,8	41,5	58,5
цветной металлургии	44,8	55,2	47,7	52,3	47,5	52,5
химической и нефтехимической промышленности	47,8	52,2	47,1	52,9	45,5	54,5
машиностроения и металлообработки	66,2	33,8	65,4	34,6	66,1	33,9
лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности	56,9	43,1	58,3	41,7	58,7	41,3
промышленности строительных материалов (включая стекольную и фарфоро-фаянсовую промышленность)	53,6	46,4	53,1	46,9	53,8	46,2
легкой промышленности	44,3	55,7	45,5	54,5	45,6	54,4
пищевой промышленности	13,5	86,5	15,4	84,3	15,4	84,6
Строительстве	77,4	22,6	79,3	20,7	79,7	20,3
Сельском и лесном хозяйстве	73,9	26,1	72,1	27,9	72,4	27,6
Транспорте и связи	82,8	17,2	82,6	17,4	82,5	17,5

*Расчет межотраслевых балансов затрат труда произведен на основе показателей отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции в фактически действовавших ценах соответствующих лет.

Источник: Основные показатели баланса народного хозяйства: Стат. сборник. М., 1987. С. 21.

смагивались в 1923, 1930, 1938, 1949, 1951, 1955, 1963, 1975 гг. До 1963 г. установленные нормы амортизационных исчислений были низкими, в пределах 5% стоимости основных фондов. С 1963 г. средняя норма амортизации была увеличена на 24%. Таким образом, нормы 1963 г. значительно ускорили оборот капиталов [Соколов, 2008].

Из данных табл. 2 видно, что величина амортизационных отчислений в 1965–1985 гг. возросла в почти в 5 раз. Особенно серьезно выросли амортизационные отчисления государственных предприятий, основное место среди которых занимали промышленные предприятия – в 1960–1985 гг. – в 11 раз. В целом государственные предприятия давали почти 90% всех амортизационных отчислений, что говорит об их ведущей роли в реализации такого фактора производства, как капитал. Колхозы увеличили уровень амортизационных отчислений в 1960–1985 гг. в 10 раз, однако их доля в общей сумме переносимого в стоимость нового продукта капитала была невысокой. И, наконец, личные приусадебные хозяйства оставались стабильными в своей скромной доле амортизационных отчислений, что вполне оправданно их рутинной экономикой, близкой к традиционному способу ведения хозяйства крестьянского двора.

Таблица 2

Амортизационные отчисления в 1960–1985 гг. в СССР (в ценах периодов между переоценками, млрд руб.)

Годы	Амортизационные отчисления				
	всего	в том числе			
		госпредприятий и центросоюза	из них (госпредприятий) совхозов	колхозов и межхозяйственных организаций	ЛПХ
1960	н.св.	8,8	0,7	1,3	н.св.
1965	22,46	18,03	2,0	2,43	2,0
1970	33,2	27,8	3,0	3,3	2,1
1975	55,2	47,8	5,4	5,4	2,0
1980	78,5	69,5	8,1	7,0	2,0
1985	110,64	98,04	11,8	10,2	2,4

Составлено по: Экономическая эффективность общественного производства (Статист. материалы для расчетов). М., 1988. С. 41–42.

Еще одной важной частью институциональных изменений, связанных с трансформацией экономического типа общества, является роль науки как производственной силы. Уже в советское время было признано, что наука являлась производительной силой и мощным стимулом материального производства. По сути дела, расходы на науку приравнивались к инвестициям в производство.

Из данных табл. 3 видно, что по среднегодовым темпам прироста в 1960-е гг. наиболее быстрорастущим ресурсом, формирующим национальный доход, были накопленные затраты на науку. За десятилетие они выросли более чем в 4,5 раза, тогда как рост других ресурсов не выходил за рамки 2,5 раз. В то же время следует обратить внимание на то, что коэффициент использования совокупности всех ресурсов был невысок и не увеличился за 1961–1970 гг.

Разумеется, тип хозяйственного устройства характеризуется не только соотношением факторов производства. Определяющими его являются также другие экономические параметры: методы регулирования, формы товарности, механизмы мобилизации рабочей силы и т.п. Государственный капитализм в России серьезно отличался от классического варианта капитализма. Это проявлялось и в процессах первоначального накопления,

Таблица 3

Сводный показатель использования ресурсов в СССР в 1961–1970 гг.*

Ресурсы СССР	Среднегодовой темп прироста, в %		Темп роста за весь период (1970 г. в % к 1960 г.)
	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	
Занятые работники	2,0	1,1	116,8
Воспроизводимые основные фонды	9,9	8,2	238,2
Оборотные фонды	8,6	10,4	248,4
Геологоразведочные работы (накопленные затраты)	11,2	8,5	256,0
Наука (накопленные затраты)	17,2	15,9	463,3
Все ресурсы	7,4	6,9	199,0
Национальный доход	6,5	7,7	199,0
Использование ресурсов	–0,7	0,9	100,0

*В таблице приведено сопоставление среднегодового темпа прироста в 1961–1970 гг. совокупности ресурсов материального производства и национального дохода.

Источник: Критерии и показатели экономической эффективности общественного производства при развитии социализме: Сводный докл. / Институт экономики АН СССР. М., 1973. С. 66–67.

и в финансовой системе, и в специфических проявлениях товарности, часто «нерыночного» плана. В современном общественном мнении превалирует мнение о «недостаточности» института рынка, отсутствии товарно-рыночных механизмов в экономике СССР (кроме периода нэпа) и о том, что это, в конечном итоге, привело к кризису в социально-экономическом развитии страны. Много копий было сломано вокруг рассмотрения характера планирования экономического развития в СССР, иногда данный способ связывался с трактовкой его как несовместимого с рыночными механизмами.

Однако данные представления являются не только неверными, но и политически ангажированными. В крупной индустриальной экономике, которой являлся Советский Союз, невозможно было существование замкнутых, натуральных подсистем. Через разные схемы была сформирована товарность труда, капиталов и товаров. Однако советская товарность была крайне специфична, строилась на использовании в определенное время системы внеэкономической эксплуатации (повинностей) и механизмов принудительной товарности. Вместе с тем в советской экономике функционировали и чисто рыночные механизмы в виде колхозной базарной торговли и теневого сектора.

Становление института товарности в советской экономике требовало, прежде всего, формирования устойчивых механизмов движения средств производства, рабочей силы и продукта труда. Особую сложность в этом процессе представляла сельская экономика, сохранявшая почти до середины XX в. большие пласты натурального хозяйствования. В связи с невозможностью обеспечить адекватный встречный товарный поток в деревню 1930–1950-х гг., важнейшую роль играла повинностная система, охватывавшая колхозный и индивидуальный уклады. Совхозы же сразу устраивались как фабрики в смысле предназначения производимого продукта. Многоканальность изъятия продукта (через госпоставки, натуроплату МТС, госзакупки, контрактацию) отражала особенности взаимоотношений с колхозами и крестьянскими дворами. Госпоставки представляются символом уникального колхозного механизма российского капиталистического переустройства. Особым каналом мобилизации аграрного продукта при недостатке технически организованного капитала и концентрации его в отдельной структуре была натуроплата за работу МТС.

Большая степень свободы распоряжения продуктом и более высокая окупаемость объективно явились методом отработки нового механизма товарности продукции сельского хозяйства. Этот механизм формируется в конце 1950-х гг. и связан с переходом к госзакупкам по ценам, превышавшим себестоимость. Это было важнейшим признаком товарной капитализации, несмотря на ее огосударствленность в виде плановости, регламентации цен и т.п. В целом товарным сельское хозяйство СССР становится в 1960-е гг., когда, судя по статистическим данным, из всех отраслей сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств) отчуждается более половины сельхозпродукции. К началу 1980-х гг. доля отчуждаемой продукции в сельском хозяйстве СССР составляла уже 62% [Емельянов, 1982. С. 355].

Рынок рабочей силы был неразрывно связан с ее покупкой-продажей. В промышленности данный механизм существовал еще с позапрошлого столетия. В сельском же хозяйстве России становление рынка рабочей силы прошло несколько этапов. На первом этапе, в начале 1930-х гг., заработной платой были охвачены только рабочие совхозов. Второй этап связан с проникновением элементов заработной платы в колхозы. Этот период длился с середины 1930-х – до середины 1950-х гг. Частично рыночные механизмы покупки рабочей силы действовали в отношении председателей колхозов, колхозных счетоводов, представителей класса сельскохозяйственных интеллектуалов (агрономов, зоотехников, инженеров и др.), трактористов. Завершающими этапами становления рынка рабочей силы в сельском хозяйстве стали вторая половина 1950-х – 1960-е гг. С 1956 г. было введено ежемесячное авансирование колхозников, а с 1966 г. вводилась гарантированная оплата труда колхозников [Безнин, Димони, 2015. С. 139–165].

В ходе становления рынка рабочей силы происходило выравнивание цены на рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве.

Таблица 4

Среднемесячная денежная заработная плата в промышленности, совхозах и колхозах РСФСР в 1940–1985 гг. (руб.)

	1940	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985
В промышленности	35,5	71,9	79,5	92,1	104,3	136,0	167,9	191,3	217,9
В совхозах	24,2*	41,0*	47,7*	54,6*	76,0	103	135	157	202
В колхозах**	11,7***	16,6***	25***	28,3***	50	78	100	104	153,4***

* В том числе подсобные сельскохозяйственные предприятия.

** Среднемесячная оплата труда в общественном хозяйстве.

*** Данные по СССР.

Составлено по: РСФСР за 50 лет: Стат. сборник. М., 1967. С. 144; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 235.

Как видно из данных табл. 4, отставание денежной оплаты труда в колхозах от совхозного уровня в 1940 г. составляло 2 раза и от уровня оплаты труда в промышленности 3 раза, в 1965 г. – уже 1,5 раза и 2 раза, а в 1985 г. денежная оплата труда в колхозах РСФСР отставала от совхозной лишь в 1,3 раза, а от промышленной – в 1,4 раза. Следовательно, оплата труда в разных укладах все больше сближалась с классической заработной платой как основным источником дохода рабочего по найму, ценой рабочей силы, соответствующей стоимости предметов потребления и услуг, которые обеспечивают воспроизводство рабочей силы.

Параллельно со становлением рынка товаров и рынка рабочей силы шло становление рынка капиталов. Под рынком капиталов понимают часть финансового рынка, на котором обращаются длинные деньги (т.е. денежные средства со сроком обращения более

года). Главная цель рынка капиталов – инвестиция свободных средств в доходные финансовые активы. В СССР основной формой обращения финансовых ресурсов были банковские ссуды (кредитные займы).

Становление рынка капиталов в России заняло довольно долгий период. Как известно, в декабре 1917 г. банковское дело декретом ВЦИК было объявлено государственной монополией, все коммерческие кредитные учреждения были национализированы и объединены с Государственным банком. До конца 1921 г. он был единственным кредитным учреждением в стране. В 1922–1930 гг. в стране стали возникать кредитные кооперативы, шло становление акционерных банков, формирование отраслевой банковской структуры. Завершение нэпа было ознаменовано кредитной реформой 1930–1932 гг., в ходе которой была создана система планового кредитования и расчетов в народном хозяйстве. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 мая 1932 г. финансирование и *долгосрочное кредитование* капиталовложений во все отрасли народного хозяйства возлагалось на четыре специальных банка. При этом взаимный коммерческий кредит был ликвидирован, а операции по прямому краткосрочному кредитованию стали осуществляться в Госбанке, который стал единым кассовым, расчетным и кредитным центром страны. В ограниченных размерах кредитно-расчетные функции по внешнеторговым операциям выполнял также Внешторгбанк. Для финансирования сельского хозяйства был создан Сельхозбанк. В его задачи входило «финансирование в порядке безвозвратных вложений и долгосрочных ссуд всех видов капитальных затрат предприятий и организаций государственного сектора сельского хозяйства, Трактороцентра и колхозной системы» [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 385–388]. После реорганизации в 1959 г. системы банков долгосрочных вложений [Решения партии..., 1968. Т. 4. С. 567] функции долгосрочного кредитования колхозов перешли к Госбанку СССР (табл. 5).

Таблица 5
Госбанк в кредитной системе СССР

Дата	Сеть кредитных учреждений, ед.*			Кредитные вложения в народное хозяйство СССР (задолженность), млн руб.			Доля Госбанка в краткосрочных кредитных вложениях, %
	всего	в том числе Госбанк	доля Госбанка, %	всего	в том числе Госбанк	доля Госбанка, %	
1.10.1926	1 815	488	27	3 158**	1 517**	48	57
1.01.1933	2 975	2 198	74	1 839	1 197	65	97
1.01.1941	4 831	3 949	82	6 428	5 848	91	99
1.01.1951	6 040	4 915	81	19 315	17 285	89	94
1.01.1961	4 701	4 214	90	46 558	44 147	95	96
1.01.1971	5 219	4 135	79	126 234	112 599	89	92
1.01.1981	6 276	4 429	71	342 464	274 909	80	85
1.01.1991	5 811***	235***	4	364 400	376	0,1	1,3

* Включая управляющие офисы без ломбардов, всех видов приписных, районных расчетных касс и пунктов уполномоченных при учреждениях Госбанка, а также без сети сберегательных касс (с 1988 г. – Сбербанка СССР).

** В масштабе цен тех лет.

*** На 1.01.1990 (по данным отчета Госбанка за 1989 г.).

Источник: По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 9. Балансы Государственного Банка СССР (1922–1990). М., 2010. С. 9.

Как видно из данных табл. 5, качественные изменения в кредитной системе постепенно происходили. Росла сеть кредитных учреждений, с начала 1970-х гг. все меньшую долю в их числе занимал Госбанк. Важнейшим показателем роста рынка капиталов было увеличение инвестиций в народное хозяйство, особенно заметное с 1960-х гг.

Важное значение в понимании становления рынка капиталов имеет также соотношение между долгосрочным и краткосрочным кредитованием. Долгосрочный ссудный капитал, как правило, использовался на пополнение и развитие основных фондов, краткосрочные ссуды – на пополнение оборотных средств.

Рассмотрим, какова была динамика проникновения в народное хозяйство банковского ссудного капитала (табл. 6).

Таблица 6

Кредитование банками СССР народного хозяйства и населения в 1940–1989 гг. (остатки ссуд на конец года, млрд руб.)

	1940	1965	1970	1975	1980	1985	1989
Краткосрочные ссуды	5,6	66,7	104,7	160,7	261,4	426,4	287,1
Долгосрочные ссуды	0,8	7,3	21,5	43,3	81,1	94,9	104,0

Составлено по: Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный стат. сборник. М., 1977. С. 656; Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Стат. ежегодник. М., 1990. С. 627.

Особенностями рынка капиталов в СССР были две яркие черты. Первая – связана с преобладанием краткосрочных ссуд над долгосрочными вложениями, что говорит о незрелости кредитных отношений. Однако нельзя не заметить, что долгосрочные ссуды имели тенденцию к нарастанию величин. Вторая черта связана с серьезным увеличением кредитов только в 1960–1970-е и последующие годы. В целом институт рынка капиталов в СССР нуждается в дальнейшем серьезном и глубоком исследовании.

Таким образом, институциональные особенности российского государственного капитализма во многом обуславливались тем, что идеологи теории институциональных изменений назвали «путь зависимости». Начав модернизационные преобразования в аграрной стране, большевики во многом вынужденно использовали механизмы первоначального накопления, напоминающие «феодалные», повинностные методы эксплуатации. Однако использовались эти механизмы для таких важнейших трансформаций, как увеличение роли капитала в экономике страны, становление рынков, формирование новых классов и отношений собственности. Как только фактор капитала стал достаточно объемным, что произошло в 1960-е гг., все институты экономики и общества стали стремительно меняться. Консолидировался класс протобуржуазии, протобуржуазные тенденции проникали в другие слои и классы общества, свободнее и многограннее становились отношения собственности. К 1960-м гг. относится и близкое к классическим проявление рыночных институтов в советской экономике, когда труд, капиталы и продукция приобретали черты адекватной купли-продажи. Вместе с тем уровень развития государственного капитализма, его особенности в советской России так пока и остается малоизученным историками сюжетом, на котором, хотелось бы верить, все чаще будет останавливаться интерес исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Авторханов А.Г. (1976). Технология власти. Frankfurt a M.: Посев.
- Баланс затрат труда, межотраслевой (1997). // Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилиян. М.: Институт новой экономики. С. 324.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2011). Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс. № 11. С. 90–102.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2015). Реформы механизма эксплуатации сельскохозяйственных трудовых ресурсов в 1930–1980-е годы // Экономическое развитие и практика реформ: Сб. статей (2015). М.: Институт экономики РАН. С. 139–165
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2016). Госкапитализм, социальные классы, культурный ландшафт советской деревни сталинского и послесталинского времени // The Soviet and Post-soviet review. № 43. С. 301–337.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2016). Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки. № 1/16. С. 6–11.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2002). Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. № 2. С. 96–111.
- Венедиктов А.В. (1948). Государственная социалистическая собственность. М.: Издат. АН СССР.
- Восленский М.С. (2005). Номенклатура: (Анатомия советского правящего класса). М.: Изд-во «Захаров».
- Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.
- Джилас М. (1958). Новый класс: (Анализ комм. системы). New York: Praeger.
- Емельянов А.М. (1982). Экономика сельского хозяйства. М.: Экономика.
- Закон Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (1968) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат.
- Леонтьев В. (1925). Баланс народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. № 12. С. 254–258.
- Основные показатели баланса народного хозяйства (1987): Стат. сборник: М.: б/и.
- Полтерович В. М. (1993) Экономическая реформа 1992 г.: битва правительства с трудовыми коллективами // Экономика и математические методы. Т. 29. Вып.4. С. 533–547.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1967). Т. 2. М.: Политиздат.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1968). Т. 3. М.: Политиздат.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1968). Т. 4. М.: Политиздат.
- Сборник законодательных актов о земле (1962). М.: Госюриздат.
- Себестоимость промышленной продукции (1970). М.: б/и.
- Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник (1971). М.: Статистика.
- Соколов М.М. (2008). Изменения в амортизационной политике как особая форма налогового воздействия на развитие экономики // Все о налогах. № 3. С. 23–44.
- Троцкий Л.Д. (1991). Преданная революция. М.: НИИ культуры.
- Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продуктов растениеводства совхозов за 1966–1980 г. (1983). М.: б/и.
- Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов (1975). М.: б/и.
- Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве (1969). М.: Институт экономики.
- 740 вопросов и ответов по колхозному законодательству (1961) / Отв. ред. Ф.Г. Иваницкий. М.: Госюриздат.
- Huntington S.P. Political Order in Changing Societies (1968). New Haven and London: Yale University Press.
- Moore B. Jr. (1966). Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press.
- Pierson P., Skocpol T. (2002). Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline. Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton.
- Skocpol T. (1979). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Tilly Ch. (1984). Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation.
- Turner J. (1997). The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York: Longman.
- Wittfogel K. (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press.

Безнин Михаил Алексеевич

beznin@uni-vologda.ac.ru

Димони Татьяна Михайловна

dimonitm@yandex.ru

Michail Beznin

Doctor habitatus of history, professor, vice-rector of the Vologda State University, head of department of Russian history

beznin@uni-vologda.ac.ru

Tatiana Dimoni

Doctor habitatus of history, associate professor, professor of the Department of Russian history of the Vologda State University

dimonitm@yandex.ru

THE INSTITUTIONAL FEATURES OF RUSSIAN CAPITALISM: FROM STALIN TO BREZHNEV

Abstract. The article from the point of view of institutional approach the evolution of the institutions of property, of merchantability, classes, etc. in Russia, 1930-1980-ies In relation to the institution of property is undertaken in the article the description of its functioning in the framework of the split of ownership rights took shape in the Soviet period. The Institute of marketability is considered from the position of its work in the framework of forced product tovarization, especially in the rural economy. The class structure of society in the Soviet period, as the authors believe, has evolved towards class pluralism and differentiation of class interests. The main source base for the consideration of the transformation of the institutions of society were legislative acts, statistical information, in particular, inter-sectoral balances. The authors come to the conclusion about the deep revolutionary transformation of economic and social institutions of Russia, which occurred at the turn of the 1950s-1960s. the Essence of this transformation is characterized in the article as the formation of the state-capitalist system, with its inherent features of the prevalence of capital among the factors of production, the formation of a new class system of society. The authors leave open questions about the completeness of the transformation of large institutions of society in the Soviet era, leaving the possibility of expanding the discussion on the described subjects.

Keywords: *Russia, Soviet period, social and economic institutions, property relations, state capitalism.*

JEL Classification: N01, N14, N50.

REFERENCES

- 740 voprosov i otvetov po kolhoznomu zakonodatel'stvu [740 questions and answers on collective farm legislation]. (1961) / *Otv. red. F.G. Ivanickij. M.: Gosyurizdat.*
- Avtorhanov A.G. (1976). Tekhnologiya vlasti [Technology of the power]. Frankfurt a M.: Posev.*
- Balans zatrat truda, mezhotraslevoj [The balance of labor costs, interindustry]. (1997) // Bol'shoj ekonomicheskij slovar' /Pod red. A.N. Azriliyan. M.: Institut novoj ekonomiki.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2011). Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. [Social classes in the Russian collective-farm and state-farm village of the 1930–1980s] // Socis. № 11. Pp. 90–102.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2015). Reformy mekhanizma ekspluatatsii sel'skohozyajstvennyh trudovyh resursov v 1930–1980-e gody [Reforms of the mechanism for the exploitation of agricultural labor resources in the 1930s–1980s]. // Ekonomicheskoe razvitie i praktika reform: Sb. statej (2015). M.: Institut ekonomiki RAN. Pp. 139–165.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2016). Goskapitalizm, social'nye klassy, kul'turnyj landshaft sovjetskoj derevni stalinskogo i poslestalinskogo vremeni [State capitalism, social classes, cultural landscape of the Soviet village of Stalin and post-Stalin times] // The Soviet and Post-soviet review. № 43. Pp. 301–337.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2016). Istochnikovyje vozmozhnosti balansov narodnogo hozyajstva v kontekste izuchenija social'no-ekonomicheskoi istorii SSSR (pilotnoe issledovanie) [Source opportunities of balances of the national economy in the context of studying the socio-economic history of the USSR (pilot study)] // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye i pedagogicheskie nauki. № 1/16. Pp. 6–11.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2002) Povinnosti rossijskih kolhoznikov v 1930–1960-e gody [The duties of Russian collective farmers in the 1930s–1960s] // Otechestvennaja istorija. № 2. Pp. 96–111.*
- Venediktov A.V. (1948). Gosudarstvennaja socialisticheskaja sobstvennost'. M.: Izdat. AN SSSR.*

- Danilov V.P.* (1977). *Sovetskaya dokolhoznoy derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, hozyajstvo* [Soviet pre-kolkhoz village: population, land tenure, economy]. M.: Nauka.
- Dzhilas M.* (1958) *Novyj klass : (Analiz komm. Sistemy)* [New class: (Analysis of comm. Systems)]. New York: Praeger.
- Emel'yanov A. M.* (1982). *Ekonomika sel'skogo hozyajstva* [Economics of Agriculture]. M.: Ekonomika.
- Hozraschet i ceny v socialisticheskom sel'skom hozyajstve* [Cost accounting and prices in socialist agriculture] (1969). M.: Institut ekonomiki.
- Huntington S.P.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven and London: Yale University Press.
- Leont'ev V.* (1925). *Balans narodnogo hozyajstva SSSR* [Balance of the national economy of the USSR] // *Planovoe hozyajstvo*. № 12. Pp. 254–258.
- Moore B. Jr.* (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Osnovnye pokazateli balansa narodnogo hozyajstva* [The main indicators of the balance of the national economy]. (1987) *Statisticheskij sb.* M.: b/i.
- Pierson P., Skocpol T.* (2002). *Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline*. Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton.
- Polterovich V.M.* (1993). *Ekonomicheskaya reforma 1992 g.: bitva pravitel'stva s trudovymi kolektivami* [Economic Reform 1992: The Government's Battle with Labor Collectives] // *Ekonomika i matematicheskie metody*. T. 29. Vyp.4. Pp. 533–547.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.2] (1967). T. 2. M.: Politizdat.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.3]. (1968). T.3. M.: Politizdat.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.4]. (1968) T.4. M.: Politizdat.
- Sbornik zakonodatel'nyh aktov o zemle* [Collection of laws on land]. (1962). M.: Gosyurizdat.
- Sebestoimost' promyshlennoj produkcii* [The cost of industrial products] (1970). M.: 1970. b/i.
- Sel'skoe hozyajstvo SSSR: Stat. sbornik* [Agriculture of the USSR: stat. collection]. (1971). M.: Statistika.
- Skocpol T.* (1979). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Sokolov M.M.* (2008). *Izmeneniya v amortizacionnoj politike kak osobaya forma nalogovogo vozdejstviya na razvitie ekonomiki* [Changes in depreciation policy as a special form of tax impact on the development of the economy] // *Vse o nalogah*. № 3. S. 23–44.
- Tilly Ch.* (1984). *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* New York: Russell Sage Foundation.
- Trotsky L.D.* (1991). *Predannaya revolyuciya* [A committed revolution]. M.: NII kul'tury.
- Turner J.* (1997). *The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective*. New York: Longman.
- Uroven' i sostav zatrat na proizvodstvo valovoj produkcii kolhozov i sovhozov i produktov rastenievodstva sovhozov za 1966–1980 g.* [The level and composition of the cost of the production of gross output of collective and state farms and crop products of state farms for 1966–1980] (1983). M.: b/i.
- Uroven' i struktura sebestoimosti sel'skohozyajstvennoj produkcii kolhozov i sovhozov* [The level and structure of the cost of agricultural products of collective and state farms]. (1975). M.: b/i.
- Venediktov A.V.* (1948). *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. M.: Izdat. AN SSSR.
- Voslenskij M.S.* (2005). *Nomenklatura: (Anatomiya sovetskogo pravyashchego klassa)* [Nomenclature: (Anatomy of the Soviet governing class)]. M.: Zaharov.
- Wittfogel K.* (1957). *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.
- Zakon Verhovnogo Soveta SSSR ot 31 marta 1958 g. «O dal'nejshem razvitii kolhoznogo stroya i reorganizacii mashinno-traktornyh stancij»* [The law of the Supreme Soviet of the USSR dated March 31, 1958 «On the further development of the collective farm system and the reorganization of the machine and tractor stations»]. (1968) // *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam*. T. 3. M.: Politizdat.

Г.Г. Попов

*к.э.н., доцент, Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва*

КРИЗИС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ» В ПОНИМАНИИ РУКОВОДСТВА СССР И УЧЕНЫХ-СОВРЕМЕННОКОВ ТОГО ПЕРИОДА¹

Аннотация. Данная статья посвящена теме институционального взаимодействия государства и науки в СССР в 1970-е – начале 1980-х гг., когда высшая власть в СССР, как и диссиденты, признала кризис в сфере научно-технического прогресса. Автор стремится выяснить, какое место высшее руководство СССР отводило науке в процессе социально-экономического развития советского общества и какими инструментами оно намеревалось управлять наукой как частью экономики, и насколько эти планы были реализованы. Автор приходит к выводу, что передача управления наукой партийным органам не могло дать серьезного эффекта от внедрения инноваций в производство, так как сама система взглядов значительной части руководящего звена КПСС в центральном аппарате управления и в регионах оставалась слишком консервативной. Помимо этого, автором приводятся факты, касающиеся особенностей организации науки в СССР, которые демонстрируют достаточно высокую степень децентрализации процесса управления научно-техническим прогрессом в советском обществе. Автор обращает внимание на плюрализм взглядов на научно-технический прогресс во властных структурах СССР, в частности, им отмечается, что некоторые представители власти в Советском Союзе связывали научно-технический прогресс с необходимостью перестройки производственных и управленческих структур в государстве. Автор приходит к выводу, что высшее руководство СССР так и не выработало четкой стратегии научно-технического развития страны, встав на путь технократии. По мнению автора, научно-технический прогресс рассматривался ЦК КПСС в качестве инструмента преодоления экономического кризиса, что было невозможно без изменения системы ценообразования.

Ключевые слова: институциональная экономика, экономическая история СССР, экономическое развитие, инновационная экономика, государственное планирование, власть и наука в СССР.

Классификация JEL: B22, B24, B29

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10210

Введение

Отношения ЦК КПСС с советской наукой в контексте научно-технического развития советского общества были предметом особого интереса в западной историографии. Сегодня, когда в России происходит очередное переосмысление советского прошлого, данная тема приобрела новое значение.

Целью настоящей статьи является сравнение взглядов современников периода «застоя» на причины замедления научно-технического развития советского общества на фоне официально выдвинутых ЦК КПСС положений о роли научно-технического прогресса в социалистической экономике.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

Актуальность настоящей работы заключается в том, что в науке нет системного анализа оценок современниками кризиса советской модели хозяйствования в аспекте инновационного развития; «мэйнстрим» науки утверждает, что советская система плановой экономики, в отличие от рыночной, была изначально порочна, так как хозяйствующие субъекты не были экономически мотивированы делать инновации и повышать эффективность производства в целом. Вместе с тем загадкой экономической истории СССР остается тот факт, что советское руководство достаточно долго (примерно с начала 1970-х гг. до 1985 г.) не предпринимало серьезных попыток изменить ситуацию в сфере НИОКР несмотря на то, что к середине 1970-х гг. высшим руководством страны была принята концепция перехода к интенсивному развитию народного хозяйства.

На первый взгляд Советский Союз был высоко централизованной системой, где экономическая политика государства не была ограничена ни ставкой процента, ни рыночной ставкой оплаты труда, ни решениями частных инвесторов, ни решениями частных фирм, ни многим другим, чем очерчены границы распространения государственного воздействия в рыночных экономиках. Тем не менее советская модель управления экономикой продемонстрировала в 1970-е – начале 1980-х гг. недостаточное стремление внедрять достижения НИОКР в материальное производство. Соответственно, это показывает, что у плановой экономики есть другие и более существенные ограничения влияния центральной власти на хозяйственную деятельность отдельных субъектов. Тогда чем на самом деле являлось социалистическое предприятие, если на его уровне и уровне отрасли могли блокироваться решения высшего руководства страны? Имел ли Советский Союз действительно высоко централизованную систему государственного устройства?

Грегори Гроссман в конце 1970-х гг. заявил, что роль политики КПСС в научно-техническом прогрессе пока что не ясна [Grossman, 1978. P. 19]. Позднее Джозеф Берлинер пришел к выводу, что КПСС и наука слишком отделены друг от друга в советском обществе, чтобы говорить о какой-то совместной их деятельности [Berliner, 1976]. Роберт Кэмпбэл доказывал, что ЦК КПСС имеет влияние на науку в СССР и управляет научно-техническим развитием страны. Именно централизованная система управления советским государством через аппарат КПСС позволяла осуществлять трансфер технологий между отраслями народного хозяйства, когда изначально достижения НТП были в основном ограничены оборонно-промышленным комплексом [Campbell, 1972. P. 586–607]. Непосредственно ЦК КПСС был заинтересован в росте космической отрасли. Из оборонных отраслей, благодаря централизации управления советской экономикой, новые технологии передавались в гражданский сектор [Berliner, 1976].

Уже после холодной войны Филипп Хэнсон признал, что управлению НИОКР в советской экономике было уделено достаточно много внимания [Hanson, 2003. P. 59]. Он выявил, что советское руководство после смерти Сталина делало выбор между централизацией и децентрализацией. Коммунистический режим в 1959 г. сделал ставку на специальные научные отделы при союзных ведомствах, что, по Ф. Хэнсону, стало поворотом в инновационной политике Советского Союза в пользу централизации управления НИОКР, но при этом финансирование инноваций сохранилось за регионами, что создало, по его мнению, определенные хозяйственные сложности [Hanson, 2003. P. 146]. Ригби и Миллер рассматривали министерскую систему, авторитет которой был возрожден в 1960-е гг., как тормоз советского научно-технического прогресса в целом. Интересы министерств вошли в конфликт с более прогрессивным в аспекте осознания необходимости реформ ЦК КПСС [Rigby, Miller, 1976. P. 6]. Мы считаем такое мнение Ригби и Миллера о роли ЦК КПСС в прогрессе советского общества и экономики большим преувеличением, но это мнение содержит немалую долю истины, о чем ниже. Как верно отмечали уже советские современники того периода, тормозом к прогрессу в СССР были региональные и местные партийные органы, которые ограничивали власть экс-

пертов, то есть инженеров и ученых [Завлин П.Н., Щербаков А.И., Юделевич М.А., 1971. С. 299–303]; таким образом, имел место конфликт двух типов власти – власти экспертов и политических функционеров.

По мнению Ф. Хэнсона, инновации на локальном уровне (отрасли и подотрасли) происходили при консультациях с центром, имея главной целью разработку новых продуктов, что давало предприятиям той или иной отрасли право на повышение цен и прирост доходов [Hanson, 2003. Р. 145]. В этой связи делается вывод, что система управления инновациями при Л.И. Брежнев была достаточно децентрализованной, что, впрочем, в условиях последствий косыгинских реформ только способствовало росту инфляции посредством введения специальных наценок на модифицированную продукцию. Это менее всего вело к прогрессу общества. В этом смысле Ф. Хэнсон повторяет положения, высказанные еще в 1979 и 1982 гг. Г. Шредер [Schroeder, 1979; Schroeder, 1982; Schroeder, Denton, 1982]. Ф. Хэнсон вслед за Г. Шредер рассматривает ЦК КПСС брежневского периода не как управляющий центр инновационными процессами в советской экономике, но как пассивного наблюдателя. По Ф. Хэнсону, к концу правления Л.И. Брежнева СССР скатился к власти технократов, которым было позволено в январе 1982 г. сделать ревизию цен, так как фиксированные цены на многие ресурсы мешали долгое время инновационным процессам в отраслях народного хозяйства страны [Hanson, 2003. Р. 145].

По мнению Г. Шредер, проблемы советского инновационного развития лежали не столько в сфере принятых на высшем уровне управленческих практик и самой организации управления страной, сколько в самой модели развития социалистического хозяйства, которая базировалась на принципе вынужденных сбережений средств населения через искусственно созданные ограничения потребления, когда государство перенаправляло большие ресурсы в пользу сектора производства средств производства. Поэтому СССР, отставая по доле инвестиций в ВВП только от Японии, имел сравнительно невысокий среднедушевой ВВП [Schroeder, 1985. Р. 60–64].

Мнение Г. Шредер отражает общее на Западе объяснение причин отставания советской экономики. Однако не берется во внимание факт, что наращивание инвестиций в пропорции более 25% от ВВП имело место во всех крупных и средних азиатских экономиках периода холодной войны. Причина такого явления заключалась не столько в выборе политического строя, сколько в стремлении преодолеть отставание. Советское правительство в начале – середине 1970-х гг. пришло к выводу, что экономика отстает, но причиной отставания, как и в период «оттепели», считалось неудовлетворительное управление, в частности, неэффективное управление наукой и внедрением достижений НИОКР в производство.

Г. Шредер указала на факт крупной диспропорции между выпуском товаров народного потребления и средств производства в пользу последних в плановой экономике СССР. При этом Г. Шредер считала, что советские эксперты знали о том, что данный принцип вызывает дефицит товаров массового потребления, но при этом Г. Шредер не объясняет, почему советское руководство не изменило экономическую политику (как, например, это сделал В.И. Ленин в 1921, объявив НЭП). ЦК КПСС верило в науку, как инструмент, используя который можно и далее сохранять диспропорции между секторами производства средств производства и товаров народного потребления. В 1970-е гг. ЦК КПСС вернулось к идеям о месте НТП в народном хозяйстве, выдвинутые в середине 1950-х гг. Н.С. Хрущевым, хотя эти идеи привели к кризисным процессам в советской экономике в конце «оттепели». По Н.С. Хрущеву, НИОКР должен был вести к снижению издержек производства, что давало возможности расширить выпуск товаров народного потребления при сохранении старых пропорций в распределении ресурсов между секторами А и Б.

Пересмотр цен в январе 1982 г. имел под собой вполне объективные основания (якобы, установившаяся к началу 1980-х гг. технократия не имела к этому явлению прямого отношения). Суть произошедшего в 1982 г. и после заключалась в критике со стороны ЦК

КПСС и Госплана научно-технической политики ведомств и предприятий, что началось еще в период косыгинских реформ.

В марте 1970 г. в ЦК поступило письмо (текст этого письма был составлен еще в конце 1960-х гг. и анонимно опубликован в Италии) от ученых-диссидентов (в эту группу входил академик А. Сахаров), в котором говорилось, что СССР с каждым годом отстает от США в научно-технической сфере, так как советское общество оказалось не готово к новой (второй) научно-технической революции [Завлин, Щербаков, Юделевич, 1971; Сахаров, 1968]. В этом письме констатируется факт, что расходы на образование в СССР в три раза меньше, чем в США. Авторы письма предложили рецепт решения данной проблемы – демократизация советского общества. Таким образом, А. Сахаров и другие авторы указали вначале явную макроэкономическую причину признаков упадка советского НТП – относительно низкие расходы на образование. Но далее они переходят к идеологическим и политическим причинам, предлагая неэкономическую рецептуру для преодоления экономических трудностей. Пройдут годы, Россия перейдет к модели демократического развития, но расходы на образование станут еще ниже, чем в начале 1970-х гг., и это выльется в то же самое отставание не только от США, но и от других стран, только по еще широкому спектру направлений социально-экономического развития.

Если А. Сахаров и другие соавторы знаменитого письма в ЦК КПСС рассматривали причины отставания СССР в научно-технической и экономической сферах с позиций, как сказали бы сейчас, макросоциальной перспективы, то их современники-экономисты, занимавшиеся вопросами НТР и развития производства, имели несколько иной взгляд. В конце того же 1971 г., через несколько месяцев после появления письма А. Сахарова и других в ЦК КПСС, выходит краткая статья А. Попова, посвященная техническому прогрессу. Заметим, А. Попов ставит вопрос не о научно-техническом прогрессе, а просто о техническом, то есть в СССР наука и внедрение новой техники рассматривались отдельно.

А. Попов видит фактором, сдерживающим повышение качества выпускаемой промышленностью продукции, в ценовой политике государства, поэтому он предложил создавать специальные поощрительные фонды для предприятий. Из рассуждений А. Попова следует, что в системе ценообразования в советской промышленности не была четко установлена связь между изменениями рентабельности и качества выпускаемой продукции. Предприятия в СССР, как следует из работы А. Попова, были в начале 1970-х гг. достаточно самостоятельными в выборе выпуска продукции [Попов А., 1971. С. 79–85] (мы не исключаем, что А. Попов преувеличивал степень самостоятельности советских предприятий, но значительная доля истины в его рассуждениях, на наш взгляд, была).

В 1971 г. Съезд КПСС впервые выдвинул декларацию, что НТР должен стать двигателем развития народного хозяйства СССР. Л.И. Брежнев указал тогда на важное значение НТР еще, огласив новую историческую задачу – трансформировать научно-технические достижения в новую продукцию [Материалы XXIV съезда КПСС, 1971а. С. 26–35]. Разумеется, генеральным секретарем на XXIV съезде имелся ввиду гражданский сектор экономики, поскольку оборонно-промышленный комплекс не испытывал таких затруднений. Три года спустя, выступая в Алма-Ате, Л.И. Брежнев высказал идею, что перед советским обществом стоит первоочередная задача – внедрение НТР в производство [Брежнев, 1973. С. 113–116]. То же самое Л.И. Брежнев повторил на юбилее Академии наук осенью 1975 г., когда заявил, что построение коммунизма на данном историческом этапе прямо связано с научно-техническим прогрессом [Брежнев, 1975а].

Интерес Л.И. Брежнева к научно-техническому прогрессу был вызван дискуссией по поводу факторов дальнейшего роста советской экономики, когда ЦК КПСС в период косыгинских реформ осознал, что экстенсивный рост уже исчерпал себя [Брежнев, 1975b. С. 418]. Советской экономике стало не хватать тогда трудовых ресурсов и энергии [Брежнев, 1975b. С. 418]. Но дискуссия затянулась из-за отсутствия новых, более соответ-

ствовавших ситуации в стране алгоритмов внедрения достижений НТП в производство (переход к интенсивному росту экономики был провозглашен, но методы этого перехода оставались неизвестными). В 1976 г. А. Косыгин еще раз указал на необходимость расширения внедрения достижений НТП в производство, в противном случае экономика не сможет далее успешно развиваться [Материалы XXV съезда КПСС, 1976. С. 73] (но и после этого и других заявлений «воз и поныне там»).

В декабре 1979 г. председатель Госплана Н.К. Байбаков на собрании Академии наук повторил данное положение, заявив прямо о скорейшей необходимости перехода экономики СССР к интенсивному развитию [Байбаков, 1980. С. 15–19]. Вице-президент Академии наук СССР П.Н. Федосеев возразил тогда Н.К. Байбакову, указав, что в науке нет четкого определения интенсивного экономического развития, соответственно, непонятно, на что советская наука должна была ориентироваться [Федосеев, 1980, С. 23–36]. По П.Н. Федосееву, сама концепция интенсивного экономического развития для советской экономики еще не была достаточно хорошо разработана.

Л.И. Брежнев, говоря о десятой пятилетке, также ставил задачу развития научного управления в советской экономике, то есть внедрения научных достижений непосредственно в управленческие процессы [Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. ЛЛ. 36–60]. Такая позиция генерального секретаря КПСС была связана с появившимся в советской науке мнением, что трансформация научных достижений в новую продукцию невозможна без изменения управленческих структур [Гвишиани Д., 1970. С. 172]. По сути, ЦК КПСС ставил задачу кардинальной перестройки народного хозяйства перед советским обществом. Инициатива в этом вопросе исходила от реформаторского крыла КПСС, к которому принадлежал глава Белорусской ССР П.М. Машеров, он на XXIV съезде партии заявил, что современную научно-техническую революцию невозможно уместить в старые организационные формы [Материалы XXIV съезда КПСС. 1971b. С. 175–176]. Таким образом, П.М. Машеров прямо указал на то, что марксизм-ленинизм в его ортодоксальной форме вступил в противоречие с реалиями современного общества. Мнение П.М. Машерова отражало пессимизм многих в СССР и за его пределами по поводу будущего научно-технического прогресса в СССР при сохранении в стране старых порядков, этот пессимизм заметен и в научных печатных изданиях [Абалкин, 1979. С. 11; Даниловцев, Каньгин, 1971. С. 40].

На XXV съезде партии Л.И. Брежнев выразил недовольство развитием народного хозяйства в ракурсе внедрения в производство новой продукции: доля впервые поставленной в выпуск продукции в общем объеме производства составила в 1970 г. 4,3%, в 1977 г. – 3, в 1978 г. – 2,5% [Материалы XXV съезда КПСС, 1976. С. 11–73]. Н.К. Байбаков прокомментировал эти цифры на собрании Академии наук в 1979 г., подытожив, что задачи, стоящие перед советским обществом, не будут выполнены при таком характере развития производства [Байбаков, 1980. С. 15–19]. Л.И. Брежнев высказал опасения в декабре 1973 г. на собрании Центрального комитета партии по поводу «окостенения» систем управления в стране, чего, как он сказал, верховная власть не должна далее допускать [Брежнев, 1975. С. 355–356]. На XXV съезде партии Л.И. Брежнев сказал, что современные структуры управления в государстве слишком неповоротливы для реализации прогресса [Материалы XXV съезда КПСС, 1976. С. 35]. В июле 1979 г. П.М. Машеров высказался более открыто, заявив о необходимости кардинальной перестройки управления в СССР [Машеров, 1982. С. 505].

Несмотря на прогрессивность идей Л.И. Брежнева и П.М. Машерова относительно науки в СССР, решения XXIV съезда КПСС оказались для науки достаточно консервативными. Даже в сталинский период партия не контролировала деятельность научных организаций. В период Великой Отечественной войны, незадолго до нее и в послевоенный период контроль над научными структурами осуществлялся НКВД, после 1953 г. контроль силовых органов над наукой несколько ослаб, что привело к развитию свободы в рамках НИИ

и университетов в период «оттепели». На XXIV съезде было принято решение подчинить науку партии, в результате в этот процесс были вовлечены 160 000 партийных организаций (45% от всех партийных организаций в СССР), а также около 4 млн членов партии, или около трети от всех членов КПСС [Авраменко, 1979. С. 18–23].

Интерес Госплана к науке проявился относительно поздно, в 1979 г., в связи с идеей создания пятнадцатилетнего плана социально-экономического развития. Тогда Госплан включил проекты, по которым с институтами Академии наук заключались специальные договоры, в народнохозяйственные планы. Но делалось это снова не всегда до конца на научной основе, что можно заключить из слов Л.И. Брежнева, когда он выражал недовольство тем фактом, что в СССР связь между наукой и внедрением ее достижений в производство еще недостаточно изучена [Погребняк, 1977]. В 1960–1980-е гг. Геннадий Добров выступал с инициативой внедрения научных методов, повышающих производительность факторов производства, или продуктивность предприятий, считая достижения советской научной мысли в этой сфере недостаточными [Dobrov, 1986. P. 289–301].

Основная проблема советского планирования в сфере науки до 1970-х гг. заключалась в том, что у высшего руководства страны не было концепции научно-технического прогресса советского общества, поэтому научные исследовательские работы проводились разрозненно, без учета общегосударственной стратегии развития, на уровне ведомств. По такому же принципу был построен процесс внедрения инноваций. Как считал Д. Гвишиани, советскому производству требовалась центральная структура управления внедрением инноваций [Gvishiani, 1972. P. 52].

Л.И. Брежнев в 1971 г. сместил приоритеты в сторону повышения качества выпускаемой продукции за счет внедрения в производство научных достижений даже в ущерб достижениям в фундаментальной науке [Материалы XXIV съезда КПСС. Т. I, 1971. С. 29–31], что нашло свое отражение в планах развития науки до 2000 г. По сути, это были планы больше внедрения уже сделанных достижений, нежели разработки новых технологий [Cooper, 1977. P. 146–179]. Одной из причин такой стратегии развития советской науки был дефицит финансовых средств, о чем прямо сказал А. Косыгин на XXIV съезде партии [Материалы XXIV съезда КПСС. Т. I, 1971. С. 89].

Но у инновационного процесса в СССР была и другая проблема: передача контроля за наукой в руки КПСС посредством создания специальных комитетов при Верховных советах (ВС) СССР и союзных республик означала установление в науке власти партийных ортодоксов, потому что реформаторы еще не составляли большинства в партии. Например, занимавшийся при ВС СССР наукой и образованием с 1965 г. С.П. Трапезников считался многими в научной среде сталинистом. Противником реформ был В.Г. Афанасьев, который возглавил в 1975 г. Комиссию по образованию, науке и культуре при ВС РСФСР. Даже умеренный марксист П.Н. Федосеев далеко не воспринимался многими в качестве прогрессивного реформатора. Наукой занимался даже Первый секретарь Латвийской ССР А. Восс, человек, придерживавшийся ортодоксального марксизма. Привлечение партии к организации научных исследований и контролю за наукой рассматривалось ЦК КПСС, как мера по централизации управления НИОКР, так как одной из основных трудностей науки в Советском Союзе считался оппортунизм многочисленных организаций, занимавшихся исследованиями. Этот «оппортунизм» во многом стал наследием прошлых периодов, когда наука была децентрализована и не подчинялась КПСС. Например, в УССР организации, отвечавшие за НИОКР, были в 1970-е гг. подчинены восьмидесяти ведомствам и прочим учреждениям, такое же положение примерно сохранялось и в других союзных республиках и даже национальных автономиях [Канигин, Ботвин, 1979. С. 42–43].

Но подчинение науки КПСС не всегда давало негативные результаты, правда, в целом это сдерживало в стране развитие науки. Как показал опыт регионов, усиление участия партийных органов в работе научных организаций вел к развитию кооперации

между наукой и предприятиями. Если, к примеру, в Киеве в 1975 г. (тогда контроль КПСС за наукой в этой республике был еще относительно слабым) было заключено 500 договоров между промышленными предприятиями и научными организациями на предмет сотрудничества, то в 1978 г. там же были заключены уже более 1400 таких соглашений [Головки, 1978; Крючков., 1977. С. 315; Погребняк, 1977]. Повторимся, на общее состояние науки в СССР и внедрение ее достижений в производство сотрудничество органов КПСС с научными организациями серьезно не влияло.

Между ведомствами развернулась дискуссия, каким министерствам или комитетам передать приоритеты в реализации НТП. Дело в том, что первенство в определении политики в сфере НТР отдавалось традиционно Министерству обороны, за ним следовало Министерство станкостроения, эти ведомства были приоритетными в этом смысле со времен Сталина. При Н.С. Хрущеве большое значение в разработке стратегии развития науки в СССР получило Министерство химической промышленности. Но к началу 1970-х гг. высшее руководство СССР осознало, что министерствам передано слишком много полномочий в науке. Одни специалисты выступали за ведущую роль Академии наук, другие поддерживали в этом смысле Госплан. Но у Госплана была особенность, он фокусировал внимание на антикризисных технологиях, то есть технологиях, которые могли помочь преодолеть кризис, вызванный длительным экстенсивным ростом экономики. В первую очередь это касалось технологий, сокращавших расходы энергии и труда [Попов Г., 2005].

Заключение

Основным препятствием для НТП в СССР была высокая автономность социалистических предприятий на фоне слабой ценовой гибкости. Ученые-экономисты осознавали данную сложность в развитии советского планового хозяйства в начале его кризиса в первой половине 1970-х гг. В этой связи было проведено верное разделение научного и технического прогресса, когда последний протекал в рамках преимущественно предприятия.

ЦК КПСС в рамках стратегии перехода экономики от экстенсивного к интенсивному развитию принимает в первой половине 1970-х гг. решение перенести нагрузку в развитии НТП с производственных на партийные структуры. В этой связи так и не был до конца решен вопрос со структурной раздробленностью науки в СССР, как не было определенно доказано, что децентрализация науки сама по себе является фактором сдерживания НТП. Из рассуждений А. Попова следует, что децентрализация не была злом для внедрения научных достижений в производство, но главным препятствием для этого выступали фиксированные цены. Но до 1982 г. ЦК КПСС отказывался это признавать. Скорее всего, принимался во внимание опыт предыдущих периодов, когда фиксированные цены не влияли негативным образом на внедрение новых продукции и технологий в производство. Но в условиях роста самостоятельности предприятий и ведомств после 1953 г. к 1970-м гг. система фиксированных цен стала ощутимо негативным образом влиять на инновационное развитие советской экономики (проблема, как говорится, «назрела» к рубежу 1960–1970-х гг.). Мы, разумеется, не рассматриваем систему фиксированных цен как единственный фактор кризиса инновационной экономики СССР. Мы полагаем, что в 1970-е гг. в советской экономике нарастало снижение рентабельности предприятий практически по всем отраслям народного хозяйства на фоне повышения затрат советской экономики на добычу сырья и выработку энергии, последнее снижало возможности Советского Союза для перехода к интенсивному экономическому росту (вопрос «раздутого» сырьевого комплекса в поздний советский период мы рассматривали в одной из наших ранних работ [Попов Г., 2005]). Сильно разросшийся сырьевой комплекс отнимал много ресурсов у отраслей четвертого и пятого технологических укладов, что и вело постепенно к снижению роста инновационной активности в советской экономике, что, конечно же, не рассматривается

нами в качестве единственной причины начавшегося в 1970-е гг. медленно развивавшегося кризиса советского НИОКР. Разумеется, общее снижение рентабельности производств мешало советским предприятиям внедрять у себя достижения НИОКР.

Процесс стимулирования НТП лежал вне политической сферы, нося характер в основном экономической. В этой связи верными были предложения по корректировке принципов ценообразования в СССР.

Мнение в письме А. Сахарова и других диссидентов от 1970 г. и соображения П. Машерова на предмет причин кризиса советской модели хозяйствования в целом похожи, но расходятся по вопросу степени глубины необходимых обществу реформ. П. Машеров предлагал ограничиться структурными изменениями в управлении производством преимущественно на региональном и отраслевом уровнях.

ЦК КПСС и министерства делали акцент на наращивании выпуска технологически усложненной продукции, когда Госплан настаивал на повышении факторной эффективности. Это указывает на достаточно серьезные различия во взглядах на роль НТП внутри высоких властных структур СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.И. (1979). Хозрасчетный механизм: назревшие вопросы совершенствования // Экономика и организация промышленного производства. №1. С. 10–15.
- Авраменко С. (1979). Контроль и проверка исполнения – важнейшая часть организационной работы // Партийная жизнь. №15. С. 18–23.
- Байбаков Н.К. (1980). О совершенствовании планирования и управления экономикой // Вестник Академии наук СССР. №5. С. 15–19.
- Брежнев Л.И. (1973). Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат.
- Брежнев Л.И. (1975а). Гордость отечественной науки: Речь на Торжеств. заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященный 250-летию юбилею АН СССР 7 окт. 1975 г. М.: Политиздат.
- Брежнев Л.И. (1975b). Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе: речи и доклады. Т. I. М.: Политиздат.
- Брежнев Л.И. (1975c). Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе: речи и доклады. Т. II. М.: Политиздат.
- Гвишиани Д. (1970). Организация и управление: социологический анализ буржуазных теорий. М.: Наука.
- Головкин Д.Б. (1978). Связь науки и производства // Экономическая газета. Ноябрь. № 45. С. 12.
- Даниловцев П.А., Каныгин Ю.М. (1971). От лаборатории до завода. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во.
- Завлин П.Н., Щербаков А.И., Юделевич М.А. (1971). Труд в сфере науки. Новосибирск: Наука.
- Канигин Ю., Ботвин Б. (1979). Размещение исследовательского потенциала // Вопросы экономики. №5. С. 38–48.
- Крючков Г.К. (1977). Передовой опыт и практика партийной работы. Киев: Политиздат.
- Материалы XXIV съезда КПСС (1971а). М.: Политиздат.
- Материалы XXIV съезда КПСС (1971b). Т. I. М.: Политиздат.
- Материалы XXV съезда КПСС (1976). М.: Политиздат.
- Машеров П.М. (1982). Избранные речи и статьи. Минск: Беларусь.
- Погребняк Я.П. (1977). Наука и производство и эффективность содружества // Экономическая газета. Май. № 20. С. 5.
- Попов А. (1971). Стимулирование технического прогресса // Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. №12. С. 79 – 85.
- Попов Г.Г. (2005). Кризисы советской и российской экономик через призму неокейнсианских теорий // Экономика и право. №4. С. 69–77.
- Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. ЛЛ. 36–60.
- Рябов Я. (1979). Совершенствование управления научно-техническим прогрессом и повышение его эффективности // Плановое хозяйство. №12. С. 3–10.
- Сахаров А.Д. (1968). По вопросу, имеющему большое значение [Текст]: Письмо А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина и Р.А. Медведева руководителям партии и правительства. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе / А.Д. Сахаров. Италия: Torino.
- Федосеев П.Н. (1980). Теоретические проблемы социально-экономического развития на современном этапе // Вестник Академии наук СССР. №5. С. 23–36.
- Berliner S.J. (1976). The Innovation Decision in Soviet Industry. UK, Cambridge. Mass.: MIT Press.

- Campbell R.W. (1972). Management Spillovers From Soviet Space and Military Programs // *Soviet Studies*. T. XXIII. No. 4. Pp. 586–607.
- Cooper J. (1977). The Scientific and Technical Revolution in Soviet Theory // Fleron F. (ed.). *Technology and Communist Culture: The Socio-cultural Impact of Technology under Socialism*. New York: Praeger. Pp. 146–179.
- Dobrov G.M. (1986). Science Policy and Assessment in the Soviet Union // *International Social Science Journal*. V. 38. No 2. Pp. 289–301.
- Grossman G. (1978). The Party as Manager and Entrepreneur. Conference on Entrepreneurship and Economic Innovation in Russia/Soviet Union Sponsored by Kennan Institute for Advanced Russian Studies / American Association for the Advancement of Slavic Studies. November 16–18. Washington, D.C.: Kennan Institute.
- Gvishiani D.M. (1972). The Scientific and Technological Revolution and Scientific Problems // *Social Sciences (Moscow)*. T. I. No 7. Pp. 49–61.
- Hanson P. (2003). *The Rise and Fall of the Soviet economy. An Economic History of the USSR from 1945*. NY: Taylor & Francis.
- Hoffmann E. (1979). Soviet Views of The Scientific-Technological Revolution // *World Politics*. XXX. Pp. 615–645.
- Rigby T.H., Miller R.F. (1976). Political and Administrative Aspects of the Scientific and Technical Revolution in the USSR // *Occasional Paper*. No. 11. Canberra: Australian National University Press. IV. Pp. 1–115.
- Schroeder G.E. (1979). The Soviet economy on a treadmill of reforms // *JEC*. Vol. 1. Pp. 312–341.
- Schroeder G.E. (1982). Soviet economic “Reform” decrees: more steps on the treadmill // *JEC*. Vol. 1. Pp. 65–89.
- Schroeder G.E., Denton M.E. (1982). An index of consumption in the USSR // *JEC, Growth 1982*. P. 317–402.
- Schroeder G.E. (January–March 1985). The Slowdown in Soviet Industry, 1976–1982 // *Soviet Economy*. P. 61–64.

Попов Григорий Германович

GGPopov2009@mail.ru

Gregory Popov

PhD in economics, assistant professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

GGPopov2009@mail.ru

THE CRISIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE SOVIET ECONOMY DURING THE “ZASTOY” IN THE UNDERSTANDING OF THE SOVIET LEADERSHIP AND SCIENTISTS-CONTEMPORARIES OF THIS PERIOD²

Abstract. This article is devoted to the subject of institutional interaction between the state and science in the USSR in the 1970s-early 1980s, when the Supreme power in the USSR, as well as dissidents, recognized the crisis in the sphere of scientific and technological progress. The author seeks to find out what place the top leadership of the USSR assigned to science in the process of socio-economic development of the Soviet society, and what tools it intended to manage science as part of the economy, and how these plans were implemented. The author comes to the conclusion that the transfer of science management to the party bodies could not give a serious effect on the introduction of innovations in production, since the system of views of a significant part of the CPSU leadership in the Central administration and in the regions remained too conservative. In addition, the author presents the facts concerning the peculiarities of the organization of science in the USSR, which demonstrate a sufficiently high degree of decentralization of the process of management of scientific and technological progress in the Soviet society. The author draws attention to the pluralism of views on scientific and technological progress in the power structures of the USSR, in particular, he notes that some authorities in the Soviet Union linked scientific and technological progress with the need to restructure production and management structures in the state. The author comes to the conclusion that the top leadership of the USSR had not developed a clear strategy of scientific and technological progress of the country, taking the path of technocracy. According to the author, scientific and technical progress was considered by the CPSU Central Committee as a tool to overcome the economic crisis, which was impossible without changing the pricing system.

Keywords: *institutional economy, economic history of the USSR, economic development, innovative economy, state planning, authorities and science in the USSR.*

JEL Classification: B22, B24, B29.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Research Fund in the framework of the scientific project No. 19-010-00680 “Research on the institutional mechanisms of interaction between science and economic management in the USSR (mid 1950s – late 1980s) in the context of the development of strategic planning in the public sector of the economy RF”.

REFERENCES

- Abalkin L.I.* (1979). Khozraschetnyy mekhanizm: nazrevshiye voprosy sovershenstvovaniya [Cost accounting mechanism: urgent issues of improvement // Economics and organization of industrial production] // *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva*. №1. Pp. 10–15.
- Avramenko S.* (1979). Kontrol' i proverka ispolneniya – vazhneyshaya chast' organizatsionnoy raboty [Control and verification of fulfillment – the most important part of organizational work] // *Partiynaya zhizn'*. №15. S. 18–23.
- Baybakov N.K.* (1980). O sovershenstvovanii planirovaniya i upravleniya ekonomikoy [On the improvement of planning and management of the economy] // *Vestnik Akademii nauk SSSR*. № 5. Pp. 15–19.
- Berliner S.J.* (1976). *The Innovation Decision in Soviet Industry*. UK, Cambridge. Mass.: MIT Press.
- Brezhnev L.I.* (1973). *Leninskim kursom: Rechi i stat'i*. T. 3 [Lenin's course: Speeches and articles. Vol. 3]. M: Politizdat.
- Brezhnev L.I.* (1975a). Gordost' otechestvennoy nauki: Rech' na Torzhestv. zasedanii v Kremlevskom Dvortse s'yездov, posvyashchenny 250-letnemu yubileyu AN SSSR 7 okt. 1975 g. [Pride of domestic science: Speech on Celebrations. meeting in the Kremlin Palace of congresses, dedicated to the 250th anniversary of the USSR Academy of Sciences 7 Oct. 1975]. M.: Politizdat.
- Brezhnev L.I.* (1975b). Ob osnovnykh voprosakh ekonomicheskoy politiki KPSS na sovremennom etape: Rechi i doklady [On the main issues of economic policy of the CPSU at the present stage: Speeches and reports]. T. I. M: Politizdat.
- Brezhnev L.I.* (1975c). Ob osnovnykh voprosakh ekonomicheskoy politiki KPSS na sovremennom etape: Rechi i doklady [On the main issues of economic policy of the CPSU at the present stage: Speeches and reports.]. T. II. M: Politizdat.
- Campbell R.W.* (1972). Management Spillovers From Soviet Space and Military Programs // *Soviet Studies*. T. XXIII. No. 4. Pp. 586–607.
- Cooper J.* (1977). The Scientific and Technical Revolution in Soviet Theory // *Fleron F. (ed.). Technology and Communist Culture: The Socio-cultural Impact of Technology under Socialism*. New York: Praeger. Pp. 146–179.
- Danilovtsev P.A., Kanygin Y.M.* (1971). Ot laboratorii do zavoda [From lab to plant]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
- Dobrov G.M.* (1986). Science Policy and Assessment in the Soviet Union // *International Social Science Journal*. V. 38. No. 2. Pp. 289–301.
- Fedoseyev P.N.* (1980). Teoreticheskiye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya na sovremennom etape [Theoretical problems of socio-economic development at the present stage] // *Vestnik Akademii nauk SSSR*. No. 5. Pp. 23–36.
- Golovko D.B.* (1978). Svyaz' nauki i proizvodstva [Communication of science and production] // *Ekonomicheskaya gazeta*. Noyabr'. No. 45. P. 12.
- Grossman G.* (1978). The Party as Manager and Entrepreneur. Conference on Entrepreneurship and Economic Innovation in Russia/Soviet Union Sponsored by Kennan Institute for Advanced Russian Studies | American Association for the Advancement of Slavic Studies. November 16–18. Washington, D.C.: Kennan Institute.
- Gvishiani D.* (1970). Organizatsiya i upravleniye: sotsiologicheskii analiz burzhuaznykh teoriy [Organization and management: sociological analysis of bourgeois theories]. M. Nauka.
- Gvishiani D.M.* (1972). The Scientific and Technological Revolution and Scientific Problems // *Social Sciences (Moscow)*. T. I. No. 7. Pp. 49–61.
- Hanson P.* (2003). *The Rise and Fall of the Soviet economy. An Economic History of the USSR from 1945*. NY: Taylor & Franci.
- Hoffmann E.* (1979). Soviet Views of The Scientific-Technological Revolution // *World Politics*. XXX. Pp. 615–645.
- Kanigin Y., Botvin B.* (1979). Razmeshcheniye issledovatel'skogo potentsiala [The Location of the research potential] // *Voprosy ekonomiki*. №5. Pp. 38–48.
- Kryuchkov G.K.* (1977). Peredovoy opyt i praktika partiynoy raboty [Advanced experience and practice of party work]. Kiyev: Politizdat.
- Masherov P.M.* (1982). *Izbrannyye rechi i stat'i* [Selected speeches and articles]. Minsk: Belarus'.
 Materialy XXIV s'yezda KPSS [Materials XXIV Congress of the CPSU] (1971a). M.: Politizdat.
 Materialy XXIV s'yezda KPSS [Materials XXIV Congress of the CPSU] (1971b). T. I. M.: Politizdat.
 Materialy XXV s'yezda KPSS [Materials XXV Congress of the CPSU] (1976). M.: Politizdat.
- Pogrebnyak Ya.P.* (1977). Nauka i proizvodstvo i effektivnost' sodruzhestva [Science and production and efficiency of the Commonwealth] // *Ekonomicheskaya gazeta*. May. № 20. Pp. 5.
- Popov A.* (1971). Stimulirovaniye tekhnicheskogo progressa [Stimulation of technical progress] // *Planovoye khozyaystvo. Yezhemesyachnyy zhurnal Gosplana SSSR*. №12. Pp. 79–85.
- Popov G.G.* (2005). Krizisy sovetskoy i rossiyskoy ekonomik cherez prizmu neokleysianskikh teoriy [Crises of the Soviet and Russian economies through the prism of neo-Keynesian theories] // *Ekonomika i pravo*. №4. Pp. 69–77.
- Rigby T.H., Miller R.F.* (1976). Political and Administrative Aspects of the Scientific and Technical Revolution in the USSR // *Occasional Paper*. No. 11. Canberra: Australian National University Press. IV. Pp. 1–115.

- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Noveyshey istorii [Russian state archive of Modern history] (RGANI). F. 2. Op. 3. D. 168. LL. 36–60.
- Ryabov Ya.* (1979). Sovershenstvovaniye upravleniya nauchno-tekhnicheskim progressom i povysheniye yego effektivnosti [Improvement of management of scientific and technical progress and increase of its efficiency] // *Planovoye khozyaystvo*. № 12. Pp. 3–10.
- Sakharov A.D.* (1968). Po voprosu, imeyushchemu bol'shoye znachenie [Tekst]: Pis'mo A.D. Sakharova, V.F. Turchina i R.A. Medvedeva rukovoditelyam partii i pravitel'stva. Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noy svobode [On a matter of great importance [Text]: a Letter from A.D. Sakharov, V.F. Turchin and R.A. Medvedev to the leaders of the party and the government. Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom] / A. D. Sakharov. Italiya: Torino.
- Schroeder G.E.* (1979). The Soviet economy on a treadmill of reforms // *JEC*. Vol. 1. Pp. 312–41.
- Schroeder G.E.* (1982). Soviet economic "Reform" decrees: more steps on the treadmill // *JEC*. Vol. 1. Pp. 65–89.
- Schroeder G.E.* (January-March 1985). The Slowdown in Soviet Industry, 1976-1982 // *Soviet Economy*. Pp. 61–64.
- Schroeder G.E., Denton M.E.* (1982). An index of consumption in the USSR // *JEC, Growth 1982*. Pp. 317–402.
- Zavlin P.N., Shcherbakov A.I., Yudelevich M.A.* (1971). *Trud v sfere nauki* [Work in the field of science]. Novosibirsk: Nauka.

А.С. Сенявский

д.и.н., гл.н.с., Институт экономики РАН, Москва

УРБАНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СССР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Российский урбанизационный процесс в XX в. реализовывался в основном в рамках советской системы. Революционная катастрофа 1917 г. обрушила имперские структуры и институты, привела к хозяйственной разрухе и частичной дезурбанизации. Однако социальный хаос был реструктурирован на новых основаниях, раскрепостивших социальную энергию большинства населения, состоявшего из ранее «низших классов», и направивших их на решение модернизационных задач под лозунгами социалистического строительства. Советская «идеократическая» государственность с новыми нормами и практиками превратилась в ключевой институт, определяющий содержание и темпы преобразований, включая экономическое развитие.

При всех отличиях советская урбанизация была преемственна имперской. Принципиальным отличием стало доминирование экономических при влиянии некоторых идеологических факторов. После свертывания «компромиссного» НЭПа, не способного обеспечить индустриальный рывок, СССР перешел в режим форсированного развития на базе плано-мобилизационной модели для решения стратегической задачи – преодоления технико-экономического отставания от враждебных «империалистических держав». Урбанизация в этих условиях развивалась в зависимости от размещения в пространстве «производительных сил».

За семь советских десятилетий урбанизация России продвинулась значительно дальше, чем за предшествующее тысячелетие. На основе преобразования экономики из преимущественно аграрной в индустриальную произошел «урбанизационный переход» – превращение общества из сельского в городское. Городской стала и экономика. Именно в городах формировались и концентрировались виды деятельности и отрасли хозяйства, определявшие научно-технический прогресс, а с 1960-х гг. создавалась доминирующая часть ВВП, проживало большинство населения.

Именно город явился главным средоточием проблем и противоречий советской системы. Он же стал источником и базой крайне противоречивых перемен, стартовавших со второй половины 1980-х гг., в том числе в основном негативно повлиявших и на перспективы постсоветского урбанизационного процесса.

Ключевые слова: советский город, экономика, форсированное развитие, плановая мобилизационная модель, урбанизационный процесс, городское общество.

Классификация JEL: N53, N54, N93, N94, R12.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10211

Советский период как исторический контекст урбанизации

Советский период российской истории пришелся на тот этап российского урбанизационного процесса (как части общемирового), который может быть назван «урбанизационным переходом», и, будучи зарожден еще в недрах Российской империи, получив толчок от буржуазного «промышленного переворота», он состоялся в основном в рамках советской системы. Грандиозные общественные потрясения 1914–1920 гг. и выросшая из них

советская система повлияли на содержание и ход российского урбанизационного процесса не только ситуационно, но и кардинально, стратегически, на $\frac{3}{4}$ века вперед.

Советское государство возникло из социальной катастрофы. Мировая война стала детонатором давно назревавшей революции, которая в феврале 1917 г. снесла царскую монархию, упразднила империю, начавшую обваливаться как единое институциональное и геополитическое образование и окончательно рухнувшую после нового октябрьского переворота. Леворадикальная стадия революции вскоре вызвала иностранную интервенцию и гражданскую войну, разорвавшие страну на многочисленные квазигосударственные осколки с краткосрочными властными режимами разнообразной политической ориентации, обрушила экономику, вызвала хозяйственную разруху, деиндустриализацию и частичную дезурбанизацию, депопуляцию многих территорий и городов, нищету и голод, и в целом – цивилизационную и социальную деградацию страны.

Однако левые радикалы-большевики вышли победителями в великом политическом, социальном и военном потрясении, воссоздали единую (но свою, «нового типа») государственность на большей части прежней империи и стали реализовывать социальный проект, который, как они его позиционировали, идеологически вытекал из марксистской доктрины, но в действительности во многом ей противоречил. На практике они вынуждены были проводить «реальную политику», которую им диктовали объективные условия, определявшиеся, во-первых, объективным местом России, веками занимаемым ею в совокупности цивилизационных, геополитических и экономических отношений страны в мире; во-вторых, историческими условиями начала 1920-х гг., и, лишь в-третьих, корректировавшуюся их собственными идеологическими установками. Но и они во многом постепенно подвергались изменениям и ревизии, приспособляясь к реалиям.

Превратившись из приверженцев не свершившейся мировой пролетарской революции в государственников, вынужденных строить «социализм в отдельно взятой стране» и во враждебном капиталистическом окружении, большевики должны были, пусть и на иных институциональных и организационных началах, возродить экономику. Они продолжили преемственный имперской политике курс на модернизацию страны, но теперь уже опираясь не на «высшие» сословия, а на низшие категории населения, являвшиеся подавляющим большинством народа – рабочий класс (поначалу немногочисленный) и крестьянство. И ранее небольшие культурные, образованные слои теперь «скукожились» до ничтожно малых величин. Но власть, взявшая курс на подготовку своих социально близких профессиональных кадров, обладала неисчерпаемым социальным резервом, открыв шлюзы для массовой социальной мобильности: для перемещений из сел в города, продвижения неграмотных и неквалифицированных масс в образованные кадры, из крестьян – в городские рабочие, из тех и других – в управленцы, из трудящихся всех слоев – в новую рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

Отказавшись от экстремальной политики «военного коммунизма», а затем и от заменившего ее компромиссного НЭПа, оказавшегося способным восстановить народное хозяйство на основе возвращения в строй старых производственных фондов, но непригодного для форсированного развития, к концу 1920-х гг. Советская власть взяла курс на индустриальный рывок и радикальное преобразование города и деревни, идеологически оформленные как строительство социализма. Но главным стимулом для этого курса были внешние факторы – катастрофическое экономическое отставание от передовых (и враждебных СССР) держав и угроза новой большой войны, неизбежность которой ясно осознавали. «Догнать и перегнать» было не только лозунгом, но и четко определенной стратегией, подкрепленной политической волей. Индустриальная модернизация стала стержнем социально-экономического курса внутренней политики, социалистическая направленность преобразований – их идеологическим содержанием, а кадровая политика опоры на «союз

рабочих и крестьян» – инструментом, обеспечивавшим массовую поддержку власти со стороны большинства народа [Сенявский, 1987].

Это дало огромный толчок раскрепощению социальной энергии, массовому энтузиазму «строителей социализма», стремлению не только поднять страну из руин гражданской войны, но и превратить ее в передовую могучую державу, способную надежно обеспечить свою безопасность, гарантировать улучшение народной жизни и поддержать за границей борьбу «братьев по классу». Политический террор, выросший из взаимной практики гражданской войны и направленный сначала в основном против «социально чуждых» и «бывших», лишь во второй половине 1930-х гг. был обращен против выдвинутых революцией, новой «рабоче-крестьянской» элиты и примыкавших к ней слоев. Он отражал борьбу за власть и не был столь массовым, как представляла его мифологизированная «либеральная» публицистика конца 1980–1990-х гг.

Сутью стратегии развития СССР конца 1920-х – 1930-е гг. была всесторонняя подготовка к «большой войне»: повышение управляемости огромной, разнородной во многих отношениях страны; социально-политическое сплочение народных масс вокруг центральной власти; обеспечение материально-технической базы обороноспособности через строительство заводов и фабрик, создание новых производств и целых отраслей, реконструкция старых предприятий; формирование профессиональных «социально-близких» и верных Советской власти кадров для всех отраслей народного хозяйства, сферы управления, системы образования. В этом контексте и социалистическое преобразование деревни – коллективизация – решала несколько задач: повышала степень контроля над крестьянским миром и возможность изъятия ресурсов для нужд индустриализации, города и армии, в перспективе позволяла повысить уровень технической оснащенности, внедрения более эффективных форм организации производства, научно обоснованных технологий и т.п., роста производительности труда и объемов производства в сельском хозяйстве. Именно в этот период сформировался механизм советской урбанизации, который был тесно привязан к социалистической индустриализации и включал в себя плановое размещение по стране и развитие различных производств, обеспечение их кадрами, и в этом контексте – привлечение из сельской местности трудовых ресурсов, создание системы профессионального образования (от низших профучилищ до высших учебных заведений), инфраструктурное и жилищное строительство и т.д.

Великая Отечественная война вновь перевела страну в режим выживания, нанесла колоссальный урон совокупному потенциалу СССР, но предшествующее развитие стало фундаментом победы, которая была омрачена очередным переходом в экстремальный режим внешнего противостояния – вовлечением сразу же по окончании Второй мировой в холодную войну со всем Западом и вынужденным участием в гонке вооружений, которые продолжались вплоть до начала 1990-х гг. Лишь к началу – середине 1950-х гг. в основном удалось восстановить экономику, демографический потенциал, хотя наследие войны ощущалось многие десятилетия.

Таким образом, почти весь период 1920-х – середины 1950-х гг. характеризовался экстремальными условиями и возведением чрезвычайных мер в норму, что не могло не повлиять на механизмы, процесс и результаты городского развития. Элементы экстремальности сохранялись и много позже.

В период правления Н.С. Хрущева из позитивных результатов можно отметить преимущественно те, которые стали следствием реализации предыдущих наработок: прорыв в космос, атомная энергетика, развитие химической промышленности, внедрение индустриальных методов жилищного строительства. Многочисленные эксперименты имели итогом в основном дезорганизацию народного хозяйства, растрату средств, которые можно было использовать с намного большей эффективностью (освоение целины, децентрализация управления и др.). На смену прагматизму пришла реанимация коммуни-

стического романтизма, фантастические прожекты о построении коммунизма за два десятилетия и т.п. Но темпы экономического роста были весьма высоки, а города сохраняли стимулы для развития.

Период правления Л.И.Брежнева начался с противоречивой хозяйственной реформы 1965 г., свернутой в контексте подавления Пражской весны, продолжился попыткой снизить накал международной напряженности (политика «разрядки»), усилением консерватизма внутренней политики 1970-х (за что позднее получил ярлык «застоя»), вводом войск в Афганистан и, наконец, очевидными кризисными явлениями в советской экономике начала 1980-х гг., которым предшествовало неуклонное снижение темпов экономического роста от пятилетки к пятилетке. Череда смертей высших партийно-государственных руководителей начала 1980-х гг. закончилась приходом к власти М.И.Горбачева, начавшего «перестройку» под лозунгом «больше социализма, больше демократии», на деле обернувшейся геополитической катастрофой – развалом всего «социалистического содружества» и самого СССР и капиталистической реставрацией.

Ход урбанизационного процесса в разной степени так или иначе был связан со всеми этими событиями и историческими поворотами. Основные его механизмы не сильно менялись с 1930-х гг., вектор развития сохранялся стабильным при некоторых ускорениях или замедлениях темпов на разных этапах советской истории.

Экономика в комплексе механизмов советского урбанизационного процесса

Высокая и относительно стабильная динамика роста городов была обусловлена в целом поступательным развитием советской экономики, являвшейся материальным фундаментом и центральным звеном в системе механизмов советской урбанизации.

Следует констатировать, что, несмотря на разрыв исторической преемственности революцией и ее последствиями в ряде областей жизни страны (крах имперского государства, ликвидация рыночных отношений, слом социальной структуры с уничтожением целых сословий и классов, и др.), некоторые фундаментальные, ключевые явления, определяющие развитие города и урбанизации в целом, были воспроизведены. Центральная власть (более жесткая, чем при империи) осталась главным «градообразующим субъектом», определявшим, где, какие города строить, как им развиваться, причем масштаб, степень и глубина государственного вмешательства и контроля неизмеримо возросли, а диапазон инструментов расширился: от прямых распоряжений из центра до жесткого нормирования различных «мелочей».

Советская идеократическая (и прогрессистская!) система не могла отменить универсальных законов техногенной цивилизации, которым подчинен урбанизационный переход. Она лишь предложила свои формы их реализации, социально-экономического воплощения, приложенного к специфической российской почве. *Коммунистическая система советского образца не изменила основного вектора движения российского общества, включая и урбанизационный процесс. Главное, что система предложила в данной области, – подчинение процесса предельно жесткому государственному регулированию в определенной идеологической «упаковке» и в контексте реализации левого социального проекта, ставшего основой форсированного преодоления отставания России от стран первого эшелона индустриальной модернизации. Урбанизация, будучи универсальным явлением новейшего времени, в советской модели социализма приобрела свое социальное содержание и особый государственный движущий механизм (подробнее см.: [Сенявский, 2003]).*

Со второй половины 1920-х гг. вынужденно формировался курс экономического рывка на основе складывавшейся планово-мобилизационной модели экономического

развития, которая достигла апогея в 1930–1950-е гг., но, даже постепенно трансформируясь и угасая, в целом сохранялась до конца 1980-х гг. Эта модель опиралась на массовую социальную базу ранее низших классов (рабочих и крестьян) и систему идеологем, сформированную тогда же и с некоторыми изменениями действовавшую на протяжении всей советской эпохи.

Мобилизационная модель развития выросла не столько из коммунистической идеологии, сколько из объективного положения страны как «осажденной крепости», в котором первенство «классового противостояния» было лишь видимостью, а реально доминировали геополитические и геоэкономические факторы в контексте межвоенного обострения международных противоречий, неумолимо толкавших мир к новому туру мировой войны.

Форсированная индустриализация явилась материальной основой советского урбанизационного процесса, главной движущей силой которого стало размещение в пространстве новых производств, строительство заводов и фабрик, на которые привлекались огромные контингенты недавних сельских жителей, из крестьян становившихся рабочими, техниками и инженерами, новой интеллигенцией, служащими госорганизаций. Города «втягивал» сельских мигрантов, которые, в свою очередь, выталкивались из деревни условиями советской сельской жизни (сплошная коллективизация, раскрестьянивание села, ставшие главным фактором беспрецедентной подвижности сельского населения, его массового выброса в города, на стройки первых пятилеток).

Этот механизм, сложившийся в 1930-е гг., продолжал действовать и в середине 1950–1960-х гг., когда он был дополнен свертыванием личного подсобного хозяйства, укрупнением колхозов и ликвидацией «бесперспективных» деревень и др. Этот механизм выталкивания из деревни и одновременного привлечения в города, обусловленный масштабным промышленным, транспортным, инфраструктурным строительством, кардинальными различиями в уровне и качестве жизни города и деревни, продолжал действовать, с теми или иными вариациями, и позднее, в 1970–1980-е гг. (подробнее см.: [Сенявский, 1995]).

Также и механизм градостроительства, сложившись в 1930-е гг., с некоторыми корректировками продолжал действовать на протяжении всего советского периода. Он заключался в том, что планово-централизованное размещение производств по территории СССР оборачивалось хаотической инфраструктурной и жилищной застройкой на местах. То есть в городах, в которых, во-первых, министерства и ведомства стремились минимизировать расходы на неосновные виды деятельности (включая «социалку»), во-вторых, на территории которых сталкивались интересы разных экономических субъектов, и многие города превращались в совокупность рабочих кварталов при предприятиях, поселковых территорий (аналогов дореволюционных слобод), застраиваемых разными ведомствами и мало связанных между собой.

Понятно, что в чрезвычайных условиях форсированной индустриализации или, например, массовой эвакуации промышленности и населения во время войны производственные (прежде всего, военно-промышленные) задачи приобретали гипертрофированное значение, чему полностью подчинялось формирование городов. Лишь постепенно осознается необходимость регулирования градостроительства и развития городов как целостных территориальных комплексов, включающих производственную, жилищную, социальную, культурную и т.д. среды, обеспечивающие не только реализацию общегосударственных и ведомственных экономических планов, но разносторонние потребности местного населения. Характерно, что в военном 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, на который возлагались задачи послевоенного регулирования восстановления и реконструкции городов, после войны составляли руководства по городской планировке и застройке. Однако эффективного механизма планировки и строительства, которые бы гармонизировали местные городские и хозяйственно-ведомственные интересы, так и не было создано. Например, даже должность главного архитектора к середине 1960-х гг. была

введена лишь в наиболее крупных городах страны – в трети от общей численности городов, планировка городов отставала от потребностей строительства, тормозилась сложной иерархией государственного контроля проектов, нарушалась несанкционированным строительством и т.д. Друг с другом сталкивались разные системы застройки городов – через архитектурно-градостроительные органы и систему ведомств. [Малкова, 2015. С. 403–410].

Именно форсированная индустриализация более чем на полвека определила основные тенденции урбанизационного процесса в СССР. Но и некоторые идеологические постулаты советской власти (трансформированные в конкретные направления политического курса) стали детерминировать ряд аспектов городской политики. Таких основных, влиятельных идеологем было как минимум три.

1) Идеологема о пролетариате, переросшая в идеологему индустриального рабочего класса как главной социальной опоре власти (в союзе с трудовыми слоями крестьянства) влияла на структурно-содержательный и институциональный аспекты урбанизации. Идеологема являлась дополнительным аргументом, стимулировавшим форсированную индустриализацию, строительство и развитие городов, прежде всего, крупных промышленных центров. При придании городского статуса небольшим (а иногда и средним) поселениям, особенно в первые постреволюционные годы, решающее значение имело наличие среди жителей значительного контингента рабочих, прежде всего, промышленных, считавшихся главной социальной опорой власти, а отсутствие промышленности и низкий процент рабочих были аргументом за лишение прежнего статуса многих даже старинных городов.

2) В сфере межнациональных отношений курс на сближение «социалистических наций» воплощался, в частности, в политике выравнивания уровня их социально-экономического развития и стимулировал размещение индустриальных производств в союзных и автономных национальных республиках. Данный аспект национальной политики оказывал большое влияние на урбанизацию регионов страны (влияние на пространственный аспект урбанизации, формирование системы расселения). Она проявлялась, в частности, в перераспределении финансовых, технологических, людских ресурсов из центральных и западных, в основном русско-населенных территорий (и в целом РСФСР), в национальные республики. Эта политика включала создание и развитие в национальных республиках и регионах городов, размещение там производительных сил, а так как местное национальное население часто неохотно шло работать на заводы и фабрики, переселение подготовленных в центре собственно русских квалифицированных кадров (и людей русской культуры) на национальные окраины. Политика практиковалась и в период индустриализации 1930-х гг., и много позднее – вплоть до 1980-х гг.

Эта политика дополняла (не совпадая с ним) курс, продиктованный геополитическими и оборонными соображениями, по формированию индустриальной базы в восточных, южных и северных регионах страны.

3) Идеологемы преодоления социальных различий, сближения рабочего класса и крестьянства, города и деревни стимулировали курс (непоследовательный и противоречивый) на индустриализацию деревни, на агропромышленную интеграцию, на укрупнение части сельских поселений с последующим преобразованием многих из них в поселки и малые города. На более поздних этапах советской истории они косвенно влияли на поощрение формирования агломераций, включавших в свою орбиту, в том числе, сельские поселения и малые поселения городского типа.

Таким образом, общий экономический механизм советской урбанизации с конца 1920-х гг., в основе которого было планово-централизованное размещение производств и обеспечивавшей их работу инфраструктуры, следствием чего было формирование поселений, дополнялся и корректировался идеологическими факторами, влиявшими на городскую политику.

Динамика и результаты советской урбанизации

Дореволюционная урбанизация в России, при относительно высоких темпах в поздней имперской период, не успела выйти из начальной стадии урбанизационного перехода. Весьма скромны ее успехи на фоне других стран: уровень России к 1913 г. в 18% горожан в составе населения (более половины которых можно считать таковыми условно) был превзойден США в 1850-х гг., а Нидерландами и Англией – еще в XVIII веке [Харитонов, 1983. С. 8–9]. В российских результатах, достигнутых за счет массового перемещения крестьян в города, в большей степени успели реализоваться негативные, чем позитивные стороны урбанизации: маргинализация населения города и деревни явилась «социальным топливом» для «пламени» двух революций начала XX в.

Стартовые позиции советской урбанизации были крайне низкими. Мало того, что предреволюционная Россия оставалась преимущественно аграрной страной, а города – островами в крестьянском море. Большинство горожан являлись сельскими мигрантами, «новобранцами», горожанами в первом поколении, не способном в полной мере адаптироваться к городским условиям, освоить городские культуру, навыки труда и быта. Мировая война, революция, гражданская война еще более усугубила положение: они катастрофическим образом сказались на положении российского города, отбросив его далеко назад. Были подорваны его экономические основы: объем промышленного производства по сравнению с 1913 г. упал в 7 раз, [Абалкин, Иванов, 2007. С.10], городское население с 1913–1920 гг. на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн человек, или на 26,7%, а доля горожан в составе населения – с 17,9% в 1913 г. до 15,3% в 1920 г. [Московский, Исупов, 1984. С. 27]. Произошла частичная дезурбанизация страны.

Особенно ощутимы потери городского населения были в европейской России, в наиболее крупных промышленных центрах, пострадавших от экономической разрухи. С 1917–1920 гг. все городское население региона сократилось на четверть (9,2 млн в 1920 г. против 12,7 млн в 1917 г.), а Москва и Петроград потеряли около половины жителей¹. Но важнее этих количественных показателей стоящие за ними процессы: за годы революционной катастрофы резко сократилось социальное городское ядро (гибель и эмиграция «бывших», бегство в деревню от голода других горожан, включая мещан и кадровых рабочих, и др.)

Советский урбанизационный процесс, при всех качественных и количественных отличиях, несомненно, стал продолжением имперской урбанизации, унаследовал от нее начальный уровень (хотя к концу гражданской войны была утрачена значительная часть и без того немногочисленного городского населения), сформированную сеть городов (более половины которых лишь формально имела городской статус), ряд традиций городского развития. Но был прерван ряд прежних важных городских устоев (рыночные отношения в экономике города, многосословность городского населения, значительное влияние горожан на жизнь своих поселений через институты самоуправления и др.)

Не способствовали быстрому возрождению городской жизни и унаследованные советской урбанизацией от имперской основные фундаментальные внешние условия развития, которые были для нее в основном неблагоприятны: особенности вмещающего пространства – разнообразие природно-климатических зон при преобладании неблагоприятных для жизнедеятельности регионов, громадность территории страны при средней низкой плотности населения, снижающейся с запада на восток; многонациональность и разнообразие социокультурных параметров населения; неразвитость и низкая плотность транспортных путей; сложные геополитические и геоэкономические параметры страны и др.

Восстановление городов осуществлялось при жестком регулировании государством диктатуры пролетариата. Пример – городская реформа, проведенная в первые годы

¹ Рассчитано по: Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8.

Советской власти, когда был пересмотрен состав городов, 106 из которых преобразовали в сельские поселения, 36 – в поселки городского типа, а 182 поселения, преимущественно фабрично-заводских, получили городской статус [Константинов, 1947]. Этот пример показывает, что, несмотря на демонстративное противопоставление дореволюционному обществу, советская урбанизация все же унаследовала ряд ключевых традиций городского развития, включая решающую роль центральной власти в образовании (и ликвидации!) городов, то есть традиционную матрицу градообразовательной политики, в которой решающую роль играла воля центральной власти, ставящая задачи собственной внутренней безопасности (а несколько позже – и внешней обороны) на первое место, а интересы «территорий» – в разряд последних. Советская власть продолжила политику жесткого контроля территорий с помощью сети городских поселений, которым обычно придавались административные функции. При большевиках такие центры создавались из поселений с фабрично-заводским населением: власть размещала территориальные органы управления в местах концентрации своей «социальной базы». Тогда же закладывался и концептуальный подход государства к городам как к местам размещения производства, преимущественно промышленности, инфраструктуры, транспортных узлов.

НЭП, ожививший торговлю и промышленность и включивший, хотя бы частично и временно, ряд механизмов саморегуляции общественных структур, дал толчок возрождению городов. К середине 1920-х гг. в основном было восстановлено довоенное соотношение численности сельского и городского населения. Однако даже к 1926 г. восстановить дореволюционную численность горожан не удалось (1913 г. – 28,4 млн, 1926 г. – 26,3 млн), хотя некоторые регионы и целые республики превысили этот уровень².

Однако НЭП был обречен: в его условиях происходило преимущественно *восстановление* городов, их функциональных возможностей, тогда как потребности обороны и задачи укрепления социальной базы власти (при сложных отношениях с крестьянством) требовали форсированного создания многочисленных индустриальных центров с мощными контингентами промышленных рабочих.

Со свертыванием НЭПа (элементов рыночных отношений) и переходом к первым пятилеткам «социалистического строительства» парадоксальным образом возродились и усилились имевшие место еще в позднеимперский период капиталистической индустриализации России тенденции, выводившие экономические факторы в разряд ведущих как при зарождении молодых промышленных городов, так и в развитии старых. В советских условиях индустриализация (социалистическая, государственная) превратилась в главный мотор урбанизации.

Форсированная социалистическая индустриализация с конца 1920-х гг. не просто стимулировала новый подъем городского развития, но и обеспечила рывок, обусловивший радикальный поворот в урбанизационном процессе. Социалистическая индустриализация и урбанизация оказались взаимосвязаны. Механизмы урбанизации во многом оказались иными, нежели в дореволюционное время и даже в период НЭПа, однако ключевые явления и результаты были аналогичны (перемещение селян в города, рост городской сети, отраслевая трансформация экономики в пользу городских отраслей, распространение городского образа жизни, ценностей и менталитета и т.д.). Иными стали скорость, масштабы, глубина изменений, продвижение урбанизации на дальние, в том числе национальные окраины страны.

В условиях СССР закономерный процесс концентрации ресурсов (людских и материальных) в городах оказался гипертрофированным и сжатым во времени вследствие как объективного положения страны в первой половине XX в., так и из привнесенных советской системой, в том числе спецификой индустриализации (планово-мобилизационный

² Там же.

характер при ограниченности и жесткой экономии ресурсов, предельный контроль и распоряжение ими из центра и др.) [Сенявский, 2003].

К переписи 1926 г. в СССР насчитывалось 737 городов. Позднее градообразование шло неравномерно. Нередким был разрыв между реальным развитием поселения и приданием ему городского статуса, что могло происходить и с опережением, и с запаздыванием относительно реальных процессов. Так, за период 1927–1937 гг. был образован 101 новый город, а за один 1938 г. – 139 городов (накануне переписи 1939 г. – для повышения статистических показателей успехов соцстроительства). В последующие годы в среднем возникало по два-три десятка городов ежегодно, редко больше [Ланно, 1987. С. 62]. В основном городской статус придавали уже существовавшим поселкам с несельскохозяйственной ориентацией, ранее утратившим свой городской статус поселениям, районным центрам и др., преимущественно на базе роста промышленности и населения. Но нередко города возникали в чистом поле на базе промышленных новостроек.

Существенно более высокими темпами росли города и городское население ряда регионов страны. Так, в 1926 – 39 гг. среднегодовые темпы роста городского населения по СССР составляли 9,4%, а в Сибири – 17,7%. Там численность горожан выросла более чем в 3 раза, тогда как все население – в 1,2 раза, причем основную роль играла миграция как из сибирского села, так и из других регионов. Высокие темпы позволили Сибири к 1939 г. приблизиться к средним показателям процента горожан в составе населения (СССР – 31,7%, РСФСР – 33,5, Сибирь – 28,9%) [Московский, Исупов, 1984. С. 23–58].

Значимый сдвиг всей сети городских поселений в годы первых пятилеток (1927–1938 гг.) происходил на восток и север. Так, более чем на 10% в год увеличивалось население городов почти всех регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, Кемеровской и Новосибирской областей, Восточного Казахстана. Еще более высокими темпами росло городское население Севера. Например, в Мурманской области оно увеличилось в 14 раз, в Камчатской – в 17 раз и т.д.³

Весьма различались темпы роста городов разных экономических категорий. Форсированная индустриализация стимулировала большую неравномерность урбанизации. Ограниченные ресурсы централизованно распределялись в первую очередь на главные новостройки и в административные центры. Тем самым наибольший импульс ускоренного развития был дан крупным городам, тогда как большинство малых и средних развивалось существенно медленней. В 1930-е гг. особенно высокими темпами росли города – центры угледобычи, черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения. Значительная часть «стотысячников» выросла по сравнению с серединой 1920-х гг. в два, три и более раз, причем некоторые фактически были созданы почти «с нуля» (Караганда – в Казахстане, Новокузнецк, Магнитогорск, Мурманск, Дзержинск – в РСФСР и др.) Развитие промышленности было главным стимулятором роста городов, перераставших в категорию крупных.

Завершение крупнейших новостроек, сокращение объемов строительства снижали темпы городского развития. С середины 1930-х гг. такие тенденции были характерны для Москвы и Ленинграда, затем – Горького и Свердловска. Но в целом высокие темпы роста численности горожан сохранялись высокими вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В кратчайший срок (1926 – 1939 гг.) городское население выросло более чем вдвое (в СССР с 26,3 млн до 60,4 млн, в т.ч. в РСФСР – с 16,4 до 36,3 млн), преимущественно за счет сельской миграции⁴. Города захлестнула волна переселенцев, вливавшихся прежде всего в ряды индустриальных рабочих. Но полноценная адаптация к городской жизни

³ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 39.

⁴ Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8.

происходит лишь во втором – третьем поколениях. В результате происходило «окрестьянивание» города, перенасыщение его маргинальными слоями, выброшенными из привычной среды, но несориентированными в новых условиях, к тому же оказавшимися в общежитиях и коммуналках, в наемных работниках у государства. Однако негативные стороны этих процессов (в отличие от империи) в значительной степени компенсировались социальной политикой, способствовавшей ускоренному включению работников предприятий и членов их семей в городскую жизнь. Эффективно работала целая система профессиональной подготовки кадров, повышения уровня образования и культуры, интеграции в трудовые коллективы и в жизнь страны через разнообразие общественных организации, и т.д.

Великая Отечественная война имела неоднозначные последствия для урбанизации. С одной стороны, прервав мирное созидание, вызвав огромные материальные и людские потери, разрушение сотен городов в западных, центральных и южных регионах страны, затронутых боевыми действиями и оккупацией, война отбросила там урбанизационный процесс. С другой стороны, вглубь страны в кратчайшие сроки было эвакуировано более 10 млн человек и более 2 тыс. предприятий с оборудованием [Абалкин, Иванов, 2007. С. 13]. Тем самым война вызвала перемещение градообразующей промышленной базы на Восток, включая Урал, Сибирь, Среднюю Азию, с последующим сохранением и развитием новых индустриальных центров.

В послевоенные и в 1950-е гг. был закреплен произошедший ранее сдвиг на Восток. Форсированное восстановление народного хозяйства стимулировало дальнейшее развитие городов. За 1940-е – первую половину 1950-х гг. численность работников промышленности Урала, Сибири и Дальнего Востока удвоилась⁵. В некоторых регионах городское население выросло многократно: республики Коми – в 16 раз, Сахалина – в 10, Магаданской области – в 6 раз. На Урале рост составил 2,2 раза. Определенный сдвиг в структуре городского расселения произошел на Север.

Значительный миграционный приток в города западных областей ушел в основном на компенсацию военных потерь. В период 1940–1950-х гг. численность горожан большинства территорий европейской части страны выросла в 1,3–1,5 раза, что было существенно меньше большинства восточных регионов. Усилилась тенденция выравнивания регионов по уровню урбанизированности, хотя различия между отдельными республиками, а также внутри РСФСР сохранялись значительные.

В послевоенное время постепенно меняется соотношение производственной и административно-политической функций в росте крупных городских центров, а с конца 1950-х замедляются темпы роста чисто промышленных городов.

В середине – конце 1950-х гг. появилась новая тенденция: начавшаяся либерализация («оттепель») вызвала к жизни усиление социальной ориентации политики. В городском развитии это проявилось в размахе жилищного строительства, переводившегося на индустриальные методы, в развитии социальной инфраструктуры, сферы обслуживания. Вместе с тем, сохранились основные механизмы городского развития, подчиненные ведомственным интересам и часто игнорировавшие потребности территорий. Многие города оставались приложением к производственным предприятиям.

На динамику населения в отдельных регионах влияние оказало освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг., где с 1939–1959 гг. городское население увеличилось в 3,7 раза, а доля горожан – с 16 до 32%, то есть вдвое⁶.

К периоду 1960–1980-х гг. относится постепенное завершение в СССР экстенсивной стадии урбанизационного процесса, на которой высокими темпами росли численность

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1956 г.: Стат. ежегод. М., 1957. С. 28-41.

⁶ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 41.

и удельный вес городского населения в основном за счет массовых перемещений из села в город либо преобразований сельских поселений в городские.

Численность городского населения с 1897 г. (первая перепись населения) по 1990 г. выросла более чем в 10 раз, с 18,4 до 190,6 млн, что с учетом двух военных потрясений и жертв (1914–1920 и 1941–1945 гг.) еще более впечатляет. Удельный вес горожан в составе всего населения также претерпел количественные и качественные изменения (1897 г. – 15%, 1913 г. – 18, 1922 г. – 16, 1940 г. – 33, 1950 г. – 39, 1970 г. – 56, 1990 г. – 66%)⁷.

Если в начале XX в. Россия по степени урбанизированности находилась примерно на среднем мировом уровне (в 1900 г. удельный вес городского населения в мире составлял около 13,6%) [Пивоваров, 1976. С. 22], то уже к началу 1960-х гг. СССР был среди стран, в которых доля городского населения превысила половину всех жителей, а страна в целом приблизилась к среднеевропейским показателям.

Происходило последовательное исчерпание источников экстенсивного развития урбанизации. Изменение источников роста численности и удельного веса городского населения, характеризующее постепенный переход в новое качество – от преобладания экстенсивных к интенсивным изменениям, является важным показателем урбанизационного процесса. Вплоть до 1960-х гг. преобладающими источниками роста численности горожан были факторы экстенсивного роста – миграция и преобразование сельских населенных пунктов в городские (в 1927–1938 гг. – 82,2%, в 1939–1958 гг. – 79,8%), а позднее удельный вес самовоспроизводства городского населения радикально возрастает – по сравнению с периодом 1939–1958 гг. (20,2%) – сначала (в 1959–1969 гг.) более чем в два раза, а в 1979–1988 гг. – почти в три раза, став основным источником роста (57,5%)⁸. Последовательно для роста городского населения сокращалось значение миграции из села и преобразования сел в города, достигнув минимума в 1979–1989 гг.: на миграционный приток приходилось 8,9 млн человек, или 35,3%, а на преобразование сел в города – лишь 1,8 млн (7,2%)⁹.

Существенно изменилось соотношение городов разной величины. Так, удельный вес городов с числом жителей до 50 тыс. сократился в общей численности городов с 87,2 до 73,6%, то есть на 13,6%, тогда как доля всех прочих, более крупных городов, увеличилась: городов размерами от 50 до 100 тыс. жителей с 8,5 до 12,9%, от 100 до 500 тыс. жителей – с 3,9 до 10,9%, от 500 тыс. и выше – с 0,4 до 2,7%. Если в 1926 г. было всего лишь 3 города, насчитывавших более 500 тыс. жителей (Москва, Ленинград, Киев), то в 1989 г. общее их число составило 57, причем 23 из них – с населением свыше 1 млн¹⁰.

Еще более ярко характеризует урбанизацию в СССР динамика численности городского населения по категориям городских поселений. Так, если численность жителей всех городских поселений выросла с 1926 г. по 1989 г. с 26,3 до 188,8 млн, или в 7,2 раза, то численность жителей городов – в 7,6 раза, с 21,7 до 164,7 млн. При этом наибольшими темпами росли численность и удельный вес крупных городов, с численностью жителей 500 тыс. и более, особенно «миллионников», меньшими темпами – городов от 100 до 500 тыс. Росла численность жителей и меньших по размерам городов, однако доля их в составе всех горожан неуклонно уменьшалась. Так, за 1926–1989 гг. удельный вес горожан, проживающих в городах категории до 50 тыс., уменьшился в составе жителей всех категорий городов

⁷ Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 9; Народное хозяйство СССР. 1922–1972: Юбилейный стат. сб. М., 1972. С. 9; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 67.

⁸ Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 31; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 8.

⁹ Рассчитано по: Население СССР. 1988: Стат. ежегод. М., 1989. С. 3.

¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962. С. 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1980. С. 122; Население СССР. 1988: Стат. ежегод. М., 1989. С. 4.

с 36,9 до 19,1%, в категории от 50 до 100 тыс. – с 18,9 до 11,6%. Жители городов категории от 100 до 500 тыс. составили соответственно 24,9 и 30,9% среди всех жителей городов, а свыше 500 тыс. – соответственно 19,4 и 38,5%¹¹. Следует отметить неравномерность развития городов разных категорий: почти все из них характеризуются ростом численности жителей, многие за несколько десятков лет неоднократно переходили в более высокую категорию, но, если для малых городов процесс снижения удельного веса их жителей в составе горожан стабилен и ярко выражен, то для других были периоды спада и подъема, хотя и небольшого.

Вместе с тем даже по формальным показателям уровня урбанизированности СССР отставал от наиболее развитых стран на несколько десятилетий. Так, в начале 1960-х гг. горожане составили половину жителей страны, а США прошли этот этап в 1920 г.

Концентрация в рамках агломераций более половины городского населения тоже своеобразный рубеж в урбанизационном процессе. Городская агломерация – это не простая совокупность населенных пунктов, а единое целое, объединяющее также и пространство между ними, относящееся к другим территориям как бы к внешней среде, это компактная территориальная система городских и сельских поселений с многообразными интенсивными локальными связями. В составе агломерации город представляет часть системы, играет роль ее элемента и в зависимости от величины, мощности производственного потенциала, набора функций, людности и других показателей может являться ядром агломерации. Агломерация одновременно играет роль и локальной системы расселения, и формы территориальной организации экономики. Целостной ее делают внутриагломерационные связи, в том числе производственные, передвижение населения (маятниковые, трудовые, культурно-бытовые, рекреационные поездки) и др. [Лаппо, 1978]. Существуют полярные оценки исследователями агломерации, ее роли в современном обществе как формы расселения: одни считают ее результатом стихийного развития, болезнью расселения, другие, – что «промышленно-городская агломерация – оптимальная форма городского расселения» [Светличный, 1974. С. 141]. Так или иначе, агломерацию приходится считать закономерным явлением, присущим урбанизации на определенном этапе ее развития во всем мире. Агломерирование является территориальным проявлением концентрации производства и населения, выходящей за рамки отдельных городов. Как система расселения агломерация получает распространение в послевоенный период. К 1959 г. в СССР насчитывалось 193 городские агломерации с более чем 2000 городских поселений и почти 114 млн жителей. Численность населения за 20 лет (1959 – 1979 гг.) в агломерациях возросла в 1,7 раза, причем этот процесс поглотил $\frac{3}{4}$ прироста городского населения страны [Лаппо, 1987. С. 122 – 123]¹². Процесс агломерирования в СССР был в русле общемировых тенденций: так, в США к 1970 г. агломерации сосредоточивали 80% городского и 68% всего населения страны, а СССР двигался в том же направлении, но с запозданием на несколько десятилетий.

Таким образом, по наиболее общим показателям уровня урбанизированности СССР к 1960–1970-м гг. приблизился к среднеевропейским (процент городского населения, концентрация в крупных и больших городах, развитие агломераций и др.) и существенно сократил разрыв с наиболее урбанизированными странами. Территории РСФСР, сначала несколько отставая от среднесоветских показателей урбанизированности (процент городского населения), к 1926 г. сравнялись с ними, в результате индустриализации к 1939 г. несколько превзошли (33,5 против 31,7% по СССР), а к 1990 г. существенно опередили (73,8

¹¹ Там же.

¹² Г.М. Лаппо считает агломерацию наиболее зрелой формой расселения. См. [Лаппо, 1978. С. 105].

против 66,0% по СССР)¹³. И здесь индустриальное развитие сыграло решающую роль: на территории Российской Федерации, имевшей больше ресурсов, сырья, подготовленных кадров, она продвигалась более высокими темпами, в том числе и в градостроительстве.

Город как источник и база позднесоветской трансформации

Общая динамика урбанизационного процесса в XX в. показывает, что за исторически короткий срок, в основном в рамках советской системы, количественные изменения привели к новому качеству общества: был совершен не только индустриальный, но и урбанизационный рывок, изменивший всю структуру производительных сил и ее пространственного размещения, всю систему расселения страны. За 7 советских десятилетий Россия превратилась из преимущественно аграрной в индустриальную, и на этой основе урбанизация страны продвинулась значительно дальше, чем за предшествующее тысячелетие. Произошел «урбанизационный переход» – превращение российского общества из сельского в городское, урбанизированное.

Городской стала и экономика. Именно в городах формировались и концентрировались виды деятельности и отрасли хозяйства, определявшие научно-технический прогресс, а с 1960-х гг. создавалась доминирующая часть ВВП, проживало большинство населения.

За этой общей характеристикой урбанизационного процесса в СССР стоит глубокая трансформация всех общественных отношений и структур. Сама урбанизация приобретала в различные исторические периоды не только новые формы, но и свои общественные механизмы, новые движущие силы. Некоторые из них были едины и для Российской империи, и для СССР, другие – уникальны, характерны только для советской эпохи.

Становление городского общества являлось одним из важнейших «синтетических» результатов советской истории, выходящим далеко за рамки собственно системной эволюции и трансформировавшим общество на более глубоком, фундаментальном уровне. Советский город создавался и двигался индустриализировавшейся экономикой, он же являлся для нее пространственной и социальной средой. Накопление количественных изменений в ходе урбанизационного процесса создавало новое качество в экономической, социальной, культурной сферах.

Вместе с тем именно город явился главным средоточием проблем и противоречий советской системы. Он же стал источником и базой крайне противоречивых перемен, стартовавших со второй половины 1980-х гг., в том числе в основном негативно повлиявших и на перспективы постсоветского урбанизационного процесса.

Еще в 1970-х гг. советская экономика в условиях новых технологических прорывов оказывалась невосприимчива к научно-техническим достижениям, а научно-технические инновации редко повышали экономическую эффективность. Уровень и качество жизни не удовлетворяли значительные слои населения, особенно крупных городов. Новые слои образованных, культурных горожан уже не устраивали примитивные идеологемы, проросшие корнями из 1920–1930-х гг., информационная закрытость общества, диктат партийных функционеров во всех областях жизни. Городское общество 1980-х созрело для того, чтобы отказаться от закостеневшей и обветшавшей общественной модели. Однако, как и в 1917 г., на новом витке исторического развития, оно не доросло до того, чтобы выбрать конструктивный путь для выхода из кризисного состояния, тем более что процесс возглавили все те же партийно-хозяйственные функционеры и примкнувшие к ним деструктивные категории с интересами, далекими от национально-государственных.

¹³ Рассчитано по: Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 8; Население СССР. 1988: Стат. ежег. М., 1989. С. 8–9; Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.И., Иванов Е.А. (2007). Судьбы, противоречия и периодизация советской экономики // Экономическая история СССР. М.: Инфра-М. С. 4–21.
- Константинов О.А. (1947). Изменения в географии городов СССР за советский период // Вопросы географии. Сб. 6. М.:ОГИЗ. С. 11–46.
- Латто Г.М. (1987). Города на пути в будущее. М.: Мысль.
- Латто Г.М. (1978). Развитие городских агломераций в СССР. М.:Наука.
- Малкова И.Г. (2015). Города Урала: опыт регулирования градостроительного развития // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, Курганский Дом печати. С. 403–410.
- Московский А.С., Исупов В.А. (1984). Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука.
- Пивоваров Ю.Л. (1976). Современная урбанизация. М.: Статистика.
- Светличный Б.Е. (1974). Планирование градообразующих процессов и проблемы расселения // Плановое хозяйство. № 9. С. 140–144.
- Сеньявский А.С. (1987). Социальная основа СССР. М.: Мысль.
- Сеньявский А.С. (1995). Российский город в 1960–1980-е годы. М.: ИРИ РАН.
- Сеньявский А.С. (2003). Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука.
- Харитонов В.М. (1983) Урбанизация в США. М.: Изд-во МГУ.

Сеньявский Александр Спартакович

senyavsky@yandex.ru

Alexandr Senyavskiy

doctor habilitatus in history, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

senyavsky@yandex.ru

URBANIZATION PROCESS IN USSR IN THE ECONOMIC MEASUREMENTS: STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Abstract. The Russian urbanization process in the twentieth century was implemented mainly within the framework of the Soviet system. The revolutionary catastrophe of 1917 brought down the imperial structures and institutions, led to economic ruin and partial deurbanization. However, social chaos was restructured on new foundations, liberating the social energy of the majority of the population, which consisted of the earlier “lower classes”, and directing them to solve modernization problems under the slogans of socialist construction. Soviet “ideocratic” statehood with new norms and practices has become a key institution that determines the content and pace of transformation, including economic development.

For all the differences, Soviet urbanization was successive imperial. The fundamental difference was the dominance of economic under the influence of some ideological factors. After curtailing the “compromise” NEP, unable to provide an industrial breakthrough, the USSR switched to a regime of accelerated development on the basis of a planned mobilization model for solving the strategic task of overcoming the technical and economic lag behind the hostile “imperialist powers.” Under these conditions, urbanization developed depending on the location of “productive forces” in space.

Over the 7 Soviet decades, urbanization of Russia has moved much further than over the previous millennium. On the basis of the transformation of the economy from predominantly agrarian to industrial, an “urban transition” took place – the transformation of society from rural to urban. The economy has also become urban. It was in the cities that the types of activity and branches of the economy were formed and concentrated, which determined scientific and technological progress, and since the 1960s, the dominant part of the GDP was created, the majority of the population lived.

It was the city that was the main focus of the problems and contradictions of the Soviet system. It also became the source and base of extremely contradictory changes that started in the second half of the 1980s, including mainly negatively affecting the prospects of the post-Soviet urbanization process.

Keywords: *Soviet city, economy, forced development, planned mobilization model, urbanization process, urban society*

JEL Classification: N53, N54, N93, N94, R12.

REFERENCES

- Abalkin L.I., Ivanov E.A.* (2007). Sud'by, protivorechiya i periodizaciya sovetskoj ekonomiki // Ekonomicheskaya istoriya SSSR [Fates, contradictions, and periodization of the Soviet economy // Economic History of the USSR]. M.: Infra-M. Pp. 4–21.
- Kharitonov V.M.* (1983). Urbanizaciya v SSHA. [Urbanization in the USA. M.: Publishing House of Moscow State University]. M.: Izd-vo MGU.
- Konstantinov O.A.* (1947). Izmeneniya v geografii gorodov SSSR za sovetskij period // Voprosy geografii. Sb. 6. [Changes in the geography of cities of the USSR during the Soviet period // Questions of geography]. M.: OGIZ.
- Lappo G.M.* (1978). Razvitie gorodskih aglomeracij v SSSR. [Development of urban agglomerations in the USSR]. M.: Nauka. Pp. 11–46.
- Lappo G.M.* (1987). Goroda na puti v budushchee. [Cities on the way to the future]. M.: Mysl'.
- Malkova I.G.* (2015). Goroda Urala: opyt regulirovaniya gradostroitel'nogo razvitiya // Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. [Cities of the Urals: experience in the regulation of urban development // Historical urbanism: past and present of the city]. Kurgan, Kurganskij Dom pečati. Pp. C. 403–410.
- Moskovsky A.S., Isupov V.A.* (1984). Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926–1939 gg.). [Formation of the urban population of Siberia (1926–1939)]. Novosibirsk: Nauka.
- Pivovarov Yu.L.* (1976). Sovremennaya urbanizaciya. [Modern urbanization]. M.: Statistics.
- Senyavsky A.S.* (1987). Social'naya osnova SSSR [The social basis of the USSR]. M.: Mysl'.
- Senyavsky A.S.* (1995). Rossijskij gorod v 1960–1980-e gody. [Russian city in the 1960–1980s] M.: IRI RAN.
- Senyavsky A.S.* (2003). Urbanizaciya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom processe. [Urbanization of Russia in the 20th Century: Role in the Historical Process]. M.: Nauka.
- Svetlichny B.E.* (1974). Planirovanie gradoobrazuyushchih processov i problemy rasseleniya // Planovoe hozyajstvo. № 9. [Planning of city-forming processes and problems of resettlement // Planning economy. No. 9]. Pp. 140–144.

В.Л. Степанов

*д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН,
Москва*

ИДЕИ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ (вторая половина XIX в.)

Аннотация. Влияние немецкой исторической школы в России во второй половине XIX в. определялось соответствием ее теоретических установок экономическим традициям страны и особенностям национальной ментальности. Представители этого направления критиковали либеральную концепцию А. Смита и его последователей за «космополитизм» и противопоставляли их стремлению к глобализации национально-государственные интересы, оспаривали положение об универсализме «естественных» экономических законов. Отвергая абстрактную модель, сторонники исторического метода выступали за национальную политическую экономию, предметом которой должна была стать хозяйственная эволюция каждого народа. Интересы нации они ставили выше интересов индивидуума, защищали право государства на вмешательство в экономическую жизнь, требовали социальных реформ, проводимых монархией и нацеленных на повышение жизненного уровня и обеспечение правовой защиты широких слоев населения. Тезис о доминировании государства в экономике и инициативной роли императорской власти в преобразованиях отвечал надеждам российского общества на реформаторские потенции самодержавия, а «государственный социализм» понимался как попечительство «верховой власти» о своих подданных. Призыв к анализу конкретных экономических явлений находился в русле интересов российской науки, поглощенной исследованием специфики аграрного и промышленного развития страны. Труды немецких ученых внесли существенный вклад в формирование характерных черт национальной экономической мысли, способствовали выделению экономической истории в отдельную научную дисциплину и формированию отечественной школы финансового права. Восприятие идей исторического направления способствовало утверждению в правительственных кругах и обществе представлений об этатизме, протекционизме и государственном патернализме как о принципах экономической политики, отвечающих условиям России.

Ключевые слова: *немецкая историческая школа, индуктивный метод, российская экономическая мысль, протекционизм, государственный патернализм, социальные реформы.*

Классификация JEL: B12, B13, B15.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10212

По словам дореволюционного экономиста И.И. Левина, воздействие английских и французских идей на российскую экономическую науку носило эпизодический характер, в то время как немецкое влияние было очень продолжительным [Нормано, 2010. С. 415]. Этому способствовали географическая близость двух стран, их тесные хозяйственные, политические и культурные связи, личные контакты между народами и ряд других факторов. Немецкие профессора систематически приглашались в Россию для научной и преподавательской работы, а масса российских студентов обучалась в германских университетах. Во второй половине XIX в. российская экономическая мысль испытала сильное влияние немецкой исторической школы, которая стала наиболее серьезной альтернативой классической политэкономии. Ученые этого направления внесли существенный вклад в осмысление предмета и метода экономической науки, указали на политические, правовые, этические и психологические факторы роста народного хозяйства, обосновали необходимость

вмешательства государства в экономическую жизнь. Рецепция наследия исторической школы в России была предопределена всем ходом развития отечественной экономической мысли в первой половине XIX столетия.

В эпоху наполеоновских войн российское общество испытало разочарование в философии французского Просвещения. Духовная жизнь страны в царствование Александра I (1801–1825) характеризовалась проникновением английских идей. Это во многом объяснялось совпадением внешнеполитических целей и торговых интересов России и Великобритании. Англomania охватила императорский двор, аристократические круги, высшую бюрократию, образованные слои населения [*Предтеченский*, 1999. С. 40–101]. Широкое распространение получила либеральная теория классической школы А. Смита. Политэкономия Великобритании в этот период занимала лидирующее положение в мировой науке. Всеобщий интерес вызывали положения классического учения о «естественных» и универсальных экономических законах, свободе частной собственности, предпринимательства и конкуренции, могуществе «невидимой руки» капиталистического рынка, приоритете интересов индивидуума над интересами общества, фритредерстве во внешней торговле и международном разделении труда, невмешательстве государства в хозяйственную жизнь [*Блюмин*, 1940. С. 50–59; *Тебиев*, 2001. С. 33–46; *Нормано*, 2010. С. 379–395]. Эти идеи воспринимались в России как научное обоснование преимуществ вольнонаемного труда и необходимости отмены крепостного права. Вместе с тем, в связи с очевидной отсталостью страны от Великобритании, особую актуальность приобрел вопрос о возможности применения классической теории к местным условиям. Поэтому в поле зрения общества оказались и труды оппонентов А. Смита, в которых оспаривались принципы экономического либерализма. Заметное место среди них занимали работы немецких ученых.

Германия, как и другие страны Запада, пережила увлечение идеями классической школы. Однако национальная версия «смитианства» формировалась в условиях политически раздробленной и экономически отсталой (по сравнению с Великобританией) страны, в которой государство играло значительную роль в развитии народного хозяйства. Немецкие исследователи принимали во внимание этикастические традиции и доминирующую роль бюрократии в политике германских государств, следовали канонам отечественной камералистики, имели органическое представление о характере общественного развития в отличие от механистического подхода у английских «классиков» [*Цвайнерт*, 2008. С. 56, 90–91]. Они воспитывались в духе трансцендентализма, поэтому их склад мышления был мало приспособлен для восприятия индивидуалистической философии английского утилитаризма [*Селигмен*, 1968. С. 24]. Немецкая политэкономия испытывала влияние со стороны сформировавшейся в Германии в первой четверти XIX в. исторической школы права, основанной Г. Гуго и Ф.К. Савиньи. Ее представители выдвинули понятие изначально присущего каждой нации «народного духа» и отстаивали принцип историзма при анализе социальных явлений [*Аннерс*, 1994. С. 298–303]. Мощное воздействие на экономическую мысль страны оказывала также философия Ф.В. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, которые абсолютизировали государство, подчеркивали его самодовлеющее значение, отстаивали примат «верховой власти» над индивидуумом. Подобные взгляды не сочетались с выводами теоретиков классической школы, отводивших государству роль «ночного сторожа» в экономическом развитии.

Образованная публика в России внимательно следила за новинками немецкой экономической литературы. Характерен тот факт, что идеи А. Смита и его последователей проникали в страну главным образом через Гёттингенский университет, в котором учились многие русские студенты. В 1796 г. вышла в свет книга первого пропагандиста классического учения в Германии, профессора этого знаменитого университета Г. Сарториуса. При общей позитивной оценке концепции экономического либерализма автор указал на необходимость корректировки абстрактной английской теории при ее использовании в дру-

гих странах. Во втором издании этого труда (1806 г.), переведенном позднее на русский язык, Г. Сарториус отозвался о воззрениях А. Смита еще более критически [*Сарториус*, 1812]. Крупнейший представитель немецкой классической философии И.Г. Фихте в работе «Закрытое торговое государство» (1800 г.) развивал автаркические идеи и утверждал, что только государство способно объединить массу людей в единую социальную общность. По его словам, экономика является основой государства, поэтому с его стороны необходима жесткая регламентация хозяйственной жизни для установления необходимого равновесия в доходах граждан, чтобы предотвратить конфликт между классами [*Fichte*, 1800]. Сходные мысли были высказаны А. Мюллером в опубликованном курсе лекций «Элементы государственного искусства» (1809 г.). Автор указывал на то, что классическая школа уделяет основное внимание экономике, игнорируя духовно-нравственные составляющие общественного развития и особенности разных народов. Между тем каждая нация – это особый организм со своими жизненными принципами, индивидуальностью и исторической преемственностью. Средоточием материального и духовного богатства нации является государство, которое охватывает всю совокупность человеческих отношений, примиряет разнонаправленные интересы индивидуумов и социальных групп, является руководящей силой экономического прогресса. По мнению А. Мюллера, коренной ошибкой А. Смита является апология частной собственности, разграничение хозяйственной самостоятельности индивидуума и функций государства. Подобный подход неизбежно ведет к острой борьбе между отдельными лицами и росту экономического эгоизма в ущерб государственным интересам [*Möller*, 1809].

Влияние на отечественную экономическую мысль оказывали и немецкие профессора, долгое время проживавшие в России. Наблюдая местную жизнь, они на собственном опыте убеждались в ущербности представления об универсальных законах. И.И. Левин отмечал, что «Россия становилась некоей лабораторией, в которой вызревали теории германского антиклассицизма» [*Нормано*, 2010. С. 424], а В. Рошер даже пришел к выводу о существовании «немецко-русской школы» [*Цвайнерт*, 2008. С. 82, 83]. В 1801–1826 гг. первым профессором политической экономии в Московском университете был выпускник Гёттингенского университета Х. Шлёцер, сторонник немецкой версии учения А. Смита. В своем учебнике политэкономии он, как и Г. Сарториус, поставил вопрос о модификации классической теории для ее применения к «молодым» нациям, подверг критике трудовую теорию стоимости, указал на возможность вмешательства государства в экономическую жизнь и допущение протекционизма во внешней торговле. Поскольку учебник Х. Шлёцера пользовался большим спросом, то его соображения стали достоянием многих читателей [*Шлёцер*, 1805–1806].

Еще большее значение имели взгляды российского академика немецкого происхождения Г.Ф. Шторха, получившего образование в Йенском и Гейдельбергском университетах. Он также был одним из первых популяризаторов идей А. Смита в России, автором фундаментального «Курса политической экономии» [*Storch*, 1815]. Г.Ф. Шторх, вслед за Х. Шлёцером, видел свою задачу в «приложении» классического учения к России. Он выступил против тяготения английских экономистов к чрезмерной абстракции и приоритета дедуктивного метода в ущерб индуктивному. Г.Ф. Шторх был сторонником «историзма» и придерживался стадийного подхода Ж.Б. Сэя при анализе явлений хозяйственной жизни. С целью «дополнить» учение А. Смита, он выдвинул теорию внутренних благ («невещественных плодов природы и труда»), в которой обосновал роль нематериальных факторов производства, взаимосвязь между экономическим и культурным развитием [*Глаголев*, 1993. С. 351–354]. Труды немецких ученых способствовали формированию российской версии классического учения. Воздействие взглядов Г.Ф. Шторха испытал крупнейший экономист этого периода Н.С. Мордвинов, проявивший себя сторонником национальной идеи. В своих работах он отверг абстрактный метод А. Смита и высказался за сравнительное изу-

чение исторического пути разных народов. Исходя из условий России, которой предстоит догнать передовые страны Запада, Н.С. Мордвинов заявлял о необходимости вмешательства государственной власти в экономику, поощрение промышленности и ее защиту от иностранной конкуренции путем усиления таможенной охраны [Мордвинов, 1945].

Увлечение в России идеями классической школы продолжалось недолго. Страна не была готова к практическому использованию постулатов экономического либерализма, поэтому они не прижились на местной почве. Абстрактный характер учения А. Смита и культ индивидуализма остались чуждыми и неприемлемыми для ментальности и жизненных принципов отечественной интеллигенции [Нормано, 2010. С. 395, 396]. Во второй четверти XIX в. английская «мода» сменилась прежней галломанией. В политэкономии утвердился авторитет одного из теоретиков классического учения Ж.Б. Сэя, который порицал А. Смита за слишком высокий уровень абстракции и пренебрежение индуктивным методом. Известность получили также труды Ф. Бастиа и Б.П. Дюнуайе. В сочинениях российских экономистов 1840–1850-х гг. преобладали взгляды французских ученых [Блюмин, 1940. С. 61–69; Цвайнерт, 2008. С. 131–134]. Вместе с тем сохранялся интерес и к работам немецких авторов, которые также отдавали предпочтение Ж.Б. Сэю перед А. Смитом. Этому благоприятствовал невиданный рост популярности в России философии Ф.В. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля [Зеньковский, 2001. С. 122–290; Чижевский, 2007.]. Широкую известность в России получил трехтомный учебник политической экономии профессора Гейдельбергского университета К.Г. Рау. Он был последователем классической школы, однако выступал против ее крайностей. Рассматривая экономическую политику германских правительств, К.Г. Рау отстаивал ряд положений меркантилизма и признавал необходимость государственного регулирования народного хозяйства [Рау, 1826–1837].

Крупным событием в мировой экономической мысли стал выход книги Ф. Листа «Национальная система политической экономии». Автор осудил «космополитическую» теорию А. Смита, игнорирующую особенности отдельных стран и противопоставил ей учение о «национальных производительных силах», провозгласил историзм главным методом политэкономии, высказался за приоритет государства в экономике и проведение протекционистской политики для поддержки молодых отраслей промышленности [Гловели, 2013. С. 195–201]. В обширном труде А.И. Бутовского, который представляет собой наиболее полное изложение российской версии классического учения, отчетливо прослеживается воздействие работ не только Ж.Б. Сэя и Б.П. Дюнуайе, но и Г.Ф. Шторха, особенно его теории внутренних благ [Бутовский, 1847]. На идеи немецкой камералистики и Ф. Листа в своих работах ориентировался выходец из Германии Е.Ф. Канкрин – российский министр финансов в 1823–1844 гг. Он занимает особое место в экономической мысли того времени, поскольку вообще отвергал классическое учение, трудовую теорию стоимости и дедуктивный метод. Е.Ф. Канкрин выступал за проведение протекционистского курса, который должен был обеспечить автаркическое развитие страны и защитить народное хозяйство от мировых кризисов [Cancrin, 1845].

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. в России началась либерализация экономической политики. В условиях финансового расстройств и промышленного кризиса правительство стремилось мобилизовать внутренние ресурсы и привлечь в страну иностранные капиталы. Вспышка популярности фритредерских идей, отмена многих цензурных ограничений и подготовка Великих реформ вызвали бурный расцвет экономической литературы и публицистики. Однако дальнейшее формирование российской версии классического учения, как и ранее, протекало при учете работ немецких теоретиков. Их влияние отчетливо прослеживается в двухтомных «Началах политической экономии» И.Я. Горлова. Он имел органическое представление о народном хозяйстве, проявлял склонность к индуктивному методу и стадийному подходу, был сторонником теории внутренних благ Г.Ф. Шторха [Горлов, 1859–1862]. Особую популярность в России полу-

чили идеи возникшей в Германии в конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. «старшей» исторической школы, родоначальником которой считается Ф. Лист. Представители этого направления – В. Рошер, Б. Гильдебранд и К. Книс противопоставляли стремлению «классиков» к глобализации национально-государственные интересы, критиковали А. Смита за «космополитизм», оспаривали трактовку «естественных» экономических законов как универсальных для всех стран. Отвергая абстрактную модель, немецкие ученые выступали за национальную политическую экономию, предметом которой должна была стать хозяйственная эволюция каждого народа. Интересы нации они ставили выше интересов индивидуума и защищали право государства на вмешательство в экономическую жизнь [Туган-Барановский, 1903. С. 189–192; Селигмен, 1968. С. 26].

Концепцию этой школы в России активно пропагандировали органы печати и в первую очередь журнал «Русский вестник» М.Н. Каткова [Китаев, 1972. С. 56–58]. Ревностным сторонником исторического метода стал профессор Казанского университета И.К. Бабст. В статье, опубликованной в «Русском вестнике», он подверг обстоятельному разбору первый том фундаментального труда В. Рошера «Система народного хозяйства» и дал ему высокую оценку. «Кто хочет исследовать народное хозяйство, – писал Бабст, – тому нельзя ограничиться одним наблюдением ныне существующих хозяйственных и экономических условий, но должно исследовать каждое условие и явление в их постепенном развитии» [Бабст, 1856. С. 96]. В 1858 г. в Германии он неоднократно встречался с Рошером и имел с ним продолжительные беседы. В 1860–1862 гг. Бабст издал первый том его сочинения на русском языке с предисловием, в котором назвал труд немецкого ученого «одним из замечательнейших творений современной экономической литературы». По его словам, «Рошер нигде не пытается выставлять абсолютного идеала народного хозяйства, на котором, как на прокрустовом ложе, желали бы многие растянуть народную жизнь; не выставляет и тех утопий, от которых всегда и везде отшатывается здравый смысл народа. Вся задача его состоит в том, чтобы доискаться основных понятий и первобытных начатков народного хозяйства в эпохи самые отдаленные, проследить за ходом их исторического развития и пояснять их наблюдениями и учениями, выработанными наукой и опытностью» [Бабст, 1860. С. V, XI].

А.К. Корсак, один из учеников И.К. Бабста, в 1861 г. стал автором первого оригинального труда исторического направления в отечественной экономической науке, посвященного анализу стадий развития промышленности в Западной Европе и России [Гловели, 2014. С. 11–14]. В том же году известный экономист В.П. Безобразов перевел и опубликовал книгу Б. Гильдебранда «Историческое обозрение политико-экономических систем (СПб., 1861). Профессор Университета св. Владимира в Киеве Н.Х. Бунге предсказывал, что «историческое направление с каждым годом будет все более и более приобретать последователей и займет следующее ему по праву место в литературе нашей науки» [Бунге, 1857. С. 752]. Вместе с тем либеральные экономисты не сочувствовали крайностям исторической школы в отрицании экономических теорий, универсальных законов и дедуктивного метода. Тот же Н.Х. Бунге подчеркивал, что «формы хозяйственного устройства, подобно всем общественным явлениям, имеют, без сомнения, и общечеловеческую, и национальную сторону, и в этом смысле совмещают в себе обе стихии» [Бунге, 1869. С. 41]. Более жесткую позицию занимали славянофилы, которые находились под сильным влиянием философии Ф.В. Шеллинга и в полемике со своими оппонентами использовали принцип исторического релятивизма для доказательства неприменимости классического учения в России. Особым признанием среди них пользовались идеи Ф. Листа. Выдающийся философ-славянофил Ю.Ф. Самарин указывал на значение понятия «национальной системы» для обоснования экономического своеобразия разных стран. И.С. Аксаков и Н.Я. Данилевский выступали за протекционистскую таможенную политику с целью покровительства российской промышленности [Антонов, 2008. С. 185; Гловели, 2013. С. 211, 212, 214, 215].

Еще большее распространение в России исторический метод получил в связи с разочарованием общества результатами эпохи «свободы предпринимательства» второй половины 1850-х – первой половины 1870-х гг. Учредительская горячка, грюндерство, биржевой ажиотаж, спекуляции, злоупотребления казенными кредитами, череда банкротств частных банков, дезорганизация созданной акционерными обществами железнодорожной сети, наконец, кризис, начавшийся в середине 1870-х гг., привели к падению авторитета классической школы [Степанов, 2008. С. 491–512]. В связи с этим значительный резонанс в России вызвало возникновение в Германии в 1870-х гг. «новой» исторической школы, которая заняла промежуточное положение между «классицизмом» и социализмом. Г. Шмоллер, Г. Шенберг, А. Шеффле, Л. Brentано, А. Вагнер и их единомышленники не только критиковали доктрину экономического либерализма, но и резко порицали учение К. Маркса, вступая с ним и его последователями в острые дискуссии. Они провозгласили главной задачей науки сбор конкретно-исторического материала и разработку рекомендаций по экономической политике, проводимую сильной правительственной властью. Эти ученые развивали идеи «государственного социализма», выступали за «социальную монархию», стоящую над эгоистическими классовыми интересами, за укрепление ее союза с народными массами путем преобразований, нацеленных на повышение материального уровня и обеспечение правовой защиты широких слоев населения. Поэтому сторонников «новой» исторической школы стали называть «катедер-социалистами». В 1872 г. они основали «Союз социальной политики», который поставил вопрос о введении системы охраны труда рабочих [Туган-Барановский, 1903. С. 193–205; Селигмен, 1968. С. 27–31; Mussiggang, 1968. S. 118–222; Рингер, 2008. С. 175–184]. Члены этой ассоциации приняли участие в подготовке проектов реформ, проводимых правительством О. фон Бисмарка. Как прагматичный политик, «железный канцлер» воспользовался рекомендациями катедер-социалистов для сдерживания рабочего движения и нейтрализации влияния социал-демократической партии. Принятые по его инициативе законы 1883–1889 гг. о государственном страховании рабочих стали образцом для западных стран и России [Янжул, 1890. С. 728–739; Бернацкий, 1911. С. 393–489].

Стремительное превращение империи Гогенцоллернов в передовую промышленную державу пробудили в России огромный интерес к германской экономической модели и ее научно-теоретическому обоснованию. Выдающийся социолог и экономист М.М. Ковалевский, в 1870-е гг. много общавшийся в Берлинском университете с видными катедер-социалистами, вспоминал о значительном влиянии их воззрений на себя лично и других российских ученых своего поколения. В беседе с ним А. Вагнер прямо заявил, что «русские всегда были нашими учениками и, по-видимому, останутся ими надолго» [Ковалевский, 2005. С. 105, 108,]. Взгляды «новой» исторической школы широко распространялись из российского Дерптского университета, где в разное время преподавали А. Вагнер, К. Бюхер, К. Дитцель, В. Лексис, В. Штида и др. Наиболее ревностным приверженцем катедер-социализма в России был И.И. Янжул, который во время магистерской командировки в Германии в 1872 г. прослушал лекционные курсы В. Рошера (Лейпциг) и К. Книса (Гейдельберг). Его отличала приверженность индуктивному методу, историческому релятивизму и теории «государственного социализма». Особый интерес И.И. Янжула к фабрично-заводскому законодательству был вызван работами Л. Brentано, задачами «Союза социальной политики» и опытом решения рабочего вопроса в Германии [Рогачевская, 2014. С. 34–36, 111–128].

Прямым последователем исторической школы был также И.М. Кулишер, стажировавшийся в 1900–1903 гг. в Берлинском университете у Г. Шмоллера и создавший позднее ряд обзорных трудов по экономической истории. В одной из своих статей он подчеркнул, что «история экономического быта есть не только историческая наука, как нередко утверждают, но представляет собой вместе с тем и необходимую составную часть политической

экономии, без которой теоретическая экономия не может установить законов, а, следовательно, и не может стать наукой в истинном смысле этого слова» [Кулишер, 1908. С. 53]. К историческо-реалистическому направлению относили себя представители «легального» народничества И.И. Иванюков, А.А. Исаев и А.И. Чупров. Они пытались сочетать классическое учение и марксизм с идеями «новой» исторической школы, обосновывали необходимость социальных реформ, детальных статистических исследований и внимания к географическим условиям национального хозяйства [Гловели, 2009. С. 58, 59]. В своих работах А.И. Чупров позитивно отзывался о новациях немецких экономистов. В «Истории политической экономии» он, в частности, отметил, что «государственный социализм смотрит на государство не только как на учреждение для ограждения порядка, но как на великое орудие для достижения культурных целей, которые не могут быть осуществлены отдельными лицами» [Чупров, 1918. С. 223]. Воздействие исторической школы испытали и сторонники «легального» марксизма – П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков и др. «Историзм есть вообще основная черта научной мысли нашего времени, – писал С.Н. Булгаков, – и я не преувеличу, если скажу, что это есть одна из величайших и плодотворных идей второй половины, в особенности конца XIX в.» [Булгаков, 2007. С. 377].

В своей последней книге «Очерки политико-экономической литературы» (1895) Н.Х. Бунге дал высокую оценку трудов кафедр-социалистов и особо отметил заслуги Г. Шмоллера. В традициях «новой» исторической школы автор подверг резкой критике «Капитал» К. Маркса, указав на абсолютную неприменимость его выводов к реальной жизни [Бунге, 1895. С. 113–156; 171–198]. Правда, взгляды немецких теоретиков, как и ранее, воспринимались в научных кругах далеко не однозначно. Сторонники отечественной версии классического учения сознавали проблематичность его применения в России, проявляли склонность к индуктивному методу и заявляли об исторической обусловленности хозяйственной жизни. Вместе с тем, выступая за либеральные реформы, они солидаризовались с установками А. Смита о «естественных» экономических законах и свободе рыночных отношений [Цвайнерт, 2008. С. 148]. В отличие от них, консерваторы (М.Н. Катков и др.) резко критиковали правительственную политику по насаждению в России чужеродного «биржевого» капитализма, требовали создания огражденного от Запада собственного геоэкономического пространства. Поэтому в своей аргументации они использовали положение о национальных хозяйственных особенностях в гораздо большем масштабе [Чернавский, 2004. С. 426–431].

Взгляды исторической школы принимались во внимание правительством в реформаторской практике. Н.Х. Бунге в 1881–1886 гг. возглавлял финансовое ведомство и всячески убеждал Александра III следовать примеру соседней империи. «России не менее, чем Германии, нужно бороться с разрушительными стремлениями революционной партии, – писал министр Александру III в марте 1884 г., – но чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народное и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк» [Записка, 1960. С. 143]. Н.Х. Бунге предпринял целый ряд социальных преобразований. По его инициативе были понижены выкупные платежи с крестьян, отменена подушная подать, организован доступный для сельского населения ипотечный кредит, утверждены первые в России акты рабочего законодательства [Степанов, 1998. С. 110–243]. С.Ю. Витте, занимавший в 1892–1903 гг. пост министра финансов, еще в 1883 г. опубликовал книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», в которой рассмотрел современные экономические теории и отдал явное предпочтение исторической школе, отметив, что ход развития мирового хозяйства уже давно вызвал сомнения в «абсолютной истине» учения А. Смита. В брошюре «Национальная экономика и Фридрих Лист» (1889) С.Ю. Витте продолжал доказывать преимущества исторической школы, которая рассматривает экономическую эволюцию с учетом национальных особенностей каждой страны. Вслед за Ф. Листом он утверждал, что создание мощной промышленности

невозможно без расширения государственного вмешательства в экономику и установления жесткой протекционистской системы [Корелин, 1998. С. 11–16]. Министр финансов продолжил социальные мероприятия Н.Х. Бунге: при нем был преобразован Крестьянский банк, упразднены круговая порука и паспортный сбор, усилилось переселенческое движение малоземельных крестьян на окраины империи, приняты новые фабричные законы и др. Идеи исторической школы воспринимали и другие российские государственные деятели. Курсы лекций А. Вагнера и Г. Шмоллера в Берлинском университете в 1882–1883 гг. посещал министр торговли и промышленности С.И. Тимашев (1909–1915), а в середине 1890-х гг. – министр финансов П.Л. Барк (1914–1917) [Вычужганин, 2006. С. 11, 12; Барк, 2016. С. 152].

В начале XX в. прежний авторитет «новой» исторической школы несколько пошатнулся, а Союз социальной политики утратил прежнее единство. Экономисты снова стали обращаться к методам абстрактного анализа. Особого успеха в совершенствовании теории достигла австрийская школа маржинализма. Тем не менее влияние исторической школы дало сильный импульс развитию российской экономической мысли. Популярность этого направления объяснялась соответствием его теоретических установок экономическим традициям страны и особенностям национальной ментальности. Тезис о доминировании государства в экономике и инициативной роли монархии в преобразованиях отвечал надеждам общества на реформаторские потенции самодержавия, а «государственный социализм» понимался как попечительство «верховой власти» о своих подданных. Призыв к анализу конкретных экономических явлений находился в русле интересов российской науки, поглощенной исследованием специфики аграрного и промышленного развития страны. Труды немецких ученых внесли существенный вклад в формирование характерных черт отечественной экономической мысли: учет самобытности страны и иных, чем на Западе, отношений между государством и обществом; понимание особой роли государственной власти в экономической жизни; восприятие народного хозяйства в целом как национального феномена; поиск собственной модели социального рыночного хозяйства; признание приоритета общественного блага над индивидуальным, а социальных критериев над экономическими; преимущественный интерес к текущим экономическим проблемам и задачам правительственной политики. Влияние исторического направления способствовало выделению экономической истории в отдельную научную дисциплину, а также формированию отечественной школы финансового права. Восприятие идей этой школы способствовало утверждению в правительственных кругах и обществе представлений об этатизме, протекционизме и государственном патернализме как о принципах экономической политики, отвечающих условиям России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннерс Э. (1994). История европейского права. М.: Наука.
- Антонов М.Ф. (2008). Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации.
- Бабст И.К. (1856). Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. Т. 3. Кн. 1. С. 94–141.
- Бабст И.К. (1860). Предисловие // Рошер В. Система народного хозяйства. Т. 1. Отд. 1. М.: тип. В. Грачева и К°. С. V–XII.
- Барк П.Л. (2016). Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. М.: Кучково поле. Т. 1.
- Бернацкий М.В. (1911). Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб.: типо-лит. Шредера.
- Блюмин И.Г. (1940). Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Бунге Н.Х. (1857). О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования и об отношении ее к практической деятельности // Экономический указатель. № 32. С. 752–756.
- Бунге Н.Х. (1869). Полицейское право. Киев: Университетская типография.

- Бунге Н.Х. (1895). Очерки политико-экономической литературы. СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Бутовский А.И. (1847). Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии: в 3 т. СПб.: тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Вычужганин А.Л. (2006). С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Тюмень: ИД «Слово».
- Глаголев А.И. (1993). Русская политическая экономия о духовном производстве: Вклад школы А.К. Шторха – А.И. Бутовского // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Ч. 2. М.; Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя.
- Гловели Г.Д. (2013). История экономических учений. М.: Юрайт.
- Гловели Г.Д. (2014). Историзм в российской политической экономии: рецепции и новации. М.: Институт экономики.
- Горлов И.Я. (1859–1862). Начала политической экономии: в 2 т. СПб.: тип. П.А. Кулиша.
- Записка Н.Х. Бунге Александру III о состоянии бюджета России (1960) // Исторический архив. № 2. С. 143–144.
- Зеньковский В.В. (2001). История русской философии. М.: Академический проект: Раритет.
- Китаев В.А. (1972). От фронды к охранительству: из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль.
- Ковалевский М.М. (2005). Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН.
- Корелин А.П., Степанов С.А. (1998). С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА – Книжный клуб.
- Кулишер И.М. (1908). Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов // Русская мысль. Кн. 7. С. 53–79.
- Мордвинов Н.С. (1945). Избранные произведения. М.: Госполитиздат.
- Нормано Дж. (Левин И.И.) (2010). Дух русской экономической науки // Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России: Сборник. М.: Дело.
- Предтеченский А.В. (1999). Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 40–101.
- Рингер Ф. (2008). Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933. М.: Новое литературное обозрение.
- Рогачевская М.А. (2014). Академик Иван Иванович Янжул – создатель финансовой науки в России: (Научная биография). Новосибирск: Изд-во СибАГС.
- Сарториус Г. (1812). Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита. Казань: Университетская типография.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.
- Степанов В.Л. (1998). Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М.: РОССПЭН.
- Степанов В.Л. (2008). Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х – первая половина 1870-х гг.) // Петр Андреевич Зайончковский: Сб. ст. и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН. С. 491–512.
- Тебиев Б.К. (2001). Экономический либерализм в России XIX века и критика социалистических экономических идей. М.: МПА.
- Туган-Барановский М.И. (1903). Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб.: тип. И.Н. Скороходова.
- Чижевский Д.И. (2007). Гегель в России. СПб.: Наука.
- Цвайнерт Й. (2008). История экономической мысли России: 1805–1905. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Чернавский М.Ю. (2004). Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX – начала XX века // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 426–431.
- Чупров А.И. (1918). История политической экономии. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Шлётцер Х. (1805–1806). Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве: в 2 ч. М.: Университетская типография.
- Янжул И.И. (1890). Бисмарк и государственный социализм // Вестник Европы. № 8. С. 728–739.
- Sanctin G. (1845). Die Ökonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen: Von einem ehemaligen Finanzminister. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung.
- Fichte Jo.G. (1800). Der geschlossene Handelstaat. Tübingen: J.G. Gotta.
- Möller A. (1809). Die Elemente der Staatskunst: 3 Bde. Berlin: Sander.
- Müssiggang A. (1968). Die soziale Frage in der historischen Schule der deutschen Nationalökonomie. Tübingen: Mohr (Siebeck).
- Rau K.H. (1826–1837). Lehrbuch der Politischen Ökonomie: 3 Bde. Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung.
- Storch H.V. (1815). Cours d'économie politique ou exposition des principes imperiaux qui determinent la prospérité des nations. St. Petersburg: Imprimé chez A. Pluchart et comp.

Степанов Валерий Леонидович*valerij-stepanov@mail.ru***Valerii Stepanov***doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**valerij-stepanov@mail.ru***THE IDEAS OF GERMAN HISTORICAL SCHOOL IN RUSSIA (second half of the XIX century)**

Abstract. The influence of the German historical school in Russia in the second half of the nineteenth century was determined by the correspondence of its theoretical guidelines to economic traditions of the country and the peculiarities of national mentality. The proponents of this school criticized the liberal concept of A. Smith and his followers because of its «cosmopolitanism», opposed their striving to globalization to national and state interests and questioned the provision of the universalism of «natural» economic laws. Rejecting the abstract model the adherents of the historical method stood for national political economy, whose subject was to become the economic evolution of each people. They placed the interests of the nation prior to those of an individual, defended the right of the state to interfere in the economic sphere demanding social reforms by the monarchy aimed at the elevation of living standards and the legal protection of the people at large. The thesis of the state's domination in economy and the initiative role of the Emperor's power in the reforms accorded with the hopes of Russian society in the reformative potential of the autocracy, while «state socialism» was understood as a patronage of the «supreme power» exercised over its subjects. The call to analyze specific economic phenomena was in line with the interests of Russian science absorbed in the study of the specificity of the country's agrarian and industrial development. The works of German scientists made a considerable contribution to the forming of peculiar features of the national economic thought, were conducive to the separation of economic history as a special scientific discipline and the forming of the domestic school of financial law. The perception of the ideas of the historical school led to the establishment in government circles and the society of the concepts of etatism, protectionism and state paternalism as principles of economic policy fitting Russia's conditions.

Keywords: *German historical school, inductive method, Russian economic thought, protectionism, state paternalism, social reforms.*

JEL Classification: B12, B13, B15.

REFERENCES

- Anners E.* (1994). *Istoriya evropejskogo prava*. M.: Nauka. [Anners E. History of European law].
- Antonov M.F.* (2008). *Ekonomicheskoe uchenie slavyanofilov*. M.: Institut russkoj civilizacii. [Antonov M.F. Economic doctrine of the Slavophiles].
- Babst I.K.* (1856). *Istoricheskij metod v politicheskoy ekonomii* // *Russkij vestnik*. T. 3. Kn. 1. S. 94–141. [Babst I.K. Historical method in political economy].
- Babst I.K.* (1860). *Predislovie* // *Rosher V. Sistema narodnogo hozyajstva*. T. 1. Otd. 1. M.: tip. V. Gracheva i K^o. S. V–XII. [Babst I.K. Preface].
- Bark P.L.* (2016). *Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossijskoj imperii. 1914–1917: v 2 t.* M.: Kuchkovo pole. T. 1. [Bark P.L. Memoirs of the last Minister of Finance of the Russian Empire. 1914–1917].
- Bernackij M.V.* (1911). *Teoretiki gosudarstvennogo socializma v Germanii i social'no-politicheskie vozzreniya knyazya Bismarka*. SPb.: tipo-lit. Shredera. [Bernackij M.V. Theorists of state socialism in Germany and socio-political views of Prince Bismarck].
- Blyumin I.G.* (1940). *Ocherki ekonomicheskoy mysli v Rossii v pervoj polovine XIX veka*. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR. [Blyumin I.G. Essays of economic thought in Russia in the first half of the XIX century].
- Bunge N.H.* (1857). *O meste, zanimаемom politicheskoy ekonomiej v sisteme narodnogo obrazovaniya i ob otnoshenii ee k prakticheskoy deyatel'nosti* // *Ekonomicheskij ukazatel*. № 32. S. 752–756. [Bunge N.H. On the place occupied by political economy in the system of public education and its relation to practical activity].
- Bunge N.H.* (1869). *Policejskoe pravo*. Kiev: Universitetskaya tipografiya. [Bunge N.H. Police law].
- Bunge N.H.* (1895). *Ocherki politiko-ekonomicheskoy literatury*. SPb.: tip. V. Kirshbauma. [Bunge N.H. Essays in political and economic literature].
- Butovskij A.I.* (1847). *Opyt o narodnom bogatstve, ili o nachalah politicheskoy ekonomii: v 3 t.* SPb.: tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii. [Butovskij A.I. Experience of the wealth of the people, or of the principles of political economy].
- Vychugzhanin A.L.* (2006). *S.I. Timashev: zhizn' i deyatel'nost'*. Tyumen': ID «Slovo». [Vychugzhanin A.L. S.I. Timashev: life and work].

- Glagolev A.I.* (1993). Russkaya politicheskaya ekonomiya o duhovnom proizvodstve: Vklad shkoly A.K. Shtorha – A.I. Butovskogo // *Iz istorii ekonomicheskoy mysli i narodnogo hozyajstva Rossii*: Sb. nauch. trudov. Vyp. 1. Ch. 2. M.; Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta. [Glagolev A.I. Russian political economy about the spiritual production: the role of the school A. K. Storch – A.I. Butovsky].
- Gloveli G.D.* (2009). Geopoliticheskaya ekonomiya v Rossii: ot diskussij o samobytnosti k global'nym modelyam (XIX v. – pervaya tret' XX v.). SPb.: Aletejya. [Gloveli G.D. Geopolitical economy in Russia: from discussions about identity to global models (XIX century – first third of XX century)].
- Gloveli G.D.* (2013). Istoriya ekonomicheskikh uchenij. M.: Yurajt. [Gloveli G.D. History of economic doctrines].
- Gloveli G.D.* (2014). Istorizm v rossijskoj politicheskoy ekonomii: recepcii i novacii. M.: Institut ekonomiki. [Gloveli G.D. Historicism in Russian political economy].
- Gorlov I.Ya.* (1859–1862). Nachala politicheskoy ekonomii: v 2 t. SPb.: tip. P.A. Kulisha. [Gorlov I.Ya. The beginnings of political economy].
- Zapiska N.H. Bunge Aleksandru III o sostoyanii byudzheta Rossii (1960)* // *Istoricheskij arhiv*. № 2. S. 143–144. [Note by N.Kh. Bunge to Alexander III on the state of the budget of Russia].
- Zen'kovskij V.V.* (2001). Istoriya russkoj filosofii. M.: Akademicheskij proekt: Raritet. [Zen'kovskij V.V. History of Russian philosophy].
- Kitaev V.A.* (1972). Ot frondy k ohranitel'stvu: iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-h gg. XIX v. M.: Mysl'. [Kitaev V.A. From Fronde to conservatism: from the history of Russian liberal thought of the 50-60s of the XIX century].
- Kovalevskij M.M.* (2005). Moya zhizn': Vospominaniya. M.: ROSSPEN. [Kovalevskij M.M. My life: Memories].
- Korelin A.P., Stepanov S.A.* (1998). S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat. M.: TERRA – Knizhnyj klub. [Korelin A.P., Stepanov S.A. S.Yu. Vitte – financier, politician, diplomat].
- Kulisher I.M.* (1908). Ekonomicheskaya istoriya kak nauka i periody v hozyajstvennom razvitii narodov // *Russkaya mysl'*. Kn. 7. S. 53–79. [Kulisher I.M. Economic history as a science and periods in the economic development of peoples].
- Mordvinov N.S.* (1945). Izbrannye proizvedeniya. M.: Gospolitizdat. [Mordvinov N.S. Selected works].
- Normano Dzh.* (Levin I.I.) (2010). Duh russkoj ekonomicheskoy nauki // *Levin I.I. Akcionernye kommercheskie banki v Rossii*: Sbornik. M.: Delo. [Normano Dzh. Spirit of Russian Economics].
- Predtechenskij A.V.* (1999). Anglomaniya // *Anatolij Vasil'evich Predtechenskij: Iz tvorcheskogo naslediya*. SPb.: Dmitrij Bulanin. S. 40–101. [Predtechenskij A.V. Anglomania].
- Ringer F.* (2008). Zakat nemeckih mandarinov: akademicheskoe soobshchestvo v Germanii: 1890–1933. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [Ringer F. The decline of the German mandarins: the academic community in Germany: 1890–1933].
- Rogachevskaya M.A.* (2014). Akademik Ivan Ivanovich Yanzhul – sozdatel' finansovoj nauki v Rossii: (Nauchnaya biografiya). Novosibirsk: Izd-vo SibAGS. [Rogachevskaya M.A. Academician Ivan Ivanovich Yanzhul – founder of financial science in Russia: (Scientific biography)].
- Sartorius G.* (1812). Nachal'nye osnovaniya narodnogo bogatstva i gosudarstvennoe hozyajstvo, sleduya teorii Adama Smita. Kazan': Universitetskaya tipografiya. [Sartorius G. The initial foundations of national wealth and state economy, following the theory of Adam Smith].
- Seligmen B.* (1968). Osnovnye techeniya sovremennoj ekonomicheskoy mysli. M.: Progress. [Seligmen B. The main currents of modern economic thought].
- Stepanov V.L.* (1998). N.H. Bunge: Sud'ba reformatora. M.: ROSSPEN. [Stepanov V.L. N.H. Bunge: the Fate of the reformer].
- Stepanov V.L.* (2008). Liberal'no-ekonomicheskij «eksperiment» v Rossii (vtoraya polovina 1850-h – pervaya polovina 1870-h gg.) // *Petr Andreevich Zajonchkovskij*: Sb. St. i vospominanij k stoletiyu istorika. M.: ROSSPEN. S. 491–512. [Stepanov V.L. The liberal-economic «experiment» in Russia (the second half of the 1850s – the first half of the 1870s)].
- Tebiev B.K.* (2001). Ekonomicheskij liberalizm v Rossii XIX veka i kritika socialisticheskikh ekonomicheskikh idej. M.: MPA. [Tebiev B.K. Economic liberalism in nineteenth-century Russia and criticism of socialist economic ideas].
- Tugan-Baranovskij M.I.* (1903). Oчерki iz novejshej istorii politicheskoy ekonomii. SPb.: tip. I.N. Skorohodova. [Tugan-Baranovskij M.I. Essays on the recent history of political economy].
- Chizhevskij D.I.* (2007). Hegel' v Rossii. SPb.: Nauka. [Chizhevskij D.I. Hegel in Russia].
- Cvajnert Jo.* (2008). Istoriya ekonomicheskoy mysli Rossii: 1805–1905. M.: Izdatel'skij dom GU VSHE. [Cvajnert Jo. History of economic thought in Russia: 1805–1905].
- Chernavskij M.Yu.* (2004). Etatizm, princip avtarkii v ekonomike i ideya gosudarstvennogo socializma v konservativnykh koncepciyah XIX – nachala XX veka // *Rossijskaya imperiya: Strategii stabilizacii i opyty obnovleniya*. Voronezh: Izd-vo VGU. S. 426–431. [Chernavskij M.Yu. Statism, the principle of autarchy in the economy and the idea of state socialism in conservative concepts of the XIX – early XX century].
- Shlyocer H.* (1805–1806). Nachal'nye osnovaniya gosudarstvennogo hozyajstva, ili nauki o narodnom bogatstve: v 2 ch. M.: Universitetskaya tipografiya. [Shlyocer H. The initial foundations of the state economy, or the science of national wealth].

- Chuprov A.I.* (1918). *Istoriya politicheskoy ekonomii*. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh. [Chuprov A.I. History of political economy].
- Yanzhul I.I.* (1890). Bismark i gosudarstvennyj socializm // *Vestnik Evropy*. № 8. S. 728–739. [Yanzhul I.I. Bismarck and state socialism].
- Cancrin G.* (1845). *Die Ökonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen: Von einem ehemaligen Finanzminister*. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung. [Cancrin G. The economy of human societies and finance: from a former minister of Finance].
- Fichte Jo.G.* (1800). *Der geschlossene Handelstaat*. Tübingen: J.G. Gotta. [Fichte Jo.G. The closed commercial state].
- Möller A.* (1809). *Die Elemente der Staatskunst*: 3 Bde. Berlin: Sander. [Möller A. The elements of statesmanship].
- Müssiggang A.* (1968). *Die soziale Frage in der historischen Schule der deutschen Nationalökonomie*. Tübingen: Mohr (Siebeck). [Müssiggang A. The social question in the historical school of German Economics].
- Rau K.H.* (1826–1837). *Lehrbuch der Politischen Ökonomie*: 3 Bde. Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung. [Rau K.H. The textbook of Political Economy].
- Storch H.V.* (1815). *Cours d'économie politique ou exposition des principes imperials qui determinent la prospérité des nations*. St. Petersburg: Imprimé chez A. Pluchart et comp. [Storch H.v. Political economy courses or exhibition of Imperial principles that determine the prosperity of nations].

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Финансовый университет,
Москва

«НАУЧНЫЕ ТРАНСАКЦИИ» И СЛЕПЫЕ ПЯТНА В АНАЛИЗЕ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (О книге профессора А.Н. Олейника «Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках»)¹

Аннотация. В рецензии рассматривается пионерная работа А. Олейника, посвященная анализу институтов науки и их влиянию на результативность исследований. А. Олейник разграничивает вертикальные и горизонтальные научные транзакции, которые поддерживаются разными наборами институтов. Автор показывает, что вертикальные транзакции связаны с властными институтами. Последние ограничивают академическую свободу, что приводит к снижению результативности исследований.

В работе рассматриваются такие специфические институты, как рецензирование и отбор статей, грантов на научные исследования, конкурсы на замещение научных должностей.

Поскольку А. Олейник связывает научную результативность с количеством научных публикаций, индексом цитирования и прочими количественными показателями, возникает слепое пятно, связанное с отсутствием критериев ценности науки для общества. Институты науки оказываются близки к институтам спорта, причинно-следственная связь между наукой, продукцией которой являются публикации, и социально-экономическим развитием является неоднозначной.

Ключевые слова: научные транзакции, сети, власть, иерархии, результативность научных исследований.

Классификация JEL: B41, B52, D23, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10213

Сравнительно небольшая по объему книга известного российского институционального экономиста А.Н. Олейника представляет собой, на наш взгляд, редко встречающееся в науке *пионерное исследование*. Сам автор определяет цель своего труда следующим образом: «Институциональная экономика ставит вопрос о влиянии институтов на функционирование экономики... Почему бы не задать аналогичный вопрос в отношении науки: как институты науки влияют на исследовательскую деятельность и результативность труда ученых? Данная книга представляет собой попытку сделать некоторые шаги в данном направлении...» [С. 2].

Однако что же в этом «пионерного»? Среди социологов несколько лет назад вызвала большой резонанс работа М. Соколова и К. Титаева, посвященная туземной и провинциальной науке [Соколов, Титаев, 2013], еще раньше К. Титаев писал об «академическом сговоре», который в российских вузах приводит к «инфляции оценок» [Титаев, 2012]. Различение между туземной и провинциальной наукой авторы делают на основе «откры-

¹ Олейник А.Н. Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках. М.: ИНФРА-М, 2019. Далее цитаты из книги А.Н. Олейника даются без указания источника, в квадратных скобках приводятся только номера страниц.

тости – закрытости» научных коммуникаций, что очень близко к тому, как А.Н. Олейник различает типы научных транзакций. Наконец, у самого А.Н. Олейника в конце книги приводится библиографический список из 375 работ, которые так или иначе относятся к теме его исследования.

Принципиальная новизна работы автора, на наш взгляд, заключается в его попытке не только выделить и описать то, как устроены научные институты, но и верифицировать гипотезы об их взаимосвязи с результативностью исследований. Традиционным ходом размышлений экономистов об институтах является то, что институты позволяют экономить транзакционные издержки. А.Н. Олейник практически сразу же отказывается от этой логики: «Транзакционные издержки в институциональной среде науки России не обязательно выше тех, что наблюдаются в Северной Америке. Без сбора эмпирических данных ответа на вопрос о том, на что требуется больше времени и усилий – на поддержание хороших отношений с N коллег или с M научных администраторов (при том, что $M < N$), – не найти...» [С. 18]. Поэтому автор делает, если прибегнуть к метафоре, «шаг назад», переходя от Р. Коуза к Дж. Коммонсу, от оценки величины транзакционных издержек к характеристике самих транзакций. И потом уже, с помощью различных способов оценки и проверки гипотез о характере связей транзакций с институтами науки и результативностью исследований, А.Н. Олейник делает выводы.

Несмотря на кажущуюся очевидность вопроса о связях между институтами науки и результативностью исследований, сразу же возникает несколько проблем. Во-первых, что считать «институтами науки»? Как уже указывалось, автор прибегает к классификации транзакций. В схеме, которая приводится на стр. 5, видны два типа таких транзакций – вертикальные и горизонтальные. Вертикальные – взаимодействия с научным администратором и политиком, но также и со студентами. Горизонтальные – между коллегами, читателями и цитируемыми авторами. Все это выстраивается вокруг определенных институтов, в т.ч. – властных. И книга А.Н. Олейника также структурируется через характеристику и сравнительный анализ данных институтов, сложившихся в различных странах.

Вторая проблема – как определять результативность труда ученых? У автора это не вызывает затруднений – результативность определяется через количество статей, проиндексированных в Web of Science и elibrary, на основе которых рассчитываются соответствующие «хирши» и количество Нобелевских премий, полученных учеными той или иной страны. По нашему мнению, такой подход приводит к появлению «слепых пятен», которые ставят под сомнение часть полученных в работе результатов, однако сразу же стоит оговориться, что подход А.Н. Олейника разделяет, по-видимому, большинство и научных администраторов, и авторитетных ученых, имеющих влияние на формирование государственной научной политики в России.

Основная гипотеза работы предъясняется читателю почти сразу же, в предисловии к книге. Хотя автор специально оговаривается, что: «априорные допущения о предпочтительности той или иной институциональной среды сознательно не делаются... Ни одна из рассматриваемых институциональных сред не является идеальной» [С. 8], в целом результативность западных исследователей оценивается выше, чем российских ученых, особенно в общественных науках. При этом в институциональной среде западной науки доминируют горизонтальные транзакции, в российской – вертикальные. Отсюда решающим фактором является академическая свобода, которая в США обеспечивается на уровне отдельного исследователя, а не организации (вуза или НИИ), как в России. «Под академической свободой здесь понимается способность ученого самостоятельно ставить исследовательские задачи, методы проведения исследования, интерпретировать полученные результаты и выбирать способ их распространения (в том числе и журналы для публикации результатов)... Академическая свобода ценна не только потому, что на ее основе можно достичь определенного научного результата... Она

ценна еще и тем, что предоставляет возможность принять участие собственно в «игре», то есть в научных исследованиях. В пользу такой трактовки академической свободы свидетельствует и специфика научных исследований... научные исследования – высоко-рисковое предприятие. Заранее неизвестно, какое направление исследований оправдывает себя, а какое – нет (и уж тем более это неизвестно научному администратору или политику). Поэтому вознаграждение исключительно по результатам снизит стимулы к поиску новых методов и теорий. Следовательно, академическая свобода обладает ценностью и сама по себе.

Во-вторых, точно измерить качество обладающих новизной результатов исследования невозможно ввиду уникальности этого «товара»... Отсюда риск не заметить действительно стоящие открытия. Если академическая свобода исключительно инструментальна, то есть ценна лишь в той мере, в какой ценны полученные с ее помощью результаты, то риск первооткрывателя остаться незамеченным не будет вознаграждаться ничем» [С. 19]. Попросту сказать, при прочих равных условиях, сравнивая результаты и издержки научных исследований, академическую свободу следует рассматривать как дополнительный чистый доход.

Казалось бы, на этом можно было бы и закончить: горизонтальные трансакции обеспечивают большую академическую свободу, а стало быть, надо копировать западные институты, что повысит отечественную результативность и т.д. Но для А.Н. Олейника здесь только начало исследования. Научные трансакции могут осуществляться в двух регистрах – один является, по сути, личностным: это сети, кружки, научные школы; другой – обезличенным. В последнем случае ученый обращается «к городу и миру», это своего рода «Республика Писем». Поскольку большинство ученых общается сразу в двух регистрах (хотя часто один из них сильно доминирует), возникает конфликт интересов, который автор скрупулезно рассматривает на примерах практики рецензирования статей в журналах, заявок на гранты и заявок на получение теньюра.

С автором редактор журнала общается в двух регистрах: «На основе преимущества общения с автором в обоих регистрах редактор укрепляет свою власть. Более того, роль редактора никогда не ограничивается только ролью ученого: он одновременно выступает в качестве участника сети, члена научной школы, сотрудника университета и т.д. Функция контролера на входе... позволяет редактору сознательно или неосознанно продвигать партикулярные интересы, влияющие в дальнейшем на развитие дисциплины в целом...» [С. 104].

С этим можно только согласиться, однако автор идет дальше и проговаривает вслух секрет, известный всем телефонным хулиганам: анонимность при «слепом рецензировании» раскрепощает весьма недобрые чувства товарищей по исследованию: «Личные архивы большинства ученых несомненно включают примеры оскорбительных и/или наставнических комментариев со стороны своих коллег. Я тоже не являюсь исключением» [С. 107].

При рецензировании заявок на гранты, как показывает опыт США, объективности, если понимать под последней степень согласованности мнений рецензентов, существенно больше [С. 108]. Думается, это обеспечивается тем обстоятельством, что рецензенты знают оценки друг друга, проходят несколько «кругов обсуждения», анонимность, в общем-то, пропадает. Кроме того, в комитет «оценщиков» в случае, рассматриваемом автором, входило 10 участников, а не 2 анонимных рецензента, как это практикуется отечественными (да и зарубежными) журналами².

² Трудно сказать, получил бы автор более высокую согласованность оценок грантов, нежели статей, анализируя опыт рецензирования РНФ, РФФИ и ведущих отечественных журналов.

В отношении институциональных практик конкурса на замещение вакантных должностей профессоров А.Н. Олейник отмечает отсутствие в России позиции «тенью-ра»³, гарантирующей своего рода пожизненный найм. С одной стороны, незащищенность российских профессоров способствует развитию такого явления, как «инфляция оценок» – приходится учитывать то, что на прохождение очередного конкурса будет влиять мнение студентов о «качестве преподавания». С другой стороны, автор отмечает, ссылаясь на П. Бурдые и других авторов, что иерархия при отборе способствует развитию nepoтизма [С. 120–121]. Безусловно, процедура отбора профессорско-преподавательского состава в России крайне иерархична и основана в первую очередь на властных, вертикальных трансакциях. Хотя нормативных оценок автор старательно избегает.

Рассматривая институциональную среду науки, автор вводит важную методологическую посылку, различая «два типа обществ: холисткий и модерный, или сложный. В обществах первого типа функциональной дифференциации нет, а поведение людей в разных сферах не отличается... Принимая во внимание одно из определений модерности как процесса функциональной дифференциации и возникновения автономных сфер с собственными правилами игры, например, политики, экономики, промышленности и т.д., общество второго типа можно охарактеризовать наличием сложной, функционально дифференцированной институциональной среды... Вместо того чтобы отделять одну страну от других, как в случае бывшего Советского Союза или сегодняшней Северной Кореи, «железный занавес» в этом случае отделяет друг от друга сферы, действующие внутри одной страны, например, рынок от социальной сферы, политику от рынка и т.д. Именно степень проницаемости этого «занавеса» и определяет принадлежность институциональной среды к холистскому либо к сложному типу» [С. 135–136].

Автор не без оснований полагает, что «сложный», функционально дифференцированный тип общества, в котором институты науки являются автономными от институтов бизнеса и/или политики, обеспечивает существенно большую академическую свободу, нежели в обществах, близких к холистскому типу. Используя общеизвестный пример, можно заметить, что высокая «проницаемость» занавеса между политикой и рынком ведет к формированию пресловутой олигархии, аналогичное свойство будет приводить к формированию соответствующих структур как в академической науке, так и в образовании. Отмечая, что североамериканские институты науки являются наиболее автономными, А.Н. Олейник ставит вопрос о возможности переноса «лучших практик» на российскую почву. В связи с этим особый интерес представляет пятая глава работы, где сравниваются опыт и результаты функционирования МГУ (традиционная российская практика) и НИУ ВШЭ. Последний во многом заимствовал западные институты, включая позицию «ординарных профессоров», близкую к теньюра⁴.

³ Автор ярко характеризует специфику этой практики: «Так как в Северной Америке существует теньюр, то вопросы найма приобретают чрезвычайно важное значение: избавиться от коллеги подчас сложнее, чем супругам получить развод. Получение работы, открывающей перспективы на теньюр (tenure-track), рассматривается как высшая точка научной карьеры ввиду ее редкости... Конфликты по поводу найма в таких условиях приобретают особую интенсивность и персонифицированный характер» [С. 15].

⁴ По этому поводу автор отмечает: «можно привести несколько аргументов, доказывающих обратное. Во-первых, политика НИУ ВШЭ в отношении ординарных профессоров («Положение об ординарных профессорах ГУ-ВШЭ» от июня 2005 г.) не содержит правовых гарантий занятости. В противном случае НИУ ВШЭ нарушила бы статью 332 Трудового кодекса Российской Федерации, закладывающую правовую основу возобновляемых контрактов. Во-вторых, беседы с несколькими ординарными профессорами НИУ ВШЭ подтвердили, что безопасность их статуса зависит исключительно от доброй воли ректора. НИУ ВШЭ не принимает на себя каких-либо юридических обязательств в этом плане. В-третьих, независимо от характера обязательств НИУ ВШЭ не имеет механизма к их принудительному исполнению, поскольку все опять же зависит от руководства НИУ ВШЭ. В-четвертых, процедура избрания ординарных профессоров НИУ ВШЭ непрозрачна. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что подать заявку на звание ординарного профессора невозможно. Профессор назначается другими ординарными профессорами и/или членами высшего руководства НИУ ВШЭ» [С. 309].

Для того, чтобы оценить результативность университетов, автор – как и в других частях работы – прибегает как к простому частотному анализу, так и к эконометрическим методам. Это придает большую убедительность полученным выводам, главный из которых заключается в том, что «культурные предприниматели» заимствуют на западе те практики, которые «не ставят под вопрос ведущую роль власти в российской институциональной среде и не меняют преобладающую модель властных отношений» [С. 199]. Как ни странно, в этом плане НИУ ВШЭ, как оказалось, не так уж сильно отличается от МГУ.

По ходу сравнения результативности исследований автор ставит вопрос – как на оценки повлияло внедрение российского индекса научного цитирования (Russian Science Citation Index)? Именно применение последнего позволяет НИУ ВШЭ продемонстрировать удивительную результативность исследований в общественных науках. Описывая то, как отбирались журналы для индексирования, А.Н. Олейник указывает, что «Представитель НИУ ВШЭ отвечал за отбор журналов в области общественных и гуманитарных наук, ситуация в которых является основным предметом обсуждения в настоящей книге. Для понимания результатов отбора научных журналов в этих двух областях следует отметить, что представитель НИУ ВШЭ занимал должность первого проректора и одновременно главного редактора одного из экономических журналов, включенного в итоге в RSCI. Научные журналы, издаваемые НИУ ВШЭ, существенно выиграли в результате создания RSCI. Данный университет издает в общей сложности 27 журналов, подавляющее большинство из которых, 25, печатает работы в области общественных и гуманитарных наук. 14 из публикуемых НИУ ВШЭ журналов, или 52% от их общего числа, были в итоге проиндексированы в RSCI» [С. 190–191]. Подобные важные детали действительно, как указано в аннотации к книге, раскрывают то, как работает «научная кухня». И уже ради этого работу стоит читать.

Мы не ставим перед собой задачу пересказать всю книгу. В ней много авторских новаций, связанных с эмпирической проверкой высказываемых гипотез. Например, гипотезы о взаимоотношениях между автором и читателем были проверены в стиле экспериментальной экономики В. Смита [Смит, 2008], при помощи небольшого коллектива единомышленников. Для этого выделялись характеристики глубокого и поверхностного чтения, рассматривалось влияние на восприятие читателя удобочитаемости текста (А.Н. Олейник приводит следующую цитату: «Плохо организованный текст требует от читателя больше усилий в отличие от хорошо организованного, передающего читателю, как правило, больше информации. Исследования установили, что читатели с низким уровнем знаний получают больше от текстов второго типа, в то время как читатели с высоким уровнем знаний – от текстов первого» [С. 215]. Отметим, впрочем, что собственный эксперимент автора, описанный в работе, опровергает результаты этих исследований). Большой интерес вызывает раздел, посвященный инфляции вузовских оценок, и т.д.

Тем не менее обсуждение того, как устроена наука, обуславливает появление «слепого пятна», исключаящего обсуждение вопроса – зачем она нужна. По нашему мнению, все российские ученые придерживаются мнения о необходимости расширения нашей академической свободы, а заодно – о полезности теньюра для каждого из нас лично. И полная автономность сферы науки в сложном, функционально дифференцированном обществе – это российским ученым просто маслом по сердцу. При этом, конечно, предполагается привилегированное положение этой автономной сферы – доходы среднестатистического ученого должны быть как минимум в два раза больше, чем в остальных сферах, включая финансовый сектор или промышленность, а лучше бы – и еще повыше.

Функциональная дифференциация, вообще говоря, не исключает вопроса об оценке общественной полезности. Перепроизводство стали, зерна или, скажем, картин, написанных масляными красками, даже при условии возможностей экспорта, приведет к снижению доходов отдельных производителей. Если оценивать результаты научной деятельности в количестве статей, то сколько научных статей готово оплачивать общество, даже учиты-

вая то обстоятельство, что существенная часть из них будет опубликована в зарубежных журналах?

Очевидно, что сравнение сферы науки со сферами материального производства выглядит некорректно. Измерение результативности научных исследований в количестве статей, опубликованных в журналах с высоким импакт-фактором, получение высокого индекса цитирования, а также – тех или иных престижных премий делают науку скорее похожей на спорт, нежели на «производство». Но как указывает сам же А.Н. Олейник со ссылкой на Н. Розова, «утилитарное использование некоторых идей Коллинза приведет к переключению “внимания с содержания философии на социальную борьбу”» [С. 41].

Но ведь так оно и есть. «Девиантные формы поведения» ученых обычно связывают с плагиатом и мошенничеством (например, в приписывании волшебного эффекта тем или иным методикам). Однако если их расширить, включив поведение «контролера на входе», пропускающего «своих» или выбора только тех «лучших практик», которые сохраняют и укрепляют сложившиеся в вузах и НИИ властные иерархии, о чем так хорошо пишет А.Н. Олейник, то занятия наукой получают совсем иную интерпретацию. Институты науки в таком случае становятся очень похожими на институты спорта. Антидопинговые агентства, осуществляющие допуск к соревнованиям, ведут себя как редакторы журналов, договорные матчи и допинг выглядят как процедуры «накрутки индекса Хирша» и импакт-факторов... Кроме того, есть и такая вещь, как замалчивание чужих результатов, что в современном спорте напоминает отказ в визе для участия в соревнованиях спортсменам, которые могут угрожать местным фаворитам.

В свою очередь, если согласиться с оптимистичным утверждением прогрессивной общественности, что развитие науки и трансформация научных институтов является причиной, а не следствием экономического роста, то наиболее эффективные институты науки находятся сейчас не на Западе, а в Китае и Индии. Более того, легко заметить, что при сохранении сложившихся трендов удельный вес статей ученых из этих стран будет повышаться, как и удельный вес соответствующих журналов в международных наукометрических базах. Однако кто связывает успехи Китая и Индии, как и стран Юго-Восточной Азии вообще (включая Японию), с быстрым развитием науки в этих странах? И где тот новый Д. Мокир, который бы взялся это доказывать?

Сколько членов научного сообщества верит в то, что в течение ближайших 25 лет термин «мировая наука» станет ассоциироваться с «восточной», а не с «западной» наукой? По нашему мнению, такой казус не случится никогда, в том числе, конечно же, беспристрастный, лишенный политических и идеологических пристрастий, Нобелевский комитет, присуждающий время от времени премии экономистам с противоположными взглядами, подобного не допустит.

Странно, конечно, что А.Н. Олейник, так хорошо разбирающийся в тонкостях устройства образования и науки, пишет в конце своей замечательной книги: «Лучшим средством борьбы с инфляцией оценок будет осуществление оценивания как студентов, так и преподавателей на основе стабильного набора общепринятых критериев. Это представляется возможным только в том случае, если эти критерии производны от абсолютного приоритета, отдаваемого поиску истины, будь то истина парадигмальных наук или истина, укорененная в согласованной реальности непарадигмальных наук» [С. 258]. Перед этим почти все изложение работы убедительно свидетельствовало о том, что коллеги-исследователи стремятся либо к тениру, либо к хорошим отношениям с начальством, для чего и используется личный регистр научных трансакций. А тут – внутри вуза – безличный регистр, совместный поиск истины, сакральность, коллеги знают, каковы критерии производны от поиска истины, а какие – от лукавого...

Впрочем, чего только не случается на свете. Может быть, где-то такое и существует, но автор просто забыл или не успел описать эти идеальные институты науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Олейник А. (2019). Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках. М.: ИНФРА-М.
Смит В. (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль.
Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. №19. С. 239–275.
Титаев К. (2012). Академический сговор // Отечественные записки. № 2. С. 184–194.

Ореховский Пётр Александрович
orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
orekhovskypa@mail.ru

SCIENTIFIC TRANSACTIONS» AND BLIND SPOTS IN ANALYSIS OF INSTITUTES OF SOCIAL SCIENCES (About the book by professor A.N. Oleynik «Scientific Transaction: networks and hierarchies in the social sciences)

Abstract. The review examines the pioneering work of A. Oleynik, devoted to the analysis of the institutions of science and their influence on the effectiveness of research. A. Oleynik distinguishes between vertical and horizontal scientific transactions, which are supported by different sets of institutions. The author shows that vertical transactions are connected with imperious institutions. The latter reduce the degree of academic freedom, which leads to a decrease in the effectiveness of research.

The work analyzes such specific institutions as peer review and selection of articles, grants for research and elections for filling scientific posts (tenure).

Since A. Oleynik associates scientific performance with the number of scientific publications, citation index and other quantitative indicators, a blind spot arises due to the lack of criteria for the value of science for society. Institutes of science are similar to the institutions of sport, the causal link between science, whose products are publications, and the socio-economic development is ambiguous.

Keywords: *scientific transactions, networks, power, hierarchy, the effectiveness of scientific research.*

JEL classification: B41, B52, D23, Z13.

REFERENCES

- Oleynik A. (2019). Nauchnyye transaktsii: seti i iyerarkhii v obshchestvennykh naukakh [Scientific Transactions: Networks and Hierarchies in the Social Sciences] M.: INFRA-M.*
Smith W. (2008). Eksperimental'naya ekonomika [Experimental Economics]. M.: IRISEN; Mysl'.
Sokolov M., Titayev K. (2013). Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and native science] //Antropologicheskiy forum. №19. Pp. 239–275.
Titayev K. (2012). Akademicheskiy sgovor [Academic Conspiracy] // Otechestvennyye zapiski. № 2. Pp. 184–194.